

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

785

LÄÄNEMEREMAADE MAJANDUSLIKUD
JA POLIITILISED SIDEMED
XVII-XX SAJANDIL

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ БАЛТИКИ В XVII-XX ВЕКАХ

UURIMUSI LÄÄNEMEREMAADE AJALOOST IV
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СТРАН БАЛТИКИ IV

TARTU 1987

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHİK 785 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

LÄÄNEMEREMAADE MAJANDUSLIKUD
JA POLIITILISED SIDEMED
XVII-XX SAJANDIL

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ БАЛТИКИ В XVII-XX ВЕКАХ

UURIMUSI LÄÄNEMEREMAADE AJALOOST IV
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СТРАН БАЛТИКИ IV

ТАРТУ 1987

Toimetuskolleegium: H. Ligi, H. Piirimäe,
M. Tänav

Редакционная коллегия: Х. Лиги, Х. Пийримяэ,
М. Тянава

Vastutav toimetaja: M. Tänav

Ответственный редактор: М. Тянава

Umbrispaberi kujundanud Kaljo Põllu

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 785.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ БАЛТИКИ В ХУІІ-ХХ ВЕКАХ.

Исследования по истории стран Балтики¹У.

На эстонском и русском языках.

Резюме на разных языках.

Тартуский государственный университет.

ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Юликооди, 18.

Ответственный редактор М. Тянава.

Корректоры Л. Яго, И. Пауска, М. Ребане.

Подписано к печати 09.10.1987.

МВ 08971.

Формат 60х90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 10,83.

Печатных листов 9,5.

Тираж 400.

Заказ № 818.

Цена 2 руб. 20 коп.

Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Тийги, 78.

LAEVANDUS JA LAEVAEHITUS NARVAS XVII SAJANDI LORUL

H. Piirimäe

XVII sajandi viimased aastakümned olid hiilgeajaks Narva kaubanduse arengus. Selle peamiseks põhjuseks oli kaubavahetuse intensiivistumine Lääne- ja Ida-Euroopa maade vahel XVI-XVII sajandil /1/. Paljud majandusajaloolised uurimused on näidanud Ida ja Lääne vahelise kaubanduse tähtsust nii feodaalsuhete arengule Ida-Euroopas kui ka kapitali esialgse akumulatsiooni protsessile Lääne-Euroopas. Omaette probleemiks, mis on väga tihedalt seotud kaubandusajaloo uurimisega, on laevanduse areng, s.o. milliste maade laevadega toimus kaupade sisse- ja väljavedu ühes või teises kaubalinnas, kui intensiivne oli laevaliiklus ja kui palju oli kaubalinnal endal laevu. Viimase küsimusega seostub ka laevaehitus. Probleemid on olulised seetõttu, et laevaehituse ja oma laevanduse areng tähendas riigi või kaubalinna merevõimu tõusu. Oma kaubalaevade ehitamine või ostmine märkis kaubalinna kaupmeeste jõukuse kasvut, samas aga ka püüet senisest edukamalt konkureerida välismaa kaupmeeste ja reederitega. Ühtaegu seostub laevaehitus ka tööstuse arengu probleemidega. Põhimõtteliselt oli see manufaktuur, mis omakorda stimuleeris metsatööstust ja saeveskite ehitamist, nõudis sepi, köiepunumist, purjeriide kudumist, tõrva ja tõkati ajamist jne.

Käesoleva artikli ülesandeks on esitada uusi andmeid ja teha nende põhjal esialgseid kokkuvõtteid laevanduse ja laevaehituse arengust Narvas XVII sajandi lõpul. Silmas on peetud nii kaubandus- kui ka merendusajaloo aspekte. Viimastest on huvipakkuvad mitte ainult statistilised kokkuvõtted, vaid ka detailandmed üksikute laevade kaupa. Need andmed võiksid edaspidi olla toeks ka kaupmeeskonna uurimisel.

Senises kirjanduses on mõningaid andmeid laevaehitusest Narvas esitanud Arnold Soom, kellel põhiprobleemiks on olnud aga metsatööstus /2/. Tõsiseks üldistavaks käsitluseks Eesti meresõidu ajaloost on Ants Pärna "Meri ja mehed", kus rõhutatakse, et "laevadeehituse kohta Eestis XVII sajandi teisel poolel on usutavaid andmeid Narvast" /3/. Tegelikult on autoril olnud võimalik toetuda siiski ainult A. Soomi ülalmainitud artiklile, mis omakorda viitab meie tolleaegse merenduse vähestele uuritusele. Seoses probleemiga eri maade osast Eesti linnade kaubanduses on käesoleva artikli autor mõõdamises puudutanud ka eri maade lipu all

sõitvate laevade osa /4/.

Suhteliselt rohkem on tehtud laevanduse uurimiseks Läti ajaloolaste poolt. Georg Jenš on koostanud Riia laevade nimekirja a. 1666 - 1696, mis ei pretendeerigi küll täielikkusele (nimeliselt 33 laeva) /5/. Hiljuti ilmunud Vassili Dorešenko väga põhjalikus monograafias on käsitletud Riia kaubandust XVII sajandil /6/.

Põhjallikaks käesoleva artikli kirjutamisel olid ära kirjad tõenditest, mida Narva magistraat andis oma linna laevadele sõiduks läbi Taani väinade. Tõendidsi-saldavad üksikasjalikku teavet laevaomanike ja kippa-rite kohta. Vahel on märgitud ka laeva suurus, tüüp, kus ehitatud jne. Enamus tõendeid on säilinud aastatest 1687 - 1696, ainult osa laevade kohta jätkuvad nad 1697. aastani ja mõnede sõitude kohta ka Põhjasõja alg-aastaist 1702 - 1704. Andmete lünklikkust ei võimalda aga viia käsitlust 1697. aastast kaugemale. Täiendavaks allikaks on Narva tolliraamatud, mis on XVII sajandi teisest poolest, säilinud lünklikult aastatest 1662 - 1696 (üldse 8 aasta kohta) /7/.

Allikakriitilisest seisukohast on saadud andmed ainult miinimumarvud, sest tõendeid ei antud laevadele, mis pidasid ühendust sadamatega ida pool Taani väinu, tolliraamatuid on aga ainult üksikute aastate kohta. Seetõttu osutub vajalikuks detailmaterjali esitamine üksikute laevade kaupa, et seda oleks võimalik teistel uurijatel üksikleidude alusel täiendada.

Narva saabunud ja sealt väljunud laevade päritolu näitab tabel 1. Selgub, et Eesti-, Liivi- ja Ingeri-maa laevu külastas Narvat arvukalt 1668. ja perioodi lõpul - 1696. aastal. Oluline erinevus on aga selles, et kui 1668. a. olid need peamiselt Tallinna laevad ja hiidlaste paadid, siis 1696. aastaks olid enamuses juba Narva kodanikele kuuluvad alused.

Säilinud tolliraamatutes algavad sissekanded Narva laevade reisidest 1660. aastate teisel poolel. Selle allikaliigi iseärasuste tõttu on andmed laevade kohta kasinad. Märgitud on laeva kippar, ei ole teada laeva nime ega omanikke, enamikul aastatel ei ole märgitud ka laeva suurust. Nii sisse- kui ka väljaveos näitab laevade arv tegelikult reise. 1666. a. tolliraamatu alusel tehtud kokkuvõtete järgi on nii saabunud kui ka väljunud laevade seas Narva laevu kahel korral. Tegelikult oli see ainult üks laev (kippar Erich Jacobson), mis tegi kaks reisi Stockholm /8/. Kaks aastat hiljem nähtuvad tolliraamatus kahe Narva laeva (kipparid Mattias Jacobson ja Simon Thomason) reisid Stockholm ja tagasi /9/.

Vähe leidub tolliraamatuis Narva laevu ka 1670. aastate algul: 1671. a. üks väljunud laev (kippar Christoff Beckborg) Stockholm ja üks laev sealt tagasi (kippar Michel Matson) /10/. 1672. a. esineb ainult üks laev, mille kippar on Michel Jacobson /11/. Seevastu 1677. a. on väljunud laevade hulgas juba neli alust (kipparid Michel Jörenson (Göranson), Jurgen Bruhr, Johan Meuring ja Erich Hanson). 1679. aastal esineb juba 7 kip-

parit. Kuna aga laevade nimesid pole nimetatud, ei ole välistatud, et mõnel laeval on kippar vahetunud. Igal juhul on märgatav Narva laevade arvu suurenemine 1670. aastate lõpul.

1670. aastateks oli Narva kaupmeeste jõukus juba niivõrd kasvanud, et üritati käiku lasta oma laevaehitust. Eelduseks võis olla ka mitme saeveski olemasolu Narvas. Ettevõtmine langes soodsale ajale, sest merkantilistlikust majanduspoliitikast lähtudes osutas Rootsi valitsus tõsist huvi oma kaubalaevastiku loomise vastu. 14. septembril 1672. a. oli maakohunik Hinrich Cronstierna saanud kuningalt privileegi laevaehitusverfi rajamiseks Riia lähedale /12/. Vaevalt võis see jääda teadmata ettevõtlikele Narva kaupmeestele. Varsti pärast seda on Narva kaupmees ja bürgermeister Jurgen Tunder (Tunderfeld) pöördunud Rootsi kuninga poole palvega kaasabi ja sellekohase privileegi saamiseks. Palvele järgnes Karl XI resolutsioon 8. septembrist 1673. a. /13/, mis sisult on kuninglik privileeg.

Nimetatud resolutsiooni algul rõhutab kuningas, et laevaehitus on kroonule ja maaale kasulik ning seetõttu antakse Jurgen Tunderile ning ta pärijaile ja kaasaanikele õigus laevaehituse rajamiseks ja edendamiseks. Kaitseks teiste võimalike laevaehitajate eest annab privileeg Jurgen Tunderile esimeseks kümneks aastaks ainuõiguse Narvas laevade ehitamiseks. Privileegi saajal on õigus värvata välismaa meistreid ja käsitöölisi: puuseppi, köiepunujaid, seppi, purjetegijaid, värvaleid jt. Värvatud meistrid vabastatakse kõigist koormistest, kontributsioonidest, värbamistest, majutustest jms., v.a. tollid ja aktsiis, millest keegi ei ole vaba. Erandiks oli Rootsist Narva toodav raud, millelt kuningas lubas tolle alandada. Sellised soodustused pidid olema vajalikud, et oskustööliste värbamine üldse korda läheks.

Laevaehituseks sai J. Tunder ka platsi sadamajuurres. Ehitusmaterjali saamiseks on kuningas saatnud kammerkolleegiumile korralduse rentida privileegisaajale välja Narvas asuv kroonu saeveski.

Privileegi saamisel oli J. Tunder kinnitanud, et laevaehitusega ei kavatse ta laastata metsi Rootsi riigi piirides, vaid tahab tuua materjali Venemaalt. Erandiks pidid olema väiksed kogused laeva sisemuse jaoks, ilma metsi kahjustamata. Ilmselt olid Narva lähema ümbruse metsad sattunud ohtu, nii et kuningas kiidab selle lubaduse heaks. On tõenäoline, et asjaolusid arvestav Narva suurkaupmees privileegi taotledes vastava punkti sisse võttis.

Ehitusmaterjaliks kavatses J. Tunder kasutada kuuske. Kuningas teatab, et ta ei taha seda takistada, kuid rõhutas vajadust, et laevad oleksid hästi varustatud raudpoltide ja muu vajalikuga ning avaldas soovi, et edaspidi kasutataks ka Venemaalt hangitavat tamme. Ehitatavad laevad pidid olema määratud oma maa tarbeks. Välismaalastele müümiseks pidi olema kommerskolleegiumi luba.

A. Soomi andmeil rajas J. Tunder oma laevaehitusettevõtte alles 1680. aasta paiku /14/. 1680. aastate algul asus Narvas laevu ehitama ka Jakob Porteus, kes oli rajanud saeveski Kampersholmi saarele. Esimene laev tema ettevõttes olevat ehitatud tõenäoliselt 1684. aasta paiku ühe Tallinnas elava kippari ja Rootsi kaasreederite tellimusel /15/. 1692. või 1693. aastal rajas inglise päritolu Narva suurkaupmees William (Wilhelm) Kettlewell (Kettelwell) laevaehitusettevõtte ka Narva jõe vasemal kaldal asuvas Vepskülas. W. Kettlewelli, Heinrich Funcki ja Herman Poorteni supliigist Narva raele (sisse antud 12. juulil 1695) on juttu Hinrich Erichsi laevaehitusest Narva-Jõesuus (Magerburg), milles supliigi esitajad kõrvuti H. Erichsiga reederitena osalevad /16/. Reederid kaebavad hollandi puuseppade peale, kes on halbade töötingimuste tõttu omavoliliselt töölt lahkunud.

Kahjuks ei võimalda käesoleva töö kirjutamiseks kasutada olnud arhiivimaterjalid jälgida Narva laevaehitust selle esimestel aastatel. Ka ostetud laevade kohta algavad lähemad andmed alles 1687. aastaga.

Narvas ehitatud laevadest kohtame kaugsõitudel esimesena "Caroluse" nimelist alust, mille kippar on Tallinna kodanik Peter Knack. 6. augustil 1689 Narva magistraadi poolt välja antud tõendi järgi on selle omanikeks rentmeister Axel Christersson Lilliegreen, Narva raehärra Thomas Loftus, Narva kodanikud Jacob Porteus, Johan Rodde, Gödert Haartman, Wilhelm Kettlewell ja Albrecht Numens, Tallinna raehärra Didrich Rodde, Tallinna kodanikud Berendt Rodde, Thomas Haeks, Gaspar Knieper, Peter Knack (Knaak), Stockholmi kodanik Berend Koch ning kontrolör Adrian Tretzel /17/. Tallinna kodanikest on kippar Peter Knaakil 1/8 osa, kuna teistele Tallinna kodanikele kuulub igale 1/16 osa. Seega on laev ehitatud mitmete Narva ja Tallinna kodanike ühiste kapitalidega: 1. mail 1692 Narva magistraadi poolt välja antud tõendi järgi on laeva omanike seas veel Stockholmi kodanik Zephonias Kroyer /18/. 1693. aastal on Narva reederite osa selle laeva omanikena Tallinna ja Stockholmi kodanike arvel kasvanud. Rõõmu ehitatud laevast ei jätkunud omanikele aga kauaks. Reederite kaupadega laadituna on see laev 1693. aastal hukkunud /19/. 27. mail 1693 registreeriti Narvas ehitatud laevana 189-lastine "Neitsi Dorothea Catharina" /20/. 3/4 sellest kuulus Narva kodanikule Johan Haartmanile, 1/4 omanikuks oli Tallinna kodanik Johan Lanting. Laeva kippariks oli Narva kodanik Peter Junffer. 5. oktoobril 1693. aastal välja antud tõendi kohaselt oli laeva esimeseks reisisihiks Danzig või Königsberg, sealt edasi pidi ta suunduma Amsterdam ja siis juba Setuballi (St. Übesse) /21/.

Vähemalt kaks kaugsõidulaeva on Narvas valminud 1694. aastal, üks neist on tolle aasta 14. mail registreeritud "Narva Linn" /22/. Laeva suurus oli 194 lasti, ta ainuomanik Narva suurkaupmees Johan Haartman, kip-

par sama linna kodanik Creyn Jappes von der See. Laev läks laadungiga, mis koosnes rukkist, loomarasvast ja kanepist, Amsterdami. 15. juunil 1696 välja antud tõendi kohaselt oli sama laev teel Norrasse, et peale võtta metsamaterjali Hispaaniasse viimiseks. Hispaaniast (Cádizist või Alicantest) pidi ta peale võtma soola. Edasised andmed aga puuduvad.

Narvas ehitatud on ka 23. augustil 1694 registreeritud "Püha Jüri" (St. Georg), mis kuulus Jurgen Tunderfeldi pärijatele /23/. Laeva suurus oli 179 lasti, kippariks Narva kodanik Tiert Aukes. Seekord on teada ka ehitusmeister Cornelius Janson /24/. 27. septembril 1694 välja antud tõendis on laeva ainuomanik Jürgen Tunderfeldi poeg Gustav Johan (sama ka 20. okt. 1694). Järgmisel aastal on see laev aga hukkunud /25/.

1695. aastal on Narvas ehitatud laev "Püha Helena", mille suurus oli 140 lasti /26/. Selle omanikuks on Narva kodanikud Jochim Kostfeldt ja Wilhelm Kettlewell, kippariks Stockholmi kodanik Edward Hill. 7. augustil 1695 teatasid omanikud, et laev siirdub metsamaterjaliga Lissaboni, et sealt tuua Narva soola. Hukkunud laevade nimekirja kohaselt on see laev samal aastal Narva ja Tallinna vahel hukkunud /27/. Tegelikult oli see laev Käsmsus talvitunud ja alles 1696. aasta kevadel Aegna juures madalikule jooksnud /28/.

1696. aastal Narvas valminud laev on 140-lastine "Dorothea", mille on lasknud ühiselt ehitada rida Narva ja Tallinna kodanikke /29/. Laevast kuulus William Kettlewellile 1/16, Christian Göttele 1/16, Albrecht Numensile 3/16 ja Gottfried Üserile 1/16. Laeva kipparile, Tallinna kodanikule Anthoni Knackile kuulus 5/16 ning Tallinna kodanikele Caspar Knieperile 1/8, Johan Clayhillesile 1/16 ja Henrich Cahlile 1/16 /30/. 8. juunil 1696 Narva magistraadi poolt välja antud tõendist nähtub, et laev valmistus lina-, kanepi- ja raualaadungiga sõitma Londoni ja sealt edasi Prantsusmaale või Portugali /31/. Järgnevalt ilmub laev "Dorothea" allikatesse 1698. a. Tolle aasta 16. mail välja antud tõend kajastab vahepeal toimunud muudatusi narvakatest reederite hulgas /32/. Narva kodanikest on laeva reederite seas Johan Christoph Schwartz 1/32, Lorentz Sutthoff 1/16, Christian Kook (ilmselt siis Götte) 1/16 ja Gottfried Üser 1/16 osaga.

1696. aastal on ehitusmeister Berend Busman ehitanud 100-lastise laeva "Narva Kuberner" (Gouverneur of Narva) /33/. Kippariks oli Reinhold Pander Junior, reederiteks linnusekrahv Christopher v. Kochen, kaupmees Joachim Kostfeldt, surnud Johan Haartmanni pärijate poolt Herman Dittmar, kaupmehed Simon Johan Schwartz, Albertus Tretzel, Herman Poorten, Jürgen Wright, Lorentz Sutthof, Gottfried Üser, Jost Cöllner ja kippar Reinhold Pander Junior /34/. 7. juunil 1697 on Narva magistraat andnud välja tõendi selle laeva sõiduks kanepi-, loomarasva-, roguski- jms. laadungiga Amsterdami /35/. Sealt peab laev jätkama reisi Prantsus-

maale, et tuua soola ja kangaskaupu. Samad omanikud olid laeval ka 1699 (tõend 27. juulist) /36/. 10. juunil 1697 välja antud tõendist selgub, et lisaks eespool loetletud Narva kodanikele olid väikeste osadega selle laeva reederiteks ka Tallinna kodanikud Rabe Rudolph Londicen (1/16) ja Johan Jobotson Hueck (1/16) /37/. Neist esimese asemele oli 1699. a. asunud narvakas Jost Cöllner.

Kolmas 1696. aastal Narvas valminud laev on "**Concordia Narvensis**", mille suurus oli 190 lasti /38/. Kippariks oli Narva kodanik Marten Filter, reederiteks aga 14 Narva kodaniku: superintendent Jacob Lang, lin-nusekrahv Christopher v. Kochen, kammeriir Erich Borg, raehärra Sigismund Adam Wolff, Jacob Porteus, Diedrich Geerken, Jochim Kostfelt, Wilhelm Kettlewell, Johan Haartman, Albertus Tretzel, Herman Poorten, Loretz Sutthoff, Gottfried Üser ja kippar Marten Filter. Ainult Jacob Porteusele kuulus laevast 3/16 osa ja kipparile 1/8, kuna aga teistele enamasti 1/16 või 1/32 osa /39/. 27. juulil 1696 on välja antud tõend laeva sõiduks metsamaterjalidega Lissaboni, kust ta peab tooma soola ja veini. Nagu selgub magistraadi tõendist 18. juunist 1697, kuulus "**Concordia Narvensis**" Narva kodanikele ka sellel aastal, kusjuures esinevad vaid surmast tingitud väiksemad muudatused /40/. Laev suundus Riia kaupmees Hans Hinrich Berensile kuuluva po-tase ja metsamaterjaliga Amsterdam. Sealt pidi ta edasi sõitma Norrasse, et peale võtta puulaadung Portuga-li viimiseks. Portugalis kavatseti peale võtta soola ja veini, et tuua see laadung mõnda Läänemere sada-masse.

1697. aastal valmis Narvas ehitusmeister Jan Claes-sen Hoofti ehitatud laev "**Neitsi Sidonia**", suurus 65 las-ti. Selle kippar oli Tallinna kodanik Anders Hising, reederid kubermanguvalitsuse sekretär Johan Theslef ning Narva kodanikud Bastian Ritter, Jost Cöllner ja Gottfried Üser /41/. Laev suundus puulaadungiga Prant-susmaale (St. Martini, La Rochelle'i ja Bordeaux'sse), et tagasi tulla soola ja veiniga.

Samal 1697. aastal valmis Narvas ehitusmeister Cornelis Jansen Boordeni ehitatud 120-lastine "**Anna Barbara**" /42/. Laev kuulus Jurgen Tunderfeldi pärija-tele, keda esindas raamatupidaja Rodolph Johann Hack, kippariks oli Narva kodanik Friedrich Friedrichs. 17. mail 1697 välja antud tõendi kohaselt pidi laev sõit-ma metsamaterjalidega Amsterdam /43/. Hiljam on see laev olnud korduvalt kaugsõitudel /44/.

Ehitusmeister Cornelius Jansen Boortenil on samal 1697. aastal valminud Narvas ka 159-lastine "**Püha Maria**" /45/. Laeva kippar oli Johan (John) Nothon, reederid Jurgen Tunderfeldi pärijad (ametlik esindaja raamatupidaja Rudolph Johan Hack), Johan Haartmani pärijad (esindaja Herman Dittmar) ning Narva kaupmees Simon Johan Schwartz /46/. Laev suundus Narvast met-samaterjalidega Cadizisse, et tuua sealt soola Hol-

landisse, Norrasse või mõnda muude Läänemere sadamasse /47/. Samade andmetega kippari ja reederite kohta esineb laev ka 30. juunil 1699 /48/.

Seega leidub dokumentides 11 Narvas ehitatud laeva, mis vaatluse all olevail aastail võtsid ette kaugreise.

Mõned laevad on lastud Narva kodanike poolt ehitada teistes sadamalinnades.

1691. aastal valmis Wismaris tammepuust laev "**Narva Raekoda**", mille olid lasknud ehitada Narva kodanikud /49/. Selle kippar oli Jochim Scharffenberg, reederid Johan Hartmann (Haartmann) 1/2 osaga, Gödert Hartmann 1/4 ning William Kettlewell ja kippar Jochim Scharffenberg kumbki 1/8 osaga. Samad omanikud olid laeval ka 1693. aastal (andmed 13. veebruarist ja 20. septembrist) /50/. Laev suundus lina, kanepi ja lõuendiga Narvast Londonisse, et seejärel tuua Prantsusmaalt soola ja veini /51/.

Narva kaupmehed koos Stockholmi kodanikega on lasknud Gävles ehitada uue laeva, mille nime selle sissekandmisel 21. novembril 1692 ei mainita /52/. Laeva kippariks oli Narva kodanik Hans Knaak (Knack) ning reederiteks Narva kodanikud Johan Rodde ja Gödert Haartmann kumbki 1/8 osaga ja Hinrick Funck ja Herman Poorten kumbki 1/16 osaga. Olejäänud 5/8 laevast kuulus Stockholmi kodanikele. Ilmselt on tegemist laevaga "**Patientia**", mis 20. septembril 1697 välja antud tõendi kohaselt oli 100 lasti suur ja mille omanikeks olid Narva linnusekrahv Christopher von Kochen ning Narva kodanikud ja kaupmehed Johann Rodde, Herman Poorten, Gödert Haartmanni pärijate nimel Herman Dittmer ja kippar Hans Knaak /53/. Peale nende olid laeva omanikeks veel Tallinna ja Stockholmi reederid. Laeva kippariks oli Narva kodanik Hans Knaak. Samasust näitab kippari ja põhiliste reederite nimede kokkulangevus.

Nevanlinnas (Nyenise) oli lastud ehitada Narva laev "**Kuldne Päike**", mille suurus oli 200 lasti /54/. Laeva omanikud olid Narva kodanikud Christian Götte ja Herman Poorten, kippariks sama linna kodanik Johan Jettjes. Laev esineb esmakordselt tõendeis 2. veebruarist 1695, kui omanikud saadavad ta metsamaterjalide, tõrva, tõkati jms. kaubaga Lissaboni, Cadizisse või Livornosse /55/. 1696. aastal olevat laev võõrastele ära müüdud /56/. Ilmselt peab see paika Christian Götte osa suhtes, sest 19. aprillil välja antud tõendi alusel kuulub pool sellest laevast endiselt Herman Poortenile /57/.

Enamiku Narva kaupmeestele kuulunud laevade kohta puuduvad andmed, kus nad on ehitatud. Tõenäoliselt on nad ostetud, kuigi ainult üksikute kohta öeldakse seda sõnaselgelt. Nende laevade rida algab 1687. aastaga. Tolle aasta 18. juunil on Narva magistraat andnud välja tõendi, et laev "**Püha Johannes**", mille kippar on Narva kodanik Niclus Rüssel, kuulub Narva kodanik Wilhelm (William) Kettlewellile /58/. Laev on teinud

reise Taani väinadest lääne pool asuvatesse sadamatesse ka hiljem, mida näitavad Narva magistraadi tõendid 14. juunist ja 4. oktoobrist 1688, 11. septembrist 1690/59/. Laeva suurus oli 45 lasti. 3. juulil 1692 on W. Kettlewelli kõrval kaasomanikuna registreeritud ka Johannes Rüssel /60/ (arvatavasti endise kippari poeg). Kippariks oli Narva kodanik Anders Craalbeck. 1692. aastal on tehtud sissekanne "Püha Johannese" hukkumise kohta /61/, ilmselt on see siiski eksitus, sest samade andmetega laeva kohta on antud 3. juulil 1693 tõend, et ta sõidab W. Kettlewellile kuuluva puhta linaga Hulli.

1688. aastal asus kaugsõidule Narva laev "**Suur Christoffer**", mille kippariks oli selle linna kodanik Claus Knoep. Narva magistraat tõendab 26. aprillil 1688, et selle reederiteks on Narva kodanikud Diedrich Geerckens, Johann Rodde, Gödert Haartman, Thomas Lofftus, Wilhelm Kettlewel, Heinrich Funck, Johann Haartmann, Peter Rode (ilmselt Rodde), Herman Poorten, Philip Kirianoff ja Garassim Condrattioff /62/. Viimases kahes pole raske ära tunda venelasi Philip Kirianovit (Kirjanovit) ja Gerassim Kondratjevit.

Alates 1689. aastast sõidab kaugreise Narva laev "**Dagerort Narvast**", mille kippar on Tallinna kodanik Anthoni Knack /63/. Laev on ehitatud Tahkunas /64/, millele viitab ka ta nimi (*Dagerort* 'Tahkuna'). Puuduvad aga andmed, kas ta on Narva reederite poolt lastud Hiiumaal ehitada või sealt ostetud. Laeva suurus oli 60 lasti. 3/4 sellest laevast kuulus Narva kodanikule Thomas Lofftusele, 1/8 omanikuks oli Tallinna kodanik Diedrich Rodde, kuna 1/8 kuulus laeva kipparile. Samad reederid samade osadega on registreeritud Narva magistraadis 9. juunil 1692. Laev on korduvalt teinud kaugsõite lääne poole Taani väinu /65/. 14. septembril 1696 välja antud tõendi kohaselt on laev lina ja kanepiga teel Londonisse, kust peab sõitma Prantsusmaale soola ja veini järele /66/. 1696. a. on selle omanike ring mõnevõrra laienenud. Belmiste kõrval esinevad reederitena veel *häradsövding* Joachim Krebs (ta volinikuks on Albertus Tretzel) ja Tallinna raehärra Diedrich (Dirich) Roddes (Rodde) /67/. 21. mail 1697 on viimase laevalt 1/8 suuruse osa ostnud Tallinna kodanik Heinrich Cahl. /68/. Pärast Thomas Lofftuse surma on tema pärijatest 1697. a. sügisel reederi kohale asunud Jürgen Straalborn (Stralborn). Kui laev 1695. a. suundus lina- ja kanepilastiga Inglismaale, oli kippariks Narva kodanik Heinrich Scharfenberg /69/, kes oli samas ametis ka 1696. ja 1697. a.

Paar uut laeva on Narva kodanikud juurde hankinud 1691. a. Kõigepealt on 28. juulil 1691 registreeritud laev "**Narva Fortuuna**" (*Fortuna von Narva*), mille kippariks on Narva kodanik Peter Anderson ja ainukeseks reederiks sama linna kodanik Alexander Gilbert /70/. Selle laeva järgnevatest kaugreisidest annavad tunnistust magistraadi uued tõendid /71/ (26. mail 1692, 21. mail 1693 ja 12. novembril 1696). Viimased andmed laeva koh-

ta on 1697. aastast /72/.

24. septembril 1691 on registreeritud 60-lastine laev "Püha Peetrus" (*Sankt Petrus*), mille kippariks oli Narva kodanik Hinrich Quickzau /73/. 1/4 osadega on laeva reederiteks Narva kodanikud raehärra Thomas Loftus, kodanikud Gödert Haartman ja Wilhelm Kettlewell ning 1/8 osaga Hinrich Götte ja kippar Hinrich Quitzau. Samad mehed esinevad laeva omanikena ka 21. aprillil 1692 /74/. Narva magistraadi tõendis 9. juunist 1692 märgitakse sama laeva umbkaudse suurusena 50 lasti. Laeva oodatakse parajasti tagasi Prantsusmaalt ning ta peab seejärel alustama reisi Inglismaale ja Prantsusmaale. 19. juulil 1692 on "Püha Peetrus" Prantsuse soolalaadungiga teel Riiga Põhjamerele hukkunud /75/.

Oige innukalt on Narva kodanikud muretsenud uusi laevu 1692. aastal. 7. mail registreeriti Narva magistraadis laev "Margaretha ja Lucia", mille suurus oli 50 lasti /76/. Laev on ehitatud Kalmari tammepuust, kuulunud Stockholmi reederitele, müüdud siis Inglismaale ja ostetud sealt Narva kodanike raehärra Thomas Loftuse ja kippar Johan Rüsseli poolt, kusjuures kummalgi kuulub pool laevast. Juba samal aastal on see laev aga tagasiteel Riist torma käes hukkunud.

Thomas Loftus on samal 1692. aastal omandanud üksinda veel kaks laeva. 18. juunil on ta registreerinud 40-lastise laeva "Wilhelm & Georg", mille kippariks oli Narva kodanik Johan Noton /77/. 6. juulil on ta registreerinud juba 40-lastise laeva "Johan & Thomas", mille on ostnud Narva raehärralt Herman Dittmerilt ja Stockholmi kipparilt Matz Bärtelssonilt /78/. Neist esimene laev on olnud Thomas Loftuse omandiks kuni 1694. aastani, sooritades kaugreise nii 1692. kui ka 1693. aastal /79/. Laeva sõidusihiks oli 1693. a. London ja seejärel Prantsusmaa, laadungiks lina ja kanep.

Ka "Johan & Thomas" on sooritanud korduvaid reise Taani väinade taha /80/. 1693. a. on laev lina- ja kanepilaadungiga suundunud Inglismaale, et tagasi tulla soolaga /81/. Ka 1694. on välja antud tõend sõiduks Wilhelm Kettlewellile kuuluva puhta linaga Londonisse, kust peab edasi sõitma Prantsusmaale. 26. märtsil 1697 suundus laev lastiga, mis koosnes kanepist, tõrvast ja laudadest, Exchesteri ning sealt Bordeaux'sse veinide ja muude kaupade järele. Laeva kippariks oli aastail 1692 - 1694 Narva kodanik Philip Woudhous, alates 1695. aastast sama linna kodanik Georg Burges /82/. 1697. aastal, kui Thomas Loftus oli surnud, esindas ta pärijaid selle laeva reederina Jürgen Straalborn, kuna kippariks oli Narva kodanik Robert Coper.

Thomas Loftus oli osanik ka neljandas laevas, mille Narva kodanikud muretsesid 1692. a. See 80-lastine alus osteti Stockholmist, kuid registreerimisel 22. augustil 1692 selle nime ei mainita /83/. Laeva kippariks sai Narva kodanik Georg Burges. Omanik oli 1/2 osaga Narva raehärra Thomas Loftus, 1/8 osadega Narva

kodanikud Wilhelm Kettlewell ja kippar Wilhelm Woodhus ning 1/4 osaga Stockholmi kodanik Berend Koch. 1693. a. sissekandes on selle laeva nimeks "**Ivangorod von Narva**". 2. novembril 1693 teatavad Thomas Loftus ja Wilhelm Kettlewell, et laev on teel Rotterdamist Newcastle'isse, et tuua seal Rotterdami kivisütt /84/. Seejärel peab ta minema Bordeaux'sse, et peale võtta Narva toomiseks veine. 1694. aastal on see laev ilmselt hukkunud, kuigi sel puhul toodud andmed lähevad veidi lahku eespool toodutest. Nimelt on Norra ranniku juures hukkunud 100-lastine laev "**Ivangorod**", reederiteks Thomas Loftus 6/10, Berend Koch 1/10 ja W. Kettlewell 1/10 osaga ning kippariks Georg Burges /85/. Nagu näha, on andmed põhiosas kokkulangevad ning väikesed erinevused võivad olla tingitud ebatäpsustest.

Laevaks, mille ostmise või ehitamise aeg on teadmata, kuid mis 1692. a. kuulus Narva kodanikele, on "**Narva Loss**". 5. oktoobril 1692 tõendab Narva kodanik Johan Theslef, et sellest laevast kuulub talle 1/2 osa /86/. Järgmisel päeval on Narva magistraat välja andnud tõendi, et laev kuulub Narva kodanikele Johan Theslefile ja Wilhelm Kettlewellile ja et kippariks on Narva kodanik Joh. Rüssel. Andmed sama laeva kuuluvusest Narva kodanikele on ka 21. märtsist 1694. 1695. aastal on laev aga teadmata põhjustel kinni võetud Inglise sõjalaeva poolt /87/. Katsed laeva tagasi saada ei ole andnud tulemusi ja laeva kippar on Inglismaal mure tõttu (*aus Sorge und Bekümmerniss*) surnud.

1692. aastast on ka andmed laeva "**Printz Carolus**" kohta, millele on 28. juulil välja antud pass tollivabaduse kohta Taani väinades /88/. Laeva kippariks oli Narva kodanik Friedrich Ides ning reederiteks kodanikud Jochim Kostfeldt ja Wilhelm Kettlewell. Registreeritud on laev aga alles 23. märtsil 1693, kusjuures ta suuruseks on märgitud 150 lasti. 1693. ja 1694. aastal on laev vedanud puumaterjale Amsterdamist /89/. 1695. a. on samad omanikud müünud laeva Hollandisse /90/.

Alates 1692. aastast on andmeid ka 120-lastise Narva laeva "**Narva Vapp**" (*Das Wapen von Narva*) kohta /91/. Laeva ainuomanik oli Wilhelm Kettlewell, kippar Narva kodanik Schelte Cornelis (Cornelius). 1695. aastal oli kippariks Jan Cornelissen Boen /92/. 1692 - 1697. on laev sooritanud korduvaid reise läbi Taani väinade, enamasti puulaadungiga Amsterdamist. 1697. aasta reisisil oli tal ülesanne minna Amsterdamist veel soolaadungi järele Prantsusmaale ja viia uus puumaterjailaadung Norrast Amsterdamist.

19. juulil 1693 on registreeritud Narva laevana "**Rootsi Kuningas**", mille suurus on 131 lasti /93/. Ehitatud oli see Hollandis tammepuust /94/. Laeva omanikeks olid Narva kodanikud Bastian Ritter ja Christian Götte ning kippariks sama linna kodanik Rommert Ziel. Laeva sihtsadamaks oli Amsterdam, laadungiks metsamaterjal. Samad andmed laeva omanike, suuruse ja kippari kohta on ka 1. juunil 1694 välja antud tõendis

laeva sõiduks puulaadungiga Amsterdamis /95/. Kuna Christian Götte oli Bastian Ritteri väimees, on viimane 27. veebruaril oma osa sellest laevast esimesele üle andnud ning nii sai Christian Götte selle laeva ainuomanikuks /96/.

Kuu aega hiljem on samad C. Götte ja B. Ritter endale kuuluva Narva laevana registreerinud laeva "**Narva Raekoda**" (*Das Rathaus von Narva*), mille suurus oli 120 lasti ja kippariks Johan Jeljes /97/. Samad andmed "**Narva Raekoja**" kohta on toodud ka 11. mail 1694, kui laev läheb reederite puulaadungiga Amsterdamis /98/. Sama aasta 14. augustil välja antud tõendis laeva sõiduks puulaadungiga Amsterdamis on Christian Götte juba selle laeva ainuomanik. Samade andmetega esineb see laev ka 16. septembril 1695, siis on ta kippariks Narva kodanik Friedrich Friedrichs. 3. juulil 1696 ning 25. juulil 1696 on aga välja antud tõendid, mille järgi laeva omanikuks on kapten Gustav Johan Tunderfeldt /99/.

Ilmselt 1693. a. juurde muretsetud Narva laevaks on ka "**Lauakandja**" (*Bräderdrager*), mille ainuomanikuks oli Narva kodanik Jakob Porteus ning kippariks sama linna kodanik Niels Beersson Frisk /100/. Laev registreeriti Narva magistraadis 20. juulil 1693. Ta laadungiks oli saematerjal ja reisisihiks Inglismaa. Tõendi järgi suundus laev 15. oktoobril saelaudadega La Rochelle'i, et tagasi tuua soola, veini ja teisi kaupu /101/. Kaugreisidel on see laev ka 1695. ja 1696. aastal /102/.

1693. a. esimest korda allikates esinevaks Narva laevaks on ka "**Narva Lootus**", mille suurus oli 40 lasti, kippariks Narva kodanik Sigbrand Johanson, reederiteks suurtükiväeoberst Johan Staël von Holstein ja Narva kodanik Wilhelm Kettlewell /103/. 28. augustil 1693. a. on laeva omanikud esitanud taotluse saada tõend laeva sõiduks Prantsusmaale, et peale võtta soola- ja veinilaadung. 1694. aastal on see laev aga Põhjamerele hukkunud /104/.

Osaliselt Narvale kuulus laev "**Printz Carl**", mis registreeriti Narva magistraadis 2. oktoobril 1693. Laeva suurus oli 200 lasti ning kippariks Nevanlinna kodanik Simon Clausson Brandaris /105/. Narva kodanikest oli üheks reederiks Johan Haartman. Teiseks oli Tallinna raehärra Hindrich Baad ning Tallinna kodanikud Caspar Knieper, Berend Hettling ja Jacob Stampehl Andersson. 27. aprillil 1696 esineb Narva kodanik Johan Haartman sama laeva ainuomanikuna, kuid seda tuleb ilmselt mõista küll ainult narvakate osa suhtes, sest 5. veebruaril 1697 tõendab sama Johan Haartman, et sellest laevast kuulub talle pool osa /106/.

Kõne all olnud laev on näiteks Narva, Tallinna ja Nevanlinna kodanike ühisettevõtetest ühe ja sama laeva reederitena. Mõnikord on märgatav aga, kuidas naaberlinna omadest rikkamad narvakad tõrjuvad oma suuremate kapitalidega ühisettevõttest teised reederid välja. Üheks selliseks näiteks on Nevanlinnas ehitatud 170. lastine laev "**Fortuuna**", millest Narva raehärra Thomas

Loftus on ostnud 1693. aastal 1/4 ja kippar Johan Rüssel 1/16 osa /107/. Järgmisel aastal on sellest laevast juba enamus kuulunud Narva kodanikele. Reederiteks olid peale Thomas Loftuse keegi sekretär Peter Gollsteen ning Narva kodanikud W. Kettlewell, Georg Peerson ja Heinrich Erich /108/. Nevanlinna kodanikest oli reederiks jäänud veel ainult Johan Heinrich Fricius (Frisius), kellele kuulus ainult 1/8 osa /109/. 21. mail 1694 andis Narva magistraat välja tõendi laeva sõiduks Londonisse laadungiga, mis koosnes kanepist, linast ja Vene lõuendist /110/. 1695. aastal oli see laev juba täielikult narvakate omand. Reederiteks olid peale eespool nimetatud T. Loftuse, P. Gollesteeni, W. Kettlewelli ja G. Peersoni veel kubermanguvalitsuse sekretär Johan Theslaff ning kaupmehed Christian Götte, Heinrich Funck ja Herman Poorten /111/. 16. sept. teatasid reederid, et laev läheb kanepi-, lina-, laua- ja raualaadungiga Londonisse ning sealt edasi Prantsusmaale või Hispaaniasse soola järele /112/. Reederite ring muutus mõnevõrra 1696. aastal. 2. oktoobril teatasid Narva kodanikud Johan Clayhills ja Hinrich Cahl, et nad on ostnud sellest laevast kumbki 1/4 osa /113/.

Ka järgnevatil aastail olid Narva kaupmehed sageli osanikud Nevanlinnas ehitatud laevades. 1694. aastal ostsid Thomas Loftus ja Wilhelm Kettlewell väikesed osad Nevanlinnas ehitatud laevast "**Tallinna Carl**" (*Carl von Reval*), mille kippariks oli Tallinna kodanik Peter Knack /114/. Laevast kuulus Thomas Loftusele 1/8, Wilhelm Kettlewellile 1/16.

1695. a. on Narva laevaomanik Johan Haartman omandanud poole laevast "**Kuningas Salomon Nevaninnast**" (*Der König Salomon von Nyen*), millel kippariks oli Narva kodanik Peter Johanson Kloster /115/. Laev oli erakordselt suur, nimelt 280 lasti.

23. augustil 1695 mainitakse esmakordselt Narva laeva "**Püha Johannes**" /116/. Selle 175-lastise laeva ainuomanikuks on jälle Narva kodanik Johan Haartman, kippariks sama linna kodanik Johan Noton. Laev siirdustõrvalaadungiga Amsterdami ning sealt edasi kangaskaupadega Lissaboni, Cadizisse ja Alicantesse, et peale võtta soola ja mitmesuguseid kangaskaupu Tallinna ja Narva toomiseks. Veel samal aastal on "**Püha Johannes**" aga Tallinna lähedal hukkunud /117/.

1696. a. mainiti esmakordselt Narva laeva "**Eva Maria**", mis kuulus Narva kodanikule Johan Haartmanile /118/. Laeva kippariks oli Tallinna kodanik Adrian Cornelius Halfkaeg. 25. mail 1696 on Narva magistraadi poolt välja antud tõend sõiduks metsamaterjalidega Lissaboni, et tuua sealt Narva soola /119/. Narva laevana samade üldiste andmetega esineb "**Eva Maria**" ka 16. juulil 1697.

Esitatud detailse materjali kokkuvõtteks on tabel 2. Narva laevade nimekiri on esitatud artikli lisas 1.

Tabelist nähtub, et aastatel 1687 - 1697 on kaugsõitudel (lääne pool Taani väinu) 36 laeva, mille oma-

nikeks olid Narva kodanikud. Ligi kolmandik nendest oli ehitatud Narvas, osa laevu aga lastud ehitada Narva kodanike poolt mujal. Eriti intensiivne oli laevanduse areng Narvas 1692. ja 1693. aastal. Kõige aktiivsem oli Narva reederite tegevus kaugsõitudel 1692 - 1695, kui laevade arv lähenes teadaolevalt paarikümnele. Järgnevatel aastail vähenes juurdetulevate laevade arv, järeldus vähenesid kaugsõidud. Põhjuseks oli ilmselt suurnäljaaeg aastail 1695 - 1697. Seejuures ei lakanud siiski laevaehitus. Nii 1696. kui ka 1697. aastal valmis Narva verfides kolm uut kaubalaeva. On iseloomulik, et olemasolevatel andmetel olid Narvas ehitatud laevad kõik suured. Ainult "Neitsi Sidonia" oli 65-lastine, ülejäänud 100 - 190 lasti vahel. Oma tüübilt olid enamik Narva laevu karavellid. See oli kõrgete parraste ning vööri- ja ahtriheitustega Vahemeremaadelt ja Portugalist pärinev 3- või 4-mastiline purjekas, mille kasutamine oli Euroopas muutunud üldiseks juba XV sajandil. Karavell oli varasematest laevatüüpidest tunduvalt merekindlam, sest selle ehitamisel asetati plangud serviti üksteise vastu, mitte aga katusekivide eeskujul serviti üksteise peale /120/.

Laevaehitusmeistrid Narvas olid peamiselt madalamalased. Narvas ehitatud laevadest kuulus sealsete verfide rajajale Jurgen Tunderile täielikult kaks laeva ja osaliselt veel üks. Ohe seal ehitatud laeva omanik oli suurkaupmees Johann Haartmann, enamik laevu kuulus aga reederite grupile. Sama kehtib ka mujal ehitada lastud ja ostetud laevade kohta. William Kettlewellile kuulusid "Püha Johannes" ja "Narva Vapp", Alexander Gilbertile "Narva Fortuuna", Thomas Loftusele "Wilhelm & Georg" ning "Johan ja Thomas", Göder Haartmanile "Carolus", Johan Haartmanile "Püha Johannes" ja "Eva Maria". Suurem osa laevu kuulus aga reederite rühmale. Enamasti ei näita see Narva reederite vaesust ega nende kapitalide vähesust, sest paljudel neist olid osad mitmetes laevades. Pigem oli tegemist püüdega suunata akumuleeritud kapital võimalikult kiiresti uuesti ringlusele. Ei olnud kasulik koguda raha üksinda suure laeva ehitamiseks või ostmiseks, kui juba osa sellest võis anda kasumit. Kapitali paigutamine osadena paljudesse laevadesse vähendas ka riski, mis sagedaste laevaõnnetuste tõttu oli üpris suur. Uha uute osade omandamine laevades kõneleb veel kord Narva kaubanduse ja laevanduse tulukusest. Sotsiaalselt kuuluvuselt oli enamik reedereid suurkaupmehed.

On märkimisväärne, et laevanduses ühinesid XVII sajandil juba mitme linna kaupmeeste kapitalid. Laevade ehitamine on olnud Narva ja Tallinna ning Narva ja Nevanlinna kaupmeeste ühisettevõtteks.

Üksikjuhtudel on osalenud aga ka Stockholmi ja Venemaa kaupmehed.

Laevade ehitamine ja ostmine oli üheks osaks Narva bürgerite kapitalistlikku laadi ettevõtlikkusest. See oli seotud kapitali esialgse akumulatsiooniga ja aitas kaasa kaubalis-rahaliste suhete arengule.

T a b e l 1

Narvat külastanud laevade päritolu

	1662		1666		1668		1671		1672		1677		1679		1696	
	V	S	V	S	V	S	V	S	V	S	V	S	V	S	V	S
Põhja-Saksa linnad	19	21	22	21	8	8	9	11	15	14	3	2	7	8	22	23
Madalmaad	11	10	4	4	11	12	10	10	4	3	12	11	9	11	25	25
Inglismaa	3	3	-	-	3	3	11	11	-	-	27	27	26	26	22	22
Rootsi	6	7	7	7	8	7	4	4	6	8	13	12	15	15	9	9
Soome	26	29	22	23	22	22	25	27	27	32	34	35	27	24	20	24
Besti-, Liivi- ja Ingerimaa	6	5	8	9	16	15	2	2	3	3	6	2	8	10	16	17
Venemaa	19	21	22	21	8	8	9	11	15	14	3	2	7	8	22	23
Taani	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3
Norra	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Kokku	72	76	69	74	68	67	63	67	57	62	95	91	93	97	128	128

V - väljunud
S - saabunud

T a b e l 2 -

Laevachitus ja laevandus Narvas

Aasta	Uusi laevu		Narva laevu kaugsõitudel	
	Narvas ehitatud	Mujal ehitatud ja ostetud	Kokku	
1687	-	1	1	1
1688	-	1	1	2
1689	1	1	2	3
1690	-	-	-	3
1691	-	3	4	6
1692	-	8	8	14
1693	1	6	7	19
1694	2	1	3	18
1695	1	3	4	17
1696	3	1	4	14
1697	3	-	3	15
Kokku	11	25	36	36

Narva kaugsõidulaevade nimekiri 1687 - 1697

Jrk. nr.	Laeva nimi	Suurus lastides	Psinemine allikates
1.	"Püha Johannes"	45	1687-1693
2.	"Suur Christoffer"	?	1688
3.	"Dagerort Narvast"	60	1689-1697
4.	"Carolus"	?	1689-1693
5.	"Narva Fortuuna"	?	1691-1697
6.	"Püha Peetrus"	60	1691-1692
7.	"Narva Raekoda"	130	1692-1693
8.	"Margaretha ja Lucia"	50	1692 (hukkunud)
9.	"Wilhelm ja Georg"	40	1692-1694
10.	"Johan & Thomas"	?	1692-1697
11.	"Ivangorod Narvast"	80	1692-1694
12.	"Patentia"	100	1692-1694
13.	"Narva Loss"	?	1692-1695
14.	"Prints Carolus"	150	1692-1695
15.	"Narva Vapp"	120	1692-1697
16.	"Neitsi Dorothea Catharina"	189	1693
17.	"Rootsi Kuningas"	131	1693-1695
18.	"Narva Raekoda"	120	1693-1696
19.	"Lauakandja"	30-45	1693-1695
20.	"Narva Lootus"	40	1693-1694
21.	"Prints Carl"	200	1693-1697
22.	"Fortuuna"	170	1693-1696
23.	"Narva Linn"	194	1694-1696
24.	"Püha Jüri"	179	1694-1695
25.	"Tallinna Carl"	?	1694
26.	"Kuningas Salomon Nevanlinnast"	280	1695
27.	"Püha Helena"	140	1695-1696
28.	"Püha Johannes"	175	1695 hukkunud
29.	"Kuldne Päike"	200	1695-1697
30.	"Dorothea"	140	1696-1698

L i s a 1 (järg)

1	2	3	4
31.	"Concordia Narvensis"	190	1696-1697
32.	"Eva Maria"	170	1696-1697
33.	"Narva Küberner"	100	1696-1699
34.	"Neitsi Sidonia"	65	1697
35.	"Anna Barbara"	120	1697-1703
36.	"Edla Maria"	159	1697-1699

KIRJANDUS

1. Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade 1500 - 1650. - Göteborg, 1973. - p. 73 - 84; Soom A. Der baltische Getreidehandel im 17. Jahrhundert: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Historiska serien. 8. delen. - Stockholm, 1961. - S. 281. Пийримяэ Х.А. Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661 - 1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли г. Нарвы // Скандинавский сборник. - Таллин, 1962. V. - С. 45 - 55; Пийримяэ Х.А. Торговые отношения России со Швецией и другими европейскими странами по материалам Нарвского ввоза 1661 - 1700 гг. // Скандинавский сборник. - Таллин, 1963. - VII. - С. 44 - 83; Пийримяэ Х.А. Тенденция развития и объем торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке. // Скандинавский сборник. - Таллин, 1964. - VII. - С. 99-111/.
2. Soom A. Narva metsakaubandus ja metsatööstus XVII sajandi lõpul // Ajalooline Ajakiri. - 1940. - Nr. 2. - Lk. 69 - 72.
3. Pärna A. Meri ja mehed: Meresõidust Eestis. - Tallinn, 1979. - Lk. 27.
4. Пийримяэ Х.А. Удельный вес различных стран Западной Европы в торговле эстонских городов XVII века // Скандинавский сборник, - Таллин, 1970. - XV. - С. 15 - 16, 19 - 20.
5. Jensch G. Der Handel Rigas im 17. Jahrhundert: Ein Beitrag zur livländischen Wirtschaftsgeschichte in schwedischer Zeit // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte / Herausgegeben von der Gesellschaft der Geschichte u. Altertumskunde zu Riga. - Riga, 1930. - 24. Bd., 2. H. - S. 138 - 140.
6. Дорошенко В.В. Торговля и купечество Риги в XVII веке. - Рига, 1985.
7. ENSV Riiklik Ajaloo Keskariiv (= ENSV RAKA), f. 1646 (Narva Magistraat), nim. 2, s. Portorio 1-6, 14; nim. 1, s. 1089.
8. ENSV RAKA, f. 1646, nim. 2, s. Portorio 2, 1. 3p., 41p.
9. Samas. - S. Portorio 3. - L. 1, 21, 25.
10. Samas. - S. Portorio 4. - L. 23, 18p.
11. Samas. - S. Portorio 5. - L. 3-4, 17p.
12. Soom A. Die merkantilistische Wirtschaftspolitik Schwedens und die baltischen Städte im 17. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. - Wiesbaden, 1963. - Bd. 11. - S. 212.
13. Riksarkivet. Riksregistraturet 1673, f. 46 ff.
14. Soom A. Die merkantilistische Wirtschaftspolitik. - S. 212.
15. Soom A. Narva metsakaubandus ja metsatööstus... - Lk. 69 - 72.

16. ENSV RAKA, f. 1646, nim. 2, s. 211, l. 1.
17. Samas, f. 1646, nim. 1, s. 811, l. 22, s. 813, l. 1, 2.
18. Samas. - S. 811, L. 30 p.
19. Samas. - S. 813, l. 3-4.
20. Samas. - S. 813, l. 19 p-20.
21. Samas. - L. 15-15 p.
22. Samas.-S. 811, l. 25 p.; s. 813, l. 23-23p.
23. Samas. - S. 811, l. 25p.; s. 813, l. 27p, 60-61p.
24. Samas. - S. 815, l. 5, 7.
25. Samas. - S. 811, l. 30.
26. Samas. - S. 811, l. 26p.; s. 813, l. 39p, 34.
27. Samas. - S. 811, l. 30.
28. Samas. - S. 813, l. 47p - 48.
29. Samas. - S. 813, l. 281; s. 814, l. 4-4p.
30. Samas. - S. 813, l. 51.
31. Samas. - S. 815, l. 4.
32. Samas. - S. 815, l. 4.
33. Samas. - S. 813, l. 77.
34. Samas. - S. 814, l. 32.
35. Samas. - L. 91-91p.
36. Samas. - S. 815, l. 30.
37. Samas. - S. 814, l. 3.
38. Samas. - S. 811, l. 28p.
39. Samas. - S. 813, l. 24.
40. Samas. - S. 814, l. 24.
41. Samas. - L. 28.
42. Samas. - S. 813, l. 91p.
43. Samas. - S. 815, l. 8, 9; s. 813, l. 91p-92.
44. Samas. - S. 815, l. 10, 12, 14, 24 [tõendeid 18. maist 1698, 18. maist 1701, 15. juunist 1701, 4. septembrist 1703).
45. Samas. - L. 83; s. 813, l. 92p - 94.
46. Samas. - S. 815, l. 89?; s. 813, l. 92p - 94.
47. Samas. - S. 813, l. 89p., 91.
48. Samas. - S. 815, l. 11.
49. Samas. - S. 811, l. 22p.
50. Samas. - S. 811, l. 24, 25; s. 813, l. 14.
51. Samas. - S. 813, l. 18 - 19.
52. Samas. - S. 811, l. 24.
53. Samas. - L. 97p - 98.
54. Samas. - S. 810, l. 42.
55. Samas. - S. 813, l. 36. Samasisuline ladinakeelne tõend on 2. oktoobrist 1695 (samas, l. 40).
56. Samas. - S. 811, l. 30.
57. Samas. - S. 813, l. 84p-89.
58. Samas. - S. 811, l. 1.
59. Samas. - L. 3, 5, 7, 9.
60. Samas. - L. 24p.
61. Samas. - L. 30.
62. Samas. - L. 14.
63. Samas. - L. 15, 23.
64. Samas. - S. 810, l. 43.
65. Samas. - S. 811, l. 16, 17; s. 814, l. 10, 30, 31, 33; s. 813, l. 97-97p.

66. ENSV RAKA, f. 1646, nim.1, s. 813, l. 73-73p.
67. Samas. - S. 814, l. 10, 33.
68. Samas. - L. 29, 30.
69. Samas. - S. 813, l. 33p.
70. Samas. - S. 811, l. 22, 31, 33.
71. Samas. - S. 811, l. 35, 37, 38, 41.
72. Samas. - S. 813, l. 84, 79p.
73. Samas. - S. 811, l. 22.
74. Samas. - L. 22p., 43.
75. Samas. - L. 30.
76. Samas. - S. 813, l. 22-23, 30p.
77. Samas. - S. 811, l. 23, 44.
78. Samas. - L. 23-23p. Laeva nimi esineb ka knjul "Jean et Thomas". Prantsuspärane nimi rootsikeel ses dokumendis (ENSV RAKA, f. 1646, nim. 1, s. 813, l. 29) lubab oletada, et laev on olnud esialgselt Prantsuse päritoluga.
79. Samas. - L. 30p. 44, 46; s. 813, l. 16 (tõend 9. juulist 1692, 28. sept. 1693).
80. Samas. - S. 811, l. 46p.; s. 814, l. 1, 3; s. 813, l. 48, 83p. 97; s. 814, l. 31p. Tõendid 29. juulist 1692, 26. juunist 1695, 27. juulist 1696, 26. märtsist 1696 ja 20. septembrist 1697. a.
81. Samas. - S. 813, l. 16, 17, 26p., 83p.
82. Samas. - S. 811, l. 46, s. 813, l. 26p., 814, l. 1, 3, 31p.
83. Samas. - S. 811, l. 24, 25p.
84. Samas. - S. 813, l. 21.
85. Samas. - S. 811, l. 30p.
86. Samas. - S. 811, l. 10-12.
87. Samas. - L. 30p.
88. Samas. - S. 813, l. 9; s. 811, l. 24p.
89. Samas. - L. 11, 14p.; 17p. - 18, 21p., 23. (Tõendid 29. maist 1693, 26. aug. 1693, 14. maist 1694).
90. Samas. - S. 811, l. 30p.
91. Samas. - S. 814, l. 14 (Tõend 26. maist 1692); s. 813, l. 89-89p.
92. Samas.-S. 811, l. 16, 18, 6, 60, 24, 22, 8, 12; s. 813, l. 20, 67, 95-95p. (Tõendid 29. maist 1693, 12. oktoobrist 1693, 11. augustist 1694, 26. juunist 1695, 21. oktoobrist 1695, 29. juulist 1696 ja 9. augustist 1697).
93. Samas. - S. 811, l. 27; s. 813, l. 15p.
94. Samas. - S. 810, l. 43p.
95. Samas. - S. 813, l. 26-26p.
96. Samas. - S. 811, l. 26.
97. Samas. - L. 24p.
98. Samas. - S. 813, l. 21p., 26p.-27.
99. Samas. - S. 815, l. 6. Ostu-müügileping on sõlmitud 20. juulil 1696 (Samas, s. 813, l. 66-66p.).
100. Samas. - S. 811, l. 24p.; s. 813, l. 17, 42. 30 lasti on selle laeva suuruseks märgitud ka dateerimata rootsikeelses tõendis, mille andmed on pärit laeva reederitelt.
101. Samas. - S. 813, l. 27p. - 28.
102. Samas. - S. 811, l. 27-27p.; s. 813, l. 36-36p. (Tõendid 9. sept. 1695 ja 7. veebr. 1696).

103. Samas. - S. 813, l. 25, 18.
104. Samas. - S. 811, l. 30p.
105. Samas. - L. 25-25p. Võimalik, et viimase reederi nimi on Stampehl ning Andersson näitab ta isani-
mõ.
106. Samas. - L. 27p. Sama nähtub ka pärast reederi surma 19. mail 1697 välja antud Narva magistraadi tõendist, kui laev läheb teraviljaga Königsbergist Amsterdami ja sealt Setubali. - Samas. - L. 88-89p.
107. Samas. - S. 811, l. 25p.; s. 813, l. 20p.
108. Samas. - S. 811, l. 22; s. 813, l. 25.
109. Samas. - S. 813, l. 24 (Nevanlinna magistraadi tõend 28. aprillist 1694).
110. Samas. - S. 813, l. 23p., 26.
111. Samas. - S. 811, l. 27.
112. Samas. - S. 813, l. 38.
113. Samas. - S. 815, l. 1.
114. Samas. - S. 811, l. 26; s. 813, l. 28.
115. Samas. - S. 811, l. 26p.
116. Samas. - S. 813, l. 6, 35p., 58-58p.
117. Samas. - 811, l. 30.
118. Samas. - S. 814, l. 5.
119. Samas. - S. 813, l. 60.
120. Olechnovitz K.-F. Der Schiffbau der Hansischen Spätzeit. - Weimar, 1960. - S. 8-10.

СУДОВЛАДЕНИЕ И СУДОСТРОЕНИЕ В НАРВЕ В КОНЦЕ XVII ВЕКА

Х. Пийримяэ

Р е з ю м е

Последние десятилетия XVII века были временем расцвета нарвской торговли. В настоящей статье приводятся новые данные и подводятся первоначальные итоги развития мореплавания, кораблестроения и судовладения в Нарве в 80-90-е гг. XVII века. В качестве источника использованы архивные материалы ЦГИА ЭССР, в основном справки Нарвского магистрата, выдававшиеся шкиперам для прохождения через датские проливы в 1687-1697 гг. Дополнительным источником послужили таможенные книги г. Нарвы 1662-1696 гг.

В 1673 г. Карл XI выдал крупному нарвскому купцу Юргену Тундеру (Тундерфельту) королевскую привилегию на кораблестроение в Нарве. По имеющимся данным, судостроение на нарвских верфях стало развиваться в начале 1680-х годов.

В проработанных автором документах 1687-1697 гг. о заходах кораблей в гавани западнее датских проливов отмечено 36 кораблей, принадлежавших нарвским судовладельцам. Почти треть их (11) была построена в Нарве, а три корабля строились нарвскими купцами в других портах. Мастера и некоторые рабочие нарвских верфей были родом из Нидерландов.

Встречаются отдельные богатые нарвские купцы (Томас Лофтус, Вильям Кеттлевель, Юхан и Гедерт Хартман, Александер Гильберт), являвшиеся владельцами нескольких торговых кораблей. Однако большинство судов принадлежало группам судовладельцев. Это давало возможность быстрее пускать в оборот накопленные капиталы и уменьшало риск. Некоторые корабли были приобретены совместно с бюргерами соседних городов (например, кооперировались Нарва и Таллин, Нарва и Неванлинна). Среди судовладельцев встречались и русские.

Приобретение и постройка судов были проявлением предпринимательства капиталистического уклада. Это предпринимательство связывалось с процессом т.н. первоначального накопления капитала и способствовало развитию торгово-денежных отношений.

SHIPPING AND SHIPBUILDING IN NARVA IN THE LAST DECADES OF THE 17TH CENTURY

H. Piirimäe

S u m m a r y

The last decades of the 17th century witnessed a rapid development of trade in Narva. The importance of the East-West trade through Narva has been discussed in a number of books on economic history. The aim of this paper is to present some new material and draw some preliminary conclusions on shipping, building and purchase of ships in Narva in the last decades of the 17th century. The primary source of study has been certificates issued by the Narva Magistracy in 1687 - 1697 to skippers crossing the Denmark Straits, which are being preserved in the State Central Archives of the Estonian SSR. The Customs Books of Narva of 1662 - 1696 have also been consulted for additional information.

In 1673 the Swedish king Karl XI granted the merchant Jurgen Tunder (Tunderfeld) privileges to set up shipyards in Narva. According to the available data, shipbuilding in the Narva shipyards was started in the early 1680s.

The documents studied reveal that in 1687 - 1697 there were 36 vessels which belonged to citizens of Narva. Almost a quarter of them (11) had been built in Narva. 3 ships had been made in other towns to the order of Narva citizens. Most vessels were caravels. Most master-shipbuilders and part of the workforce came from the Netherlands.

There were a few rich merchants in Narva (Thomas Loftus, William Kettlewell, Johan and Gödert Haartmanns, Alexander Gilbert) who owned several ships. Most ships, however, belonged to a group of owners each. This made it possible to use up any accumulated capital immediately and lessened the risk taken. Several ships had been purchased jointly by neighbouring towns (Narva together with Tallinn, Narva with Nevanlinna).

Shipbuilding and ship-purchasing was part of Narva citizens' capitalist enterprising. It was connected with the so-called initial accumulation of capital and contributed to the development of commercial-financial relation in the area.

**ROOTSI LIIVIMAA ARMEE SÕJAKÄIK PREISIMAALE
1678 - 1679.
PLAANID JA TEGELIKKUS**

M. Laidre

Rootsi võimuperioodil aset leidnud sõjalistest konfliktidest on nõukogude ajaloolaste tähelepanu seni kõige enam kõitnud Põhjasõda, mis tõi endaga kaasa pöördelise muutuse Eesti ajaloos /1/. Mõnevõrra on uuritud veel XVII sajandi keskpaiku aset leidnud Vene - Rootsi sõda (1656 - 1661) /2/. Samal ajal on põhjendamatult tähelepanuta jäänud Rootsi armee sõjakäik Preisimaale aastatel 1678 - 1679. Tegemist on omapärase episoodiga meie ajaloos, kus on võimalik jälgida, millist mõju avaldas sõda tollastele Rootsi Läänemereprovintsidele ilma neid otseselt puudutamata. Pealegi oli Liivimaa mainitud sõjakäigu kaudu tõmmatud otseselt tolleaegse Euroopa välispoliitilistesse tormidesse.

Artikli eesmärgiks on püüda lähemalt valgustada Rootsi vägede koondamist Liivimaale ühenduses välispoliitiliste ja majanduslike teguritega, mis sellele mõju avaldasid. Vaatluse alla on võetud veel üksuste varustamine ja sõjakäigu mõju Balti provintsidele.

Artikkel on kirjutatud Eesti NSV Riiklikus Ajaloo Keskarihiis (edaspidi ENSV RAKA) leiduva fondi *Liivimaa Rootsiaegne Kindralkuberner* materjalide põhjal. Siit on kasutamist leidnud sõjaväe nimekirjad (*munsterrulla'd*) aastatest 1676, 1678 /3/, Liivimaalt Preisimaale saadetud vägede rullade eriraamat /4/, mainitud sõjakäiguga seoses olev kirjavahetus ja aktid /5/, ekspeditsioonikulude pearaamat /6/, suurtükiväe pearaamatud aastatest 1676 - 1677 /7/ ning üksuste toitlustamis- ja majutamisenimekirjad /8/.

Erialakirjanduses on sõjakäiguga seotud diplomaatilist ettevalmistust ja selle käiku, tuginedes Rootsi Riigiarhiivis leiduvatele allikmaterjalidele, uurinud N. Wimarson /9/. See on üldse senini kõige põhjalikum käsitlus nn. Liivimaa ekspeditsioonist. Rootsi ja Poola vahelise liidu sõlmimist ning selle tagapõhju seoses vaadeldava sõjakäiguga on käsitlenud E. Birnbaum /10/. Sõjategevusel Preisimaal on peatunud veel mitmed rootsi uurijad, nagu J. Mankell /11/, F.F. Carlson /12/, L. Munthe /13/, R. Fähræus /14/ ja T. Holm /15/. Kõik viimatimainitud tööd on aga ülevaatliku iseloomuga, kuna autorite tähelepanu all olid teised sündmused. Pealegi tuleb arvestada asjaolu, et RAKA-s leiduvaid materjale pole varasemad uurijad kasutanud.

Rootsi välispoliitiline olukord oli 1660 - 1670.

aastail raske. 1660-ndatel oli põhikursiks olnud lähemine Inglismaale. Varsti selgus, et Prantsusmaa-vastane poliitika ei anna Rootsile midagi.

1670. aastatel tehti täispööre. 1672. a. sõlmiti Rootsi ja Prantsusmaa vahel kaks liidulepingut, millest üks oli salajane. Rootsi kohustus astuma sõtta Prantsusmaa poolel. 1673. a. sügisel saadeti Amsterdamis linna sekretär Dirk Schaep erakorralise saadikuna Stockholm /16/. Vaatamata Karl XI kahevahelolekule ei suutnud ta siiski sündmuste käiku mõjutada. 1674. aastal keeldusid prantslased maksmast subssiidiumidele lisa, kui rootslased ei hakka oma armeed aktiivselt kasutama /17/. Rünnak Brandenburgile osutus seega vältimatuks hoidmaks ära vägede nälgimist. Sama aasta aprillis pani Rootsi Prantsusmaa toetuseks Saksamaal välja 22 000-mehelise operatsiooniar mee /18/. 1675. a juunis said rootslased Fehrbellini juures Brandenburgilt rängalt lüüa. Olukorda pidas soodsaks Taani. Samal aastal kuulutas ta Rootsile sõja, mis hiljem sai tuntuks Skåne sõja nime all.

Olukorras, kus Rootsi valdused Saksamaal langesid tema vastaste kätte, tekkis mõte saata Liivimaalt sinna abivägesid. Plaani esialgsed kavandid pärinevad juba aastast 1676. Kohe kerkisid aga üles mitmed küsimärgid: kuidas komplekteerida sõjakäiguks vajalikud väed ja mil moel tagada armee läbipääs Poola aladelt, mida lubas kõigi oma jõududega takistada Leedu suurhetman Mikael Pac /19/.

Edasiste sündmuste seisukohalt oli tähtis Rootsi ja Poola lähenemine. See oli leidnud aset seoses Poola kuninga valimiste käiguga 1674. a. mais. Troonile sai Rootsi suhtes soodsalt meelestatud Jan Sobieski /20/. Poolasse saadeti Üstergötlandi maa pealik Anders Lilliehöök, et sõlmida liit kahe riigi vahel. Kohtumine Poola kuningaga leidis aset 1677. a. aprilli algul. Jan Sobieski teatas oma nõusolekust toetada Karl XI vägedega. Selle eelduseks seadis ta aga tingimuse, et Rootsi väed Liivimaal saavutaksid lähemal ajal planeeritava ettevõtmise edukaks läbiviimiseks vajaliku suuruse. Selleks oli Sobieski arvestuste kohaselt vaja miinimum 8000 meest /21/.

Sõja tõttu Taaniga polnud reaalseid võimalusi saata Liivimaale suuri väekontingente päris Rootsist. Halvenenud suhete tõttu Venemaaga ei olnud esialgu võimalik vähendada ka Läänemereprovintside garnisone. 1676. a. juulis Vastseliinas toimunud piirikongressil süüdistati rootslasi Venemaa ja tsaari solvamises ning nõuti Ingerimaa ja Karjala vabatahtlikku loovutamist. Vastasel korral lubati kasutada jõudu /22/. Ahvarduste kinnituseks oli Pihkva lähedale koondatud u. 15 000-meheline armee. Olukord lahenes siiski, kui Venemaa tõmmati 1677. aastal sõtta Türgiga. Nüüd said rootslased vähendada oma kaitset idapiiri ääres ja võtta sõjakäiguks mehi kohalikest garnisonidest.

Milline oli sõjajõudude olukord Liivimaal? 1675. a.

oli siinses kaheksas garnisonis kokku 26 kompaniid jalaväge u. 3700 - 3900 mehega /23/. Ratsaüksustest viibis siin vaid samal aastal moodustatud riigikantsler M.G. de la Gardie tragunirügemendi /24/ neli kompaniid kokku 350 mehega, kes olid värvatud põhiliselt Eesti-, Liivi- ja Kuramaalt /25/.

Alates 1676. aastast on täheldatav vägede pidev juurdevool Liivimaa garnisonidesse (vt. tabel 1). Kui algul said täiendusi siin juba varem asunud rügemendid, siis aasta lõpul saabus täiesti uusi üksusi: juulis Kronobergi lääni jalavägi (3 kompaniid); oktoobris Skåne rügement ooberst C. von Güntersbergi juhtimisel (5 kompaniid), Kalmari lääni rügement (1 komp.), Jönköpings jalamehed (1 komp.), ooberst R. Modee Bergsfolck (4 kompaniid), novembris Västgöta rügement (4 komp.), Blekinge rügement (3 komp.) ja Älvsborgi rügement (3 komp.). Nagu näha, oli enamasti tegemist nn. rahvusüksustega (*nationalfolk*), mis olid moodustatud paikkondlikul alusel /26/. Kõik mainitud väed tulid Lõuna-Rootsist, peamiselt Landskronast, ja olid sõjas Taaniga hirmsasti laastatud.

Oktoobris tuli Liivimaale lisaks siin juba olnud ooberst Gustav von Knorringi tragunitele /27/ veel teisi ratsaüksuseid /28/:

4 kompaniid	ooberst Uggl	soome ratsaväge	452
			meest
4	"	ooberst H. Cronstierna värvatud ratsaväge	428 "
4	"	Liivimaa aadli vana ratsateenistust	329 "
4	"	Liivimaa aadli uut ratsateenistust	293 "

Kokku oli 1676. a. lõpus Liivimaal u. 7000 meest jalaväge, 1500 ratsaväelast, 210 tragunit ja u. 230 suurtükiväelast ehk ühtekokku u. 8940 rootsi sõdurit. Vägede koondamisel peeti eelkõige silmas võimalikku konflikti Venemaaga ja kaugemas tulevikus kavatsesid sõjakäiku Saksamaale.

Nagu eespool juba mainitud, puuduvad RAKA-s kahjuks 1677. a. *munsterrulla*'d. Jalaväe kohta võib öelda, et arvuliselt see väeliik isegi mõnevõrra vähenes, kuna enamik paikkondlikke rügemente lahkus siit. Kohale jäid ainult Blekinge, Västgöta ja Skåne jalaväeüksused.

Ratsaüksuste kohta on õnnestunud rohkem andmeid hankida. Aluseks on siin olnud korteri- ja toitlustamismisimekirjad, mis sisaldavad andmeid ka vägede suuruskohta. Eestimaal asusid 1677. a. augustist aasta lõpuni korteris 2711 ja Liivimaal alates septembrist 2219 ratsaväelast ja tragunit, mis teeb kokku 4930 meest (vt. tabel 2).

1677. a. mai lõpul laastas Riia suur tulekahju. Muuhulgas hävis ka palju armee ladusid /29/. Pealegi suri Liivimaa armee ülemjuhatajaks määratud Fabian von Fersen. Seetõttu ebaõnnestus sügiseks planeeritud lõh-

giandmine Preisimaale.

Augusti lõpus sõlmiti Danzigis liiduleping Rootsi ja Poola vahel. See sai teoks tänu rootslaste parane-
nud sõjalisele olukorrale ja Liivimaa kindralkuberner
Christer Horni kinnitustele, et siinsed väed on teele-
minekuks valmis. Jan Sobieski lubas Rootsit toetada
6000 - 7000 mehega, kel pidid olema poola ohvitserid,
kuid kes allusid rootsi ülemjuhatusale. Poola kuningas
lisas aga, et kui Liivimaa armee ei alusta marssi enne
20. detsembrit, on ta sunnitud väed laiali saatma kar-
tuses tõmmata endale kogu Poola viha /30/.

Karl XI oli sõjakäigu uueks juhiks määranud rii-
ginõunik ja feldmarssal Bengt Horni. Vägede löögijõu
suurendamiseks muutus aktuaalseks ulatuslike värbamis-
kampaaniate korraldamine, mis osaliselt juba käisid.
Kokku hõlmasid värbamislepped, mida saab seostada sel-
le sõjakäiguga, 6410 meest /31/. Need värbamised tuli
ette võtta enamalt jaolt Läänemereprovintides. Rootsis
oli aga juba 1677. a. sügisel suureks probleemiks ra-
hapuudus, mistõttu ainult väike osa planeeritud värba-
mistest suudeti läbi viia. Ebaõnnestus ka sõdurite mu-
retsemine Sotimaalt.

Probleeme oli veel armee varustamisega, mis jät-
tis paljuski soovida. Eriti halb oli olukord soome ük-
sustes, kus oli puudus niihästi riietest kui relvadest
/32/. 1676. a. 9. novembril saatis ooberst G.A. Mellin
Tallinnast Liivimaa kindralkuberner Chr. Hornile kirja,
milles teatas, et kompaniid pole kahe aasta jooksul üld-
se riideid saanud, mistõttu enamus mehi on "nii paljad,
et nad talve tulles ei suuda kõige väiksemagi külmaga
kroonu teenistuses seista" /33/. Hobustele ei jätkunud
sööta. Püstolite ja karabiinide puudus oli ilmselt Taa-
ni-Hollandi laevastiku ülemvõimu otsene tagajärg Lää-
nemerel. Olukord oli isegi nii halb, et A. Ståhlarm pa-
lus Christer Hornilt 1677. a. juulis saata Tallinnast
mõni sõjalaev Helsingisse kaitsmaks vaenlase rünnakute
eest laevu, millega transporditakse mehi /34/.

Samal ajal viivitas B. Horn ärasõiduga Riiga, loo-
tes, viidates oma kehvale tervisele, et ta vabastataks
ülemjuhataja kohalt. Karl XI oli aga otsuses kõigu-
tamatu. Alles novembri keskel lahkus B. Horn Stockhol-
mist, kuid tugeva vastutuule tõttu oli tema laev sun-
nitud heitma ankrusse Soome skäärides. B. Hornile ei
jäänud muud üle kui võtta ette maatee Soomest Riiga.

Liivimaa kindralkuberner Chr. Horn oli vahepeal
omaenda initsiatiivil kuulutanud 1678. a. jaanuari kesk-
paigaks välja armee peakogunemise (*huvudrandevouz*) /35/.
Venda oodates tegeles Chr. Horn varustuse muretsemise-
ga armeele. Tema järgi olid nii musketite, karabiinide
kui ka püstolivarud küllaldased, ainult mõõkadeest oli
aasta algul puudus /36/. Kuigi 1678. a. alguse kohta
allikmaterjal puudub, võib Läänemereprovintside kind-
lustes olnud ladude seisu järgi otsustada, et asi nii
ei olnud /37/. Aastatel 1676 ja 1677 said Rootsi väed
(peamiselt jalavägi ja vähesel määral tragunid) sealt

järgmisi relvi:/38/:

	1676	1677
tahtlukuga musketid	3179	1445
sõdurimõõgad	997	392
piigid	145	24
poolpiigid	47	8
tugihargid	120	181

1. veebruaril 1678 jõudis B. Horn lõpuks Riiga. Halbade teeolude tõttu polnud aga paljud rügemendid selleks ajaks veel kogunemiskohta jõudnud. Siiski suudeti veebruariks Riiga koondada 1901 ratsaväelast, 1674 tragunit ja 2516 jalaväelast ehk kokku 6091 meest (vt. tabel 3). Nagu selgus, jäi seda sõjakäigu teostamiseks väheseks.

4. veebruaril kutsus kindralkuberner Chr. Horn Riias kokku nõupidamise, kus osalesid kõik kõrgemad ohvitserid. Haiguse tõttu viibis eemal vaid B. Horn. Kuna väed olid koos, siis tuli kiiresti otsustada, "kas armee asub nüüd ruttu teele või mis tuleks üldse ette võtta" /39/. Kõige rohkem oli liikumahakkamise vastu kindralmajor Gustav Mengden, kes muuhulgas ütles: "Talupoegade truualamlikkusele ei maksa aga kõige vähe- matki loota, sest kõige rohkem ihkavad nad poolakate all elada. /40/" Oluline on veel arvestada, et Liivimaal teati juba Stettini langemisest, mille abistamine pidi olema Liivimaa armee üheks esmaseks ülesandeks. Üldiselt valitses arvamus, et armee peaks jääma paigale kuni uute instruksioonide saabumiseni. Teistsugustel seisukohtadel olid vaid kaks meest. Nendeks olid Riia kuberner Hans von Fersen, kes ütles: "Tema Majesteet andis käsu marssida, mitte aga seda arutada /41/", ja ooberst Wilhelm Bock, kes oli ainukesena täiesti valmis kohe teele asuma. Ilmsiks tuli ka asjaolu, et rootslased võtsid Leedu suurhetman M. Paci ähvardusi takistada läbimarssi vägagi tõsiselt /42/. Sõjakomis- sar Schneckenšköldi arvates oli antud hetkel peaüles- andeks vägede hea valmisolek kuninga edasiste käskude täitmiseks /43/. Lõplikult lükkas operatsiooni teosta- mise edasi selle juhi Bengt Horni surm 17. veebruaril 1678.

Rügemendid pandi uuesti provintsidesse korterit- tesse. Ratsaüksused pidid toidu ja peavarju saama maa- seisustelt, kuna jalavägi pandi kindluste garnisoni- desse. Mõisnikud ega ammugi mitte talupojad polnud vä- gede toitlustamiskohustusega rahul. Sageli kirjutati armee peale kaebusi. Valmiera piiskopkonnast kirjutas 17. veebruaril 1678 Peter Gavelius, et "nii talupoega- del kui härradel pole enam võimalik vägesid üleval pi- dada, sest kõik tagavarad on otsas" ning süüdistas sõ- dureid ja ohvitseri omavolis /44/. Vägivaldset toidu- ainet võtmist esines mujalgi. Maamarssal Frans Knorring kaebas ooberst B. Mellini ratsaüksuste peale, et need on tee ääres vilja ära tallanud, hobuseid ja vankreid minema viinud /45/. Ooberst süüdistas maamarssalit oma-

korda, et proviant, mis nad said, koosnes kõlbmatust raipelihast ja hallitanud leivast, mille kohta kohaliku mõisa moonameister oli öelnud, et "see on küllalt hea soome ratsaväelastele" /46/. Selline omavaheline vägikaikavedu sõjaväe ja kohalike võimude vahel oli väga iseloomulik tollele perioodile. Asjatult püüdis Chr. Horn seisustelt saavutada, et vägede toitlustamisulokord paraneks. Lisaks sellele tuli kevad väga kuiv, nii et kardeti isegi ikaldusaastat.

Prantsuse valitsus nõudis pärast sõjakäigu järjekordset seiskumist, et Karl XI asuks ise seda juhtima /47/. Algul oli kuningas sellega isegi päri, kuid hiljem määras uueks juhiks Henrik Horni. Augusti keskel lahkus viimane Stockholmist ja 13. septembril saabus Riiga.

Mõtlemapanev oli armee endiselt halb varustus. Rudusid ka vahendid palga maksmiseks. Ohvitserid polnud terve aasta jooksul saanud mingit tasu /48/. Uueks vägede kogunemisajaks Riiga oli H. Horn määranud septembri viimase nädala. See tähtaeg osutus enneaegseks. Soome rügemendid, kes olid provintside majandusliku olukorra kergendamiseks saadetud tagasi emamaale, ei jõudnud õigeks ajaks kohale. Septembri lõpus - oktoobri algul paranes aga tunduvalt armee varustatus, seda eriti just riietuse poolest (vt. tabel 4).

Umbes samaks ajaks oli Riias 5096 meest ratsaväe, 2135 tragunit, 4067 jalaväelast ja 123 suurtükiväelast, mis andis Liivimaa armee üldsuuruseks 11 421 meest (vt. tabel 5). Üle poole armeest moodustasid soomlased, ülejäänud olid Läänemereprovintsidest värvatud mehed (nende hulgas ka palju eestlasi), peamiselt saksa ja taani päritoluga sõjavangidest sunniviisiliselt värvatute üksused ning väike arv rootslasi ja poolakaid. Välisuurtükivägi oli moodustatud Läänemereprovintside, eelkõige Liivimaa, kindlussuurtükiväe baasil. Väljastpoolt oli selles väeliigis mehi vaid Stockholmist. Raskusi oli sõjakäiguks sobiva insenerohvitseri leidmisega. Lõpuks langes valik Liivimaa fortifikatsiooniteenistuse ooberstleitnant Paul von Essenile, kes sai kindralkortermeisterleitnandi auastme /49/.

Vaatamata sellele, et vahetult enne teeleasumist vägede varustatus paranes, oli oktoobri algul ratsaväes ka tragunitel ikkagi veel puudus järgmistest vahenditest /50/:

hobuseid	451
sadulaid	113
karabiine	43
püstoleid	393 paari
mõõku	625
musketeid	188
säärsaapaid	339 paari
pükse	116 paari
kuubi	400
mantleid	684

Kõige halvem oli olukord ooberst Claus Flemingi Soomest tulnud ratsarügemendis, mis jõudis Riiga alles 8. oktoobril. Peale halva varustuse olid siin 601 meest võitlusvõimelised ainult 376 /51/, mistõttu otsustati see üksus ekspeditsioonist üldse kõrvale jätta.

Kuna sõjakäigul olles polnud võimalust pidada regulaarset arvestust armee suuruse üle (RAKA-s leiduv sellekohane materjal on liiga fragmentaarne tegemaks üldistusi) ja et operatsioonide kulgu on üksikasjalikult käsitletud N. Wimarson /52/, siis pole ekspeditsiooni käigul käesolevas artiklis pikalt peatutud. Järgnevalt olgu kokkuvõtlikult edasi antud sündmuste üldine käik.

24. oktoobril 1678 ületas H. Horni armee Liivimaa piiri. Marss kulges väga aeglaselt. Selle põhjuseks toodi kehvad tee- ja ilmastikuolud ning halb toitlustamine. Alles 15. novembril ületati Preisimaa piir. Detsembris hõivasid rootslased Tilsiti (Sovetsk) ja Ragniti (Neman). Siin saadi hilinemisega teada, et Poola kuninga abile ei maksa loota. 2. jaanuaril 1679 jõudis Hornini Karl XI kiri. Kuningas ei pidanud Stralsundi langemise järel sõjakäigu jätkamist enam otstarbekaks. Jaanuari keskel alustasid rootslased tagasitõmbumist, mis omandas varsti põgenemise ilme, kui saadi teada, et neid on asunud jälitama Brandenburgi peaväed kuurvürst Friedrich Wilhelm I juhtimisel. 6. veebruaril toimus Telšiai juures suurem lahing, kus mõlemal poolel oli olulisi kaotusi. Rootslaste poolel langes mitmeid kõrgemaid ohvitseri.

13. veebruaril 1679 ületas 4886 meest ehk 42,7 % teeleläinutest Liivimaa piiri. Väeliigiti oli olukord järgmine: ratsaväelasi tuli tagasi 2117 (41,5 %), traguneid 908 (42,5 %), jalaväelasi 1792 (44 %) ja suurtükiväelasi 69 (56 %). Lähemalt on armee koosseisuvaadeldud tabelis 6. Ratsaväes olid kaotused kõige suuremad ooberst F. Wachtmeisteri juhitud rügemendis, mille esialgsest koosseisust jõudis Riiga tagasi vaid 18,5 %. Tragunitel oli selliseks üksuseks Eestimaa rügement (tagasi tuli 25,4 %) ja jalaväes Savo rügemendi kompaniid (tagasi tuli 20,1 %). Need arvud räägivad iseenda eest, kuivõrd suurte kaotustega oli tegemist. Pealegi olid Riiga saabunutest 1480 meest haiged /53/. Lähemalt on õnnestunud enam-vähem kindlaks teha ainult jalaväe kaotuste struktuuri /54/:

sõjakäigu ajal surnud	456
põgenenud	139
vangi langenud	296
kadunud (<i>borta</i>)	411
maha jäänud (<i>efterblefne</i>)	352

Ohendus Läänemeresel oli sedavõrd halb, et Karl XI sai alles märtsi lõpus kuulda armee tagasitulekust. Ooberst Knorring, kes pidi viima H. Horni raporti kuningale, jõudis Rootsi alles mai algul /55/.

Karl XI ei olnud sõjakäigust siiski loobunud, vaid pidas seda ainult edasilükatuks. Armeed pidi jääma Liivimaale korterisse ja Rootsist tuli saada siia täienduseks veel 8000 meest /56/. Raskused osutusid siiski liiga suureks, et plaane teoks teha. Traditsiooniliselt puudus raha, uued värbamised ei õnnestunud. Lisandus veel asjaolu, et värvatud sõdurid ei olnud rahul Lääneproovintsidest kehtiva toitlustuskorraga. Teiselt poolt oli vägede ülalpidamine jätkuvalt suureks koormaks kohalikule elanikkonnale.

Vaadeldes Liivimaa armeele määratud toiduratsiooni, tuleb vahet teha kahe ajaloigu vahel, mil need erinevad üksteisest. Ühe mehe kuunorm e. portsjon oli enne /57/ ja pärast /58/ sõjakäiku:

	<u>enne</u>	<u>pärast</u>
rukist	1/2 vakka	1/2 vakka
otra	1/2 vakka	1/2 vakka
sealiha ja võid	3 1/5 naela	2 naela
kuivatatud liha või		
kala	4 naela	1/4 naela
soola	2 1/5 naela	2 naela
humalaid	1 1/5 naela	-
herneid või kruupe	6 toopi	3 toopi
raha	10 krossi	20 krossi

Peale selle kuulus ratsaüksustel kuunormi juurde veel kindel kogus hobusesööta, mis oli enne ja pärast sõjakäiku vastavalt järgmine:

	<u>enne</u>	<u>pärast</u>
kaera	1 vakk	1/2 vakka
heina	1 koorem	20 leisikat
õlgi	21 2/3 punti ä	
	20 lassi	-

Ohvitserid ja tähtsamad ametimehed (nt. kirjutaja, timpanimängija, profoss jt.) said mitu portsjonit. Pärast sõjakäiku tõusis viimaste arv veelgi. Nii said kõrgematest ohvitseridest ooberst 18 (enne 10), ooberstleitnant 12 (enne 8), major 8 (enne 6), rittmeister ja kapten 6, leitnant 4 portsjonit jne. Tabelis 7 on näitlikustamise mõttes ära toodud toiduportsjonite jagumine ooberst Ugglas ratsarügemendis.

Kindlaks oli määratud ka mida ja kui palju pidi anda ühes kuus üks adramaa. Siingi eraldub kaks ajajärku enne /59/ ja pärast /60/ sõjakäiku:

	<u>enne</u>	<u>pärast</u>
rukist	1/2 vakka	2 külimittu 4 toopi
otra	1/4 vakka	1 külimitt 2 toopi
kuivatatud liha		
või kala	1 1/2 naela	4 naela
sealiha või võid	1 1/2 naela	1 3/4 naela

herneid või kroupe	2 toopi	2 1/2 toopi
soola	1 nael	1 3/4 naela
humalaid	1/4 naela	-
raha	10 krossi	16 1/3 krossi

Ülaltoodud andmeid vaadeldes ilmneb, et pärast sõjakäiku vähenes mõnevõrra üksustele antav toidunorm, mille all kannatasid peamiselt lihtväelased, samal ajal kui ühelt adramaalt võetav toiduainete kogus suurenes. Seetõttu oli sõjakäigu otseseks tagajärjeks Läänemereprovintside majanduslik väljakurnamine rohkearvuliste vägede majutamise ja ülalpidamise tõttu. Enamik vägesid jäi Eesti- ja Liivimaale korterisse kuni sõja lõpuni, s.t. kuni 1679. a. novembrini. Alles siis said provintsid mõnevõrra kergemalt hingata. Samast ajast pärinevas kindralkuberner Chr. Horni trükitud plakatis seisab muuhulgas: "...kuna siin asuvad paikkondlikud ratsarügemendid maale märkimisväärseks kergenduseks ära viidi, soovitakse siiski alandlikult, et mõned värvatud üksused veel väheks ajaks siia kohale jääksid ... /61/"

Provintside poolelt vaadatuna tuleb märkida kaotusi elavjõus, sest teenis ju Liivimaa armees palju kohaliku päritoluga mehi.

Sõjakäik lõppes niisiis ebaõnnestumisega ning oli omamoodi peegelduseks üldisele tagasiminekul Rootsi sõjanduses. Lisaks majanduslikele faktoritele tuleb rõhutada kogu ettevõtmise halba organiseeritust ja otsustusvõimetust. Teatavat osa etendas ka liidu lagunemine Poolaga.

Märkimata aga ei saa jätta asjaolu, et võrreldes kõigi Rootsi väliarmeede arvulist suurst ajavahemikul 1675 - 1679 (neid oli kokku viis), osutus suuri maks Liivimaa armee /62/. See tähendab aga seda, et H. Horni armee oli arvuliselt isegi natuke suurem Karl XI enda juhtimisel tegutsenud armeest Lõuna-Rootsis. Sõjakäigu tähtsuse hindamisel tuleb veel arvestada, et see jättis suure jälje kohaliku rahva teadvusse ning on tänapäevani säilinud katkendite näol kaasaegsete justustustes ja rahvalauludes.

T a b e l 1

Garnisonide tugavus Liivimaal 1676. a. / 63/

Garnison	Kuud											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Rüia	1802	1978	1957	1955	1969	1929	2170	1892	2790	2179	3233	3488
Daugavgrīva	703	708	718	754	755	801	811	843	872	914	897	901
Tartu	588	614	665	712	746	801	832	823	831	1409	1207	1363
Pärnu	443	444	470	479	773	465	460	748	752	1018	780	1085
Kobron	67	67	71	73	76	82	82	81	81	80	80	80
Koknese	61	63	65	65	63	59	58	62	39	38	55	56
Alūksne	13	13	13	13	13	12	12	15	9	7	15	7
Vastse-liina	5	5	5	5	19	5	78	75	111	74	91	?
Kokku mehi	3682	3892	3964	4056	4414	4154	4503	4539	5485	5719	6358	6980+?

Rootsi ratsavägi Eesti- ja Liivimaa 1677. a. teisel pooltel /64/

T a b e l 2

Väeosa	Kompaniid	Meeste arv
Eestimaa		
Ooberst Lieweni ratsavägi	2	313
" Rocki	2	222
" Mellini	4	277
Ooberstleitnant J. Towitzi ratsavägi	2	253
Ooberst E. Taube tragunid	8	772
" Budbergi	4	546
" Hertzfelti	2	328
Kokku	24	2711
Liivimaa		
Ooberst Uggia ratsavägi	3	36
" Cronstierna ratsavägi	4	459
Liivimaa rüütelkonna uus ratsatbenistus	4	319
Ooberstleitnant Apollofi ratsavägi	4	353
Ooberst Knorringi tragunid	2	283
Ooberstleitnant Creutzi tragunid	?	446
Kokku	>15	2219

T a b e l 3

Liivimaa armee 1678. a. veebruaris /65/

Väeliik	Kompaniide arv	Meeste arv
Ratsavägi		
Ooberst A. Horn	8	906
" Mellin	8	490
" Cronstierna	4	378
" Rybinski	?	127
Tragunid		
Ooberst G.J. Budberg	4	338
" A.L. von Hertzfelt	5	266
" J. Creutz	5	391
" G. von Knorring	4	344
Ooberstleitnant J.J. Bandemer	5	335
Jalavägi		
Ooberst H. Wolfenschilt	4	364
" O.R. Taube	3	290
" P. Sass	4	367
" Brakel	4	659
" R. Funcken	2	230
" J.C. de Nolli	5	359
Kindralmajor C. v. Güntersberg	2	247

T a b e l 4

Tarned Liivimaa armeele 1678. a. septembris-oktoobris /66/

Tahtlukuga musketid	(<i>lunthe musgueter</i>)	1400
Püstolid (paarides)	(<i>pistohler</i>)	699
Karabiinid	(<i>carabinare</i>)	57
Karabiinirihmad	(<i>carabin remar</i>)	236
Mõõgad	(<i>wärior</i>)	169
Mõõgarihmad	(<i>gehäng</i>)	554
Mõõgarihma pandlad	(<i>gehäng söllior</i>)	1768
Padrunitaskud	(<i>patron taskor</i>)	51
Tulekivid	(<i>fyrstenar</i>)	1570
Püstolitaskud (paarides)	(<i>hölster</i>)	766
Sadulad	(<i>sadlar</i>)	419
Kannused (paarides)	(<i>sporrar</i>)	51
Valjad	(<i>betzel</i>)	42
Säärsaapad (paarides)	(<i>stöflar</i>)	1984
Kingad (paarides)	(<i>skoor</i>)	4127
Sukad (paarides)	(<i>strumpor</i>)	4014
Püksid (paarides)	(<i>byxor</i>)	1436
Kuued	(<i>rockar</i>)	1746
Mantlid	(<i>kappor</i>)	1303
Mütsid	(<i>hattar</i>)	3122
Karbused (mütsid)	(<i>carbuser</i>)	2090

T a b e l 5

Liivimaa armee 1678. a. septembris-oktoobris /67/

Väeliik 1	Kompaniide arv 2	Meeste arv 3
Ratsavägi		
Feldmarssal H. Horni värvatud ihu- kaitseväelased rittmeister Heinrich Ludolff von Völckersahmi juhtimisel	1	48
Ingerimaa ja Käkisalmla lääni ratsa- teenistus ooberst Heinrich Wolmar Bocki juhtimisel	3	209
Liivimaa rüütelkonna kergeratsavägi oobertleitnant Friedrich Wilhelm Tiesenhauseni juhtimisel	4	264
Feldmarssal H. Horni enda eskadron oobertleitnant Wilhelm Heinrich Hastferi juhtimisel	7	476
Hämeenlinna ja Uusimaa ratsavägi oobert Otto Wellingki juhtimisel	8	940
Viiburi ratsavägi oobert Berendt Mellini juhtimisel	8	879
Hämeenlinna-Uusimaa kahendikmehed oobert Fritz Wachtmeisteri juhti- misel	8	788
Turu lääni rügement oobert Hans Abraham von Ochtritz'i juhtimisel	6	512
Soome tsiviilametnike ja vaimu- likkonna eskadron kindralmajor Jürgen Bistrami juhtimisel	4	329
Oobert Henrik Cronstierna vär- vatud eskadron	4	339
Oobert Jochim von Sydow' värvatud mehed /68/	1	222
Poola vabatahtlikud	1	90
Tragunid		
Viiburi lääni eskadron oobert Jo- han Budbergi juhtimisel	4	435

T a b e l 5 (järg)

1	2	3
Karjala eskadron ooberst Anders Löschert von Hertzfeldti juhtimisel	4	268
Soome maatrakunid ooberstleitnant Johan Creutzi juhtimisel	4	388
Ooberst Gustav von Knorringi vär- vatud eskadron	4	412
Ooberst Ewert Taube Eestimaa rüge- ment ooberstleitnant Reinhold Wil- helm von der Pahleni juhtimisel	8	448
Ingerimaa tragunid ooberstleitnant Jacob Johan Bandemeri juhtimisel	4	184
Jalavägi		
Turu lääni rügement kindralleitnant Hans von Fersen'i juhtimisel	4	418
Pori rügement ooberstleitnant A. Fo- gelhufwudi juhtimisel	4	448
Ida-Viiburi rügement ooberst Anders Muncki juhtimisel	4	447
Lääne-Viiburi rügement ooberstleit- nant Tönnis Johan Billinghauseni juhtimisel	4	378
Uusimaa rügement ooberstleitnant Mauritz von Gertteni juhtimisel	4	450
Hämeenlinna rügement ooberstleitnant Herman Mellini juhtimisel	4	384
Savo rügement ooberst Rembert von Funccke juhtimisel	2	208
Skåne rügement ooberstleitnant Bern- hard Brakeli juhtimisel	2	242
Pohjanmaa rügement ooberstleitnant Johan Herbert Enquisti juhtimisel	4	444
Ooberst Carl Gustav Oxenstierna vär- vatud rügement	5	302
Mererügement /69/ ooberstleitnant Georg Wrangeli juhtimisel	2	168

T a b e l 5 (järg)

1	2	3
Ooberst Johan Christoff de Nolly rügement /70/	?	178
Välisuurtükivägi		
Riiast	-	54
Pärnust	-	16
Daugavgrīvast	-	7
Tartust	-	6
Koknesest	-	6
Kobronist	-	2
Narvast	-	27
Stockholmist	-	5

T a b e l 6

Liivimaa armee 1679. a. veebruaris /71/

Väeliik	Meeste arv
Ratsavägi /72/	
Feldmarssal H. Horni värvatud ihukaitse- väelased	20
Ingerimaa ja Käkisalmlä län ratsateen- istus	102
Liivimaa rüütelkonna kergeratsavägi	112
Feldmarssal H. Horni oma eskadron	152
Hämeenlinna ja Uusimaa rügement	467
Viiburi ratsavägi	486
Hämeenlinna-Uusimaa kahendikmehed	146
Turu län rügement	295
Soome tsiviilametnike ja vaimulikkonna eskadron	155

T a b e l 6 (järg)

Väeliik	Meeste arv
Ooberst H. Cronstierna eskadron	72
Ooberst Jochim von Sydow' rügement	110
Tragunid	
Viiburi lääni eskadron	188
Karjala eskadron	82
Soome maatragunid	221
Ooberst G. von Knorringi eskadron	224
Ooberst E. Taube rügement	114
Ingerimaa tragunid	79
Jalavägi	
Turu lääni rügement	267
Pori rügement	183
Ida-Viiburi rügement	192
Lääne-Viiburi rügement	149
Uusimaa rügement	186
Hämeenlinna rügement	163
Savo rügement	42
Skåne rügement	99
Pohjanmaa rügement	285
Ooberst C.G. Oxenstierna rügement	140
Nn. Mererügement	44
Ooberst J.C. de Nolly rügement	42
Välisuurtükivägi	
Riiast	34
Pärnust	10
Daugavgrīvast	7

T a b e l 6 (järg)

Väeliik	Meeste arv
Tartust	5
Koknesest	4
Kobronist	2
Stockholmist	5
Pommerist	2

T a b e l 7

Toiduportsjonite jagunemine ooberst Ugkla ratsaeskadronis/73/

Staap:

ooberst	= 10	portsjonit	} = 20
rügemendi kortermeister	= 5	"	
rügemendi kirjutaja	= 3	"	
timpanimängija	= 2	"	

Kompaniid:

4	rittmeistrit	â 8	ports.	= 32	"	} = 720
8	leitnanti ja kornetit	â 4	"	= 32	"	
12	kapralit					} = 700
4	kortermeistrit					
4	preestrit					
4	munsterkirjutajat	â 2	"	= 80	"	
4	habemeajajat					
4	trompetisti					
4	sadulseppa					
4	hobuserautajat					
4	profossi			= 4	"	
408	lihtväelast			= 408	"	
144	voorisulast			= 144	"	

1. Vt. näiteks: Палли Х. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701 - 1704. Таллин, 1966; Eesti rahva ajalooost Põhjasõja aastail 1700-1721: Valimik dokumente. - Tallinn 1960.
2. Рухманова Э.Д. Борьба за выход в Балтийское море в 1656 - 1661 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1954; Галактионов И.В., Чистякова Е.В. А.Л. Ордин-Нащокин - русский дипломат XVII в. - М., 1961.
3. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-43, XXI-47. 1677. a. kohta *munsterrulla'd* puuduvad.
4. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-48: Der aus Livland zur preussischen Expedition entsandter Truppen.
5. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-20: Schreiben betr. die Konzentration der schwed. Truppen und ihren Marsch durch Livland 1676 - 1678; s. XIX-21: Aktenstücke betr. den Marsch der schwedischen Truppen aus Livland nach Preussen 1677 - 1678.
6. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-49: Spezialrechnungen zur Expedition nach Preussen 1677 - 1680.
7. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-5, s. XXV-6.
8. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-47: Qvarter för delning öfver dhen förplägning Lifländske armeen af landet niutit pro Anno 1676 - 1680.
9. Wimarson N. Sveriges krig i Tyskland 1675 - 1679. - Lund, 1912. - Del. III.
10. Birnbaum E. Johan Sobieskis svenska förbindelser 1674 - 1677 // Karolinska Förbundets Arsbok (edaspidi KFA) 1950. - Stockholm, 1950. - S. 7 - 72; Johan Sobieski och Sverige: Förbundet av år 1677 och dess upplösning // KFA 1951. - Stockholm, 1951. - S. 75 - 155.
11. Mankell J. Uppgifter rörande svenska krigsmagtens styrka, sammansättning och fördelning sedan slutet af femtonhundratalet jemte öfversigt af svenska Krigshistoriens viktigaste händelser under samma tid. - Stockholm, 1865.
12. Carlson F.F. Sveriges historia under konungarne af pfalziska huset. Andra delen: Carl XI. - Stockholm, 1885.
13. Munthe L. Kongl. Fortifikationens historia. Tredje delens, första band: Fortifikationstaten under Dahlbergh, Stuart och Palmquist 1674 - 1719. - Stockholm, 1908.
14. Fähræus R. Sveriges historia till våra dagar. Attonde delen: Karl XI och Karl XII. - Stockholm, 1921.
15. Holm T. Översikt över Sveriges krig under 1600-talets senare hälft. - Stockholm, 1927.
16. Palme S.U. Sverige och Holland vid Lundakrigets utbrott // KFA 1938. - Stockholm, 1938. - S. 95.

17. Roberts M. The Swedish Imperial Experience 1560 - 1718. - Cambridge, 1979. - P. 137.
18. Steckzen B. Krigskollegii historia I: 1630 - 1697. - Stockholm, 1930. - S. 346.
19. Birnbaum E. Johan Sobieskis svenska förbindelser... - S. 59.
20. Rootsi-Poola sõja (1655 - 1660) ajal läks ta üle rootslaste poolele ja teenis nende juures oobersti aukraadis ajavahemikul 1655 suvi - 1656 märts.
21. Birnbaum E. Johan Sobieskis svenska förbindelser... - S. 71.
22. Форстенъ Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648 - 1700). - Ж. Министерства народного просвещения. - Спб., 1899. - Июнь. - С. 317.
23. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-42, l. 1-886.
24. Nordensvan C.O. Svenska armen under senare hälften av 1600-talet // KFA 1923. - Stockholm, 1923. - S. 15.
25. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-42, l. 850-863p.
26. Skåne rügement ei kuulunud paikkondlike üksuste hulka, vaid koosnes värvatutest.
27. Endised riigikantsler M.G. de la Gardie tragunid, kes nüüd olid saanud uue juhi.
28. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-43, l. 1325.
29. Kelch Chr. Liefländische Historia oder Kurtze Beschreibung der Denckwürdigsten Kriegs und Friedens Geschichte Esth-, Lief- und Lettlandes. - Reval, 1695. - S. 605.
30. Birnbaum E. Johan Sobieski och Sverige ..., s. 125. Poola seisused ei pooldanud Rootsi toetamist, sest enamik poolakaid pidas viimast oma pärusvaenlaseks.
31. Fredriksson B. Försvarets finansiering: Svensk krigsekonomi under skånska kriget 1675 - 1679 // Studia Historica Upsaliensia 81.- Uppsala, 1976. - S. 45.
32. Wimarson N. Op. cit. - Lk. 52.
33. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-20, l. 70: "...så Nakne att dhe ej moth Wintern på Cronans Commandering för den ringeste köldh kunna bestående blifwa."
34. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-20, l. 99.
35. Birnbaum E. Johan Sobieski och Sverige ... - S. 126.
36. Wimarson N. Op. cit. - Lk. 189.
37. Võimalikud otsesaadetised Stockholmist ei tule arvesse, sest need võeti ennekoike arvele kohalikes kindlustes. Pealegi vaevalt, et talvel raskendatud laevaliikluse tõttu 1678. a. algul Liivimaale üldse relvi juurde saadeti.
38. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-5, l. 251-266; s. XXV-6, l. 250p-257p.
39. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-20, l. 10.
40. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-20, l. 15p: "På böndernes trooheet uthi landhet har man sig ey heller dhet ringeste at förlåta, såsom dhe där inthet högre önska än at lefwa under Polackarne och at dhe måtte koma uthi landhe."
41. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-20, l. 16p.

42. Tegelikult polnud M. Pacil piisavalt vägesid, et oma lubadust teoks teha.
43. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-20, 1. 23.
44. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-19, 1. 35: "...
uthan dhe hafwa tagit huadh dem lustadhe."
45. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-20, 1. 338.
46. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XIX-20, 1. 342, 350:
"... *swaradhe dett ähr gott noch äth finske Ryttare.*"
47. Wimarsson N. Op. cit. - Lk. 304.
48. Holm T. Op. cit. - Lk. 154.
49. Munthe L. Op. cit. - Lk. 477 - 478.
50. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-48, 1. 26-39,
88-88p, 255, 412, 424-443, 593-594p, 694, 713-729,
759, 804p, 826-850, 871.
51. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-48, 1. 514.
52. Wimarsson N. Op. cit. - Lk. 387 - 457.
53. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-48, 1. 15, 51-59,
60p, 267, 415-418, 480, 544p, 610p, 701-707p, 769,
815p, 872-879, 898-905, 923-929, 951-958, 967-970,
975 - 998, 1022 - 1031, 1040 - 1043, 1066 - 1069, 1090 -
1096, 1129. Jalaväes oli haigeid 530, tragunitest 247 ja
ratsaväes mittetäielikel andmetel 703.
54. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-48, 1. 898-905,
923-929, 951-958, 967-970, 975-998, 1022-1031,
1040-1043, 1066-1069, 1090-1096, 1129. Ooberstite
C.G. Oxenstierna ja J.C. de Nolly rügementide koh-
ta andmed puuduvad.
55. Wimarsson N. Op. cit. - Lk. 457.
56. Wimarsson N. Op. cit. - Lk. 458.
57. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-47, 1. 48p-50p.
58. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-47, 1. 67, 92.
59. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-47, 1. 12p.
60. Samas. - L. 5p.
61. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-47, 1. 83-84:
"... *so fort die hier gestandene National Regimenter zu Pfer-
de zur merklichen Erleichterung des Landes von hinnen abge-
fordert dabey aber allergnädigst beliebt / das einige gewor-
bene Truppen noch eine geringe Zeit hier bestehen blei-
ben ...*"
62. Vt. Fredriksson B. Op. cit. - Lk. 52.
63. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-43, 1. 1-1326.
64. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-50, 1. 22p-25p.
65. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-48, 1. 87, 183,
592, 662-666, 674, 711, 749-753, 772-782, 862-864,
932-935, 959-964, 978, 990-991, 1035-1039, 1047,
1131-1150.
66. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-49, 1. 63-76p,
474-499.
67. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-48, 1. 5, 9-14,
26-36, 43-48, 105-143, 255, 371-375, 468, 531, 593,
607, 633, 668, 696, 713-729, 754, 804p, 826-850,
867-870, 896, 919, 939-947, 965, 975-988, 1017,
1061, 1071-1083, 1098-1105, 1125, 1165, 1181.
68. Oulejooksikud ja saksa sõjavangid.

69. Hallandist ja Bohuslänist väkkevõtu (*utskrivning*) teel saadud mehed. Vt. Nordensvan C.O. Op. cit. - Lk.23.
70. Koosnes taani sõjavangidest ja värvatud meestest. Vt. Wimarson N. Op. cit. - Lk. 50.
71. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXI-48, l. 15, 51-59, 149p, 167, 415-418, 480, 544p, 610p, 640, 701-707p, 738, 769, 815p, 877-879, 898-904, 923-929, 951-957, 967-973, 975-988, 1022-1031, 1040-1043, 1047, 1066-1069, 1090-1096, 1108, 1129, 1169, 1189.
72. Poolakad olid kõik ära põgenenud.
73. ENSV RAKA, f. 278, nim. 1, s. XXV-47, l. 47.

ПОХОД ЛИФЛЯНДСКОЙ АРМИИ ШВЕЦИИ В ПРУССИЮ В 1678 - 1679 гг. ПЛАНЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

М. Лайдре

Р е з ю м е

В статье сделана попытка рассмотреть концентрацию шведских войск в Лифляндии вместе с влиявшими на нее внешнеполитическими и экономическими факторами. Рассмотрено также снабжение частей и влияние похода на Балтийские провинции.

Статья написана на основании материалов Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР. Используются списки войск, переписка и акты, связанные с этим походом, и отдельные списки размещения и питания войск.

После военных неудач в войне Швеции с Бранденбургом, в которую Швеция оказалась втянутой после договора 1672 г. с Францией, у шведов возник план послать в Германию подкрепление из Лифляндии. С 1676 г. наблюдается постоянный прилив войск в гарнизоны Лифляндии.

По многим причинам осуществление планируемого похода было невозможно до октября 1678 г. К тому времени в Риге было собрано 11 421 человек.

Поход закончился неудачей. Вернулись только 4886 человек, т.е. 42,7 % от выступивших в поход. Провинциям поход принёс экономическое истощение многочисленными постоянными войсками. В то же время это событие оставило глубокий след в сознании местного населения.

DER FELDZUG DER LIVLÄNDISCHEN TRUPPEN SCHWEDENS NACH PREUSSEN 1678 - 1679. PLÄNE UND WIRKLICHKEIT

M. Laidre

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Artikel hat sich zum Ziel gesetzt, die Konzentrierung der schwedischen Truppen in Livland in Verbindung mit den darauf einwirkenden aussenpolitischen und ökonomischen Faktoren näher zu betrachten. Daneben werden noch die Versorgung der Einheiten und die Auswirkungen des Feldzuges auf die baltischen Provinzen unter die Lupe genommen.

Der Artikel beruht auf den Materialien aus dem Staatlichen Zentralarchiv der ESSR für Geschichte, wie Namenlisten des Heeres, Sonderbuch der Munsterrollen der aus Livland nach Preussen geschickten Truppen, Korrespondenz verbunden mit dem genannten Feldzug, Akten und Verpflegungs- und Einquartierungslisten der Einheiten.

Der Plan der Schweden, aus Livland nach Deutschland Hilfstruppen zu senden, entstand nach den Niederlagen im Schwedisch-Brandenburgischen Kriege, der zwischen Frankreich und Schweden 1672 geschlossenen Bündnis aufgelöst wurde. Seit 1676 ist der stetige Zufluss der Truppen in die Garnisonen Livlands zu beobachten.

Verschiedene Gründe haben die Realisierung des geplanten Feldzuges bis Oktober 1678 verschoben. Zu dieser Zeit waren in Riga 11 421 Soldaten zusammengezogen worden.

Der Feldzug scheiterte. Nur 4886 d.i. 42,7 % der in den Krieg gezogenen kehrten zurück. Vom Standpunkt der Provinzen gesehen hat der Feldzug die Erschöpfung ihrer Wirtschaft durch die Unterbringung und Versorgung zahlreicher Truppen mit sich gebracht. Gleichzeitig hat er tiefe Spuren im Bewusstsein der einheimischen Bevölkerung hinterlassen und war neben anderen Ereignisse eine der Grundlagen für die Zeitrechnung.

VENE-SAKSA LEEGIONI FORMEERIMISEST EESTIS (1812 - 1813)

R. Helme

1812. a. ründas Napoleon Venemaad paljudest Euroopa maadest vägivaldselt värvatud hiigelarmeeaga. Selle sõjaväe võitlusmoraal ei olnud kõrge: juba kampaania esimestel päevadel algas massiline deserteerimine või vabatahtlik vaenlastele vangiaandmine. Vene valitsus püüdis maksimaalselt mobiliseerida Napoleoni vastaseid jõude, et suunata need relvastatud võitlusse vaenlase tagasilöömiseks ja Euroopa vabastamiseks. Tekkis Vene-Saksa ja Vene-Hispaania relvavendlus, mis ilmekamalt kui poliitilised deklaratsioonid tõestas prantslaste poolt alistatud rahvaste ja Venemaa võitluse eesmärkide ühtsust.

Tähtsaks sõjalis-poliitiliseks ürituseks kujunes Keiserliku Vene-Saksa Leegioni formeerimine. Kuna leegioni osavõtt lahingutegevusest leidis aset juba väljaspool Isamaasõja sündmustikku, siis vaatleme lähemalt tema formeerimise esimest etappi, mis toimus osaliselt Eesti aladel.

Vene-Saksa Leegioni ajaloo historiograafia pole kuigi rikas. Vähestes olemasolevates käsitlustes on peatähelepanu pööratud kas sõjasündmustele (B. v. Quistorp), või ürituse poliitilis-diplomaatilisele ja rahalisele küljele (G. Venzky) /1/. Vanematel uurijatel polnud võimalik kasutada Vene arhiivide materjale, kuid ka Saksa DV ajaloolased pole Leegioni uurimisel sellest võimalusest hoolinud /2/. Nõukogude ajaloolased A. Fadejev, A. Abalihin ja V. Babkin on aga arhiividokumentidega ümber käinud meelevaldselt ja viidanud ebatäpselt. Nende artiklis on mitmeid ilmseid vigu; V. Babkini kirjutises on autori mõtet sageli raske jälgida - niivõrd segi on paisatud tegelik sündmuste kulgu /3/. Leegioni loomise välispoliitilisest taustast on ülevaate andnud L. Zak /4/. Mahukas dokumentide kogumikus "Vene armee sõjakäik Napoleoni vastu 1813. a. ja Saksamaa vabastamine" /5/ on avaldatud paarkümmend Leegioni ajaloo jaoks tähtsat dokumenti, kuid enamik viiteid nende asukohale arhiivis ei pea paika. Nii olengi alljärgnevalt püüdnud täpsustada meie teadmisi Leegioni ajaloo kohta ja vältida varasemates väljaannetes tehtud vigu.

Eesti ja Läti ajaloolased pole küsimust üldse puudutanud, kuigi mõlema vabariigi arhiivides leidub selle kohta materjale.

Idee kasutada Napoleoni-vastaseid jõude avalikus

võitluses tekkis juba enne Isamaasõda. Sõja alguses Venemaale asunud endise Preisi ministri K. v. Steini initsiatiivil ja tsaari käsul loodi juunikuus Saksa Asjade ja Vene-Saksa Leegioni Moodustamise Komitee/6/. Sellesse kuulusid Oldenburgi hertsog Peter Friedrich Ludwig /7/, krahv V. Kotšubei, K. v. Stein, kindraladjutant krahv C. Lieven (keda peagi asendas suurtükiväedepartemangu asedirektor I.G. Gogel). Augustis liitus Komiteega veel tuntud literaat E.M. Arndt /8/. Esimene istung toimus 16. juunil 1812. a. /9/ (siin ja edaspidi kõik kuupäevad vana kalendri järgi). Komitee pidas sidet teiste emigratsioonis olevate Napoleoni-vastaselt meelestatud Saksamaa-esindajatega. Leegioni loomine oli vaid üks Komitee tegevuse suundi. Selle eeskujuks oli Suurbritannia abiga loodud Inglise-Saksa Leegion (*The King's German Legion, 1803*), mis tegutses Pürenee poolsaarel. 1805. a. esitas Hannoveri ooberstleitnant Arentschild tsaar Aleksandrile Vene-Saksa väeosa formeerimise kava, mis aga jäi arvestamata /10/. 5. juunil 1811. a. esitasid polkovnik A. Tšernõšev ja Austria kindralleitnant L.G.T. v. Walmoden tsaarile projekti, milles soovitasid sõja puhul kohe valmis olla sakslastest korpuse moodustamiseks ning juba eelnevalt ette valmistada vajalik kaader. Autorid panid ette kutsuda Saksa vürstide teenistusest kolme pataljoni, kahe ratsapolgu ja kahe suurtükiväeroodu formeerimiseks vajalik hulk võitlejaid. Ohvitseridena soovitati kasutada balti aadlikke ning alles hiljem täiendada korpust ülejooksikute ja sõjavangide hulgast pärinevate vabatahtlikega. Projekti ellu ei viidud, kuid selles leiduvaid mõtteid kasutati Vene-Saksa Leegioni loomisel. Samuti rändas kalevi alla 5. augustil 1811. a. tsaarile esitatud hertsog Peteri memorandum leegioni loomise kohta /11/. Hertsog Peteri adjutandi, polkovnik W.D. Arentschildi ettepanekul hakati uut formeeringut nimetama Vene-Saksa Leegioniks /12/.

Kavas oli leegion koostada desertööridest ja sõjavangidest ning Vene alamatest, kes vabatahtlikult sinna astuvad. Leegion pidi moodustama tuumiku, mille ümber koguneksid vabaduse eest võitlevad jõud kogu Saksamaalt. Ettekavatsetult nimetati teda ühtlasi Saksa, mitte Preisi leegioniks. Just üldsaksalikkuse joon v. Steini plaanides häiris legitimistlikult meelestatud hertsogeid, kelle peaeesmärgiks oli ennekoike revolutsioonilise feodaalse Euroopa taastamine ilma laialdase rahvasõjata /13/.

Et innustada sakslasi Suurest Armeest deserteerima, levitati rohkearvuliselt üleskutsed ja lendlehti, mille autorite hulgas olid ka v. Stein ja E.M. Arndt /14/. Esimesed 500 eksemplari proklamatsioone saadeti Barclay de Tollyle juba 29. juunil /15/. Desertööri meelitati ka kuupalgaga /16/. Eriti püüti luua sidemeid suuremate Preisi väeosadega Balti kubermangudes. Juuni keskel saabus Riiga endine Preisi

major v.d. Goltz, kes aga asjatult proovis Preisi hussaarirügementi Vene poolele üle tulema meelitada /17/. Seesuguseid katseid tehti veelgi /18/, kuid esialgu ei õnnestunud preisi distsipliini murda. Seepärast pöörati peatähelepanu propagandale sõjavangide hulgas.

Vangide koondumispaiakadeks said Tallinn ja Kiiev. Sakslaste edasitoimetamiseks loodi depood veel Pihkvas ja Jaroslavl /19/. Vene teenistuses olevad Preisi ohvitserid v. Bose, Paraviczeni ja v. Horn külastasid sõjavangilaagreid ja kutsusid mehi Leegionisse. Transpordivahendite nappus muutis meeste koondamise piinarikkaks /20/. E.M. Arndt kirjutab: "Vangid olid marssimisest, külmast, viletsast toidust ja halvast kohtlemisest üdini kurnatud ... ning surid nagu kärbsed. Nägin küllaldaselt neid õnnetuid külmunud ja nälgunud noormehi. Lõpuks jäi väeosa tarvis järele õige vähe kõlblikku materjali" /21/. 566-st Polotskist Pihkvasse siirdunud sakslasest jõudis kohale vaid 166 meest; 4200-st mehest, kes Kiievest sinnasamasse tulid, jäi ellu ainult 381 /22/. Vangide hulgas levisid haigused, mis jätkasid oma laastamistööd hiljemgi, Leegioni allüksustes /23/.

Leegioni astuda soovijad ilmusid juba sõja esimestel päevadel /24/. Esimene vangide partii (8 preislasi) saabus Tallinna 29. juunil /25/. Juulis-augustis hakkasid tulema suured sakslaste salgad Balti sõjatandril. Dahlenkircheni (Dole) lähikonnast saabus 664 vangi /26/.

Selleks, et moodustada nendest meestest taas regulaarmee üksus, saadeti Tallinna polkovnik Arentschild. Kindralite Lieveni ja Gogeli kontrolli all alustas ta Leegioni faktilist loomist.

Augustikuu jooksul pandi alus 1. jalaväepataljoni (kapten v. Namtzer), 1. husaaripolgule (major v. d. Goltz), suurtükipatareile (kapten Monhaupt), jäägriroodule (kapten v. Horn) ja pargiroodule. Võitlejaile garanteeriti, et neid ei kasutata nende endi valitsejate vastu /27/. Kuna ohvitseride ei jätkunud, komandeeriti neid Leegioni juurde Vene armeest /28/. Palju astus sinna Balti sakslasi: husaaripolgu ohvitseridest oli 50 % baltlased /29/.

Kõik sõjavangid ja desertöörid säilitasid oma austuse, kuid Komiteel oli õigus väljastada ohvitseripatente; tsaar aprobeeris vastavad esildised automaatselt /30/. Leegionile anti Vene väeasadega sarnane organisatsioon /31/. Leegionärid said peamiselt Vene relvastuse ja vormiriietuse, ent tunduvalt viletsama, kui Vene armee üksustel /32/. Raskusi oli relvade muretsemisega. Riist saadeti Tallinna 1358 jalaväemõõka ja 1014 husaarisaablit /33/. 1813. a. märtsis palus Oldenburgi hertsog 4 pataljoni tarvis 3500 püssi, kuid Sõjaministeerium nõustus vaid 2400 relva eraldamisega. Lõpuks saadi suur hulk püsse Inglismaalt /34/. Raha Leegioni tarbeks ei jätkunud. Nii olid mehed esimestel teenistuskünnudel ilma palgata /35/. Vene valitsus

kohustus kindlustama leegionäre proviandi, varustuse ja laskemoonaga, kuid rahanduslik külg jäi Suurbritannia kanda. Ent 1812. a. inglased keeldusid sellest. Alates 1813. a. märtsist eraldasid nad Rootsile määratud subsiidiumist 1 000 000 naelsterlingit Leegioni ülalpidamiseks ning Põhja-Saksamaalt meeste värbamiseks /36/. Alles 1813. a. juunis fikseeriti inglaste kohustused Peterswaldau konventsiooniga /37/. Kuid ka pärast seda kaebas hertsog Peter oma kohustusi mitte-täitvate inglaste peale /38/.

Meeste praktiliseks väljaõppeks, kuid silmas pidades ka asjaolu, et Tallinnas sõjaväge faktiliselt polnud, käskis krahv Lieven iga päev 40 - 50 meest linnasisevahtkondadesse saata /39/. Seejuures tekkisid konfliktid linnakodanikega. 5. oktoobril läks asi kakluseni Leegioni veltveebli ja kaupmees T. Tšeremissovi selli vahel. Asjaosalised arreteeriti ja viidi politseipeavahti. Kuid paljastatud mõõkadega leegionärid vabastasid oma seltsimehe ja võtsid ka selli kaasa oma vahtkonnaruumi /40/. Juurdlus näitas, et süüdlasteks osutusid linnakodanikud, kuigi kindral Gogel oma ettekandes osundab, et konflikti peapõhjuseks olid Leegioni formeerimise tõttu linnale asetatud täiendavad kohustused /41/.

Septembri keskpaigaks oli Tallinnas osaliselt komplekteeritud ka 2. pataljon, kuid edasist formeerimist takistas valitsuse otsus paisata Leegion Soome, kus samuti oli vägedest nappus. 14. oktoobril asus 1424 leegionäri laevadele ning siirdus Soome /42/. Üks alustest hukkus Loviisa lähedal ja Leegion kaotas suure osa kraamivarustusest /43/. Soomes dislotseerus jala- ja suurtükivägi Loviissasse, ratsavägi ja jäägrid aga Porvoosse. Leegionäride arv küündis detsembris 2058 meheni /44/.

Tallinna jäi üks ohvitser uute vabatahtlike vastuvõtuks ning 41 haiget /45/. Kogu sügise jooksul saabus sinna hulgaliselt sõjavange, kelle hulgast mitmed sajad avaldasid soovi astuda Leegioni ridadesse /46/. Usa saadeti meritsi Soome, ülejäänud aga Narva kaudu Sise-Venemaale /47/.

Seoses Isamaasõja lõpetamise ja Vene armee välisõjakäigu algusega toimusid Leegioni elus suured muutused. Lakkas preislaste vool pataljonidesse, kuna Preisimaa lahkus Napoleoni liitlaste leerist. Uued pataljonid (nr. 3 - 7) olid poliitilises mõttes äärmiselt kireva koosseisuga. Suuresti kasvas saksilaste osa /48/. Allüksused erinesid üksteisest võitlusvõime ja morali poolest. Leegioni sattus hulgaliselt juhuslikku elementi. Venemaal vangilangenud Württembergi ohvitser H. v. Roos kirjutab, et nägi üht leegionäride salka, mille ohvitserid isegi ei varjanud, et nad on Napoleoni pooldajad ja ootavad vaid juhust poole vahetamiseks. Hiljem lasti mõned neist hoiatuseks maha /49/.

29. juulil teatas Tartu politseimeister Gesinski

Leegioni passiga husaar K.L. Grossi kinnipidamisest, sest ilmnes, et too kavatses sõjaväeteenistuse asemel hoopis Tartu Ülikooli astuda /50/.

Siiski ei pääsenud mitte iga soovija Leegioni. 2. septembril esitas krahv Lieven Sõjaministeeriumile raporti, milles teatas, et tema kogutud andmeil ei saa Leegioni võtta portupee-lipnik Friedrich v. Seydlitzi, kuna too teenis omal ajal Saksamaal Napoleoni-vastast ülestõusu üritanud major v. Schilli väesalgas /51/. (Äärmiselt tüüpiline legitimitistlikult meelestatud aris- tokraadi mõttekäik).

Kuna tekkis reaalne väljavaade värvata lähitule- vikus leegionäre juba Saksamaal, otsustati formeeri- tavad väeosad piirile lähemale viia. 1813. a. veebru- aris asetusid 1. pataljon ja jäägrid Narva ning selle ümbrusse, 2. pataljon aga Valka. Depoo ümberpaiguta- misega Pihkvast Valka loodeti piiri panna ka möllava- le tüüfus- ja närvipalavikuepideemiale /52/. Sõjami- nisteeriumi asjaajaja, vürst Gortšakov andis Liivimaa tsiiviilkuberneri kätte ette valmistada korterid, pro- viant ja furaa 3000 mehe ja 1500 hobuse jaoks, kes pidid Valga lähima väiksemate salkade kaupa (300 meest ja 500 hobust). Mitmele allüksusele polnud Val- gas peatumine ette nähtud ja nad läksid otseteed Riig- ga või Miitavisse (Jelgava) /53/. Kuna nii suurte va- rude koondamine lühikese aja jooksul võimatuks osutus, pidid leegionärid moona ise kohapealt muretsema (pro- viandidepartemangu arvel) /54/. Olukorda lihtsustas see, et enamik saabunuist paigutati laiali Valga ümb- ruse mõisatesse /55/. Linnas valmistati ette hoone hos- pidali tarvis /56/.

Huvitav on märkida, et Leegioni juures viibis Suurbritannia esindajana kolonel sir Hudson Lowe - pä- rastine St. Hëlène'i saare kurikuulus kuberner. Val- gas juhtis ta isiklikult 2. pataljoni, hiljem (Miita- vis, Königsbergis) ka muude allüksuste väljaõpet. Te- ma lemmiktegevuseks oli isikkoosseisu kontrollimine nimekirjade järgi. Sellega viis ta meeleheitele nii staabiohvitserid kui ka lõpututest apellidest tüdine- nud sõdurid. Hudson Lowe' väiklane ja õel iseloom, mis Napoleoni valvates täiuseni arenes, ilmnes ebameeldi- valt juba Valgas /57/.

3. pataljoni ja 2. husaaripolgu kaadreile pandi 1813. a. veebruaris alus juba Miitavis /58/. Teated saksa väeosa formeerimisest levisid nii kiiresti, et juba mõned päevad pärast Königsbergi hõivamist Vene vägede poolt (jaanuari algus 1813. a.) hakkasid Ida- Preisimaalt laekuma sooviavaldused Leegioni astumi- seks /59/. Märtsis said Leegioni edasise formeerimise keskusteks juba Königsberg ja Berliin /60/. Kogu väe- osa tegevus allutati M. Kutuzovi käsul kindral L.A. P. v. Wittgensteini kõrgemale juhtimisele /61/.

1813. a. aprillis oli Leegionis 3003 jalaväelast, 929 ratsaväelast ja 312 suurtükiväelast - kokku 4244 meest /62/. Mais kasvas võitlejate arv 5511 meheni,

kuid sõja lõpuni jäi keskmiseks meeste arvuks Leegionis 5000 - 5500 /63/.

1813. - 1814. a. kampaaniates võitles Leegion Vene teenistusse astunud kindral L.G.T. v. Walmodeni kommando all Põhja-Saksamaal ja Hollandis, saavutades tubli lahinguüksuse reputatsiooni. Tema ridadesse kuulus ka silmapaistev sõjateoreetik C. v. Clausewitz ning teisedki progressiivselt meelestatud Preisi ohvitserid.

1815. a. aprillis Vene-Saksa Leegion likvideeriti.

Leegioni loomine on üks neid seiku, mis otseselt seovad Eestit 1812. a. Isamaasõjaga, kus paljud Venemaa rahvad võitlesid ühiselt võõramaiste vallutajate vastu.

KIRJANDUS

1. Quistorp B. v. Die Kaiserliche Russische-Deutsche Legion. - Berlin, 1860; Venzky G. Die Russische-deutsche Legion in der Jahren 1811 - 1815. - Wiesbaden, 1966. Teos põhineb Oldenburgi hertsogi arhiivimaterjalidele (Saksa LV Alam-Saksi Riigiarhiiv Oldenburgis). Samu dokumente sisaldavad palju rikkalikumad NSVL Sõjaajaloo Riikliku Keskarihiivi (edaspidi NSVL SARKA) fondid. Seetõttu kannatab Venzky töö teatud ühekülgsuse all.
2. Kamnitzer H. Stein und das "Deutsche Comité" in Rußland 1812 - 1813 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. - 1953 - H. 1; Kloock E.-U. Das Comité für deutsche Angelegenheiten in Rußland 1812 - 1913. - Berlin, 1954.
3. Фадеев А.В. К истории создания русско-немецкого легиона в России в 1812 - 1813 гг. // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. - М., 1965. - С. 264 - 273; Абаляхин Б.С. Русская армейская пропаганда и национально-освободительное движение в Германии (1812 - 1813) // Из истории национально-освободительной борьбы в дореволюционной России. - Волгоград, 1968. - С. 170 - 200; Бабкин В.И. К вопросу о совместных боевых действиях русского и немецкого ополчений в Освободительной войне 1813 - 1814 гг. // Из истории классовой и национально-освободительной борьбы народов дореволюционной и советской России. - Волгоград, 1975. - С. 3 - 56.
4. Зак Л.А. Англия и германская проблема (Из дипломатической истории наполеоновских войн). - М., 1963. - Гл. III.
5. Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. - М., 1964 (edaspidi Поход русской армии).
6. Freiherr vom Stein. Briefwechsel, Denkschriften und Auszeichnungen / Bearb. v. E. Botzenhart. - Berlin, 1937. - Bd. IV. - S. 12.
7. Поход русской армии. - С. 431; Quistorp B. v. Op. cit. - S. 7; Kloock E.-U. Op. cit. - S. 11. Komitee tööst võtsid järgemööda osa kolm Oldenburgi hertsogit: prints Georg, prints August ja alles pärast Komitee asutamist St.-Peterburgis (augustis) sai esimeheks hertsog Peter.
8. Vt. tema iseloomustused Komitee liikmete kohta: Arndt E.M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben. - Berlin, 1939. - S. 178 - 187, 191 - 192; idem. Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich von Stein. - Berlin, 1858. - S. 8 - 12; idem. Erinnerungen. 1769 - 1815. - Berlin, 1985. - S. 372, 376 (Briefe).
9. Поход русской армии. - С. 431; Quistorp B.v. Op. cit. - S. 7; Kloock E.-U. Op. cit. - S. 11.

10. Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände. (Conversations-Lexicon). In zehn Bänden. - Leipzig: F.A. Brockhaus, 1822. - Bd. 5. - S. 674.
11. Сборник императорского Русского исторического общества (РИО). - Т. 21. - С. 117 - 118; Venzky G. Op. cit. - S. 25 - 31.
12. NSVL SARKA, Sõjateaduslik fond (edaspidi STF), s. 3591, 1. 2p.
13. Барон Штейн. Из кн.: Life and Times of Stein by J.R. Seeley. 1878. Жизнь и времена Штейна / Соч. Дж. Силея // Русский архив. 1880. - Кн. 2. - С. 449 - 450 (edaspidi - Барон Штейн); Kloock E.-U. Op. cit. - S. 26, 30.
14. NSVL SARKA, STF, s. 3654, 1. 2-4p; Листовки Отечественной войны 1812 года. - М., 1962. - С. 23 - 28; 1812. Baltische Erinnerungsblätter. - Riga, 1912. - S. 250 - 253; Russische Aufrufe an die Deutschen 1812 und 1813: Eine geschichtliche Reminescentz // Baltische Monatschrift. - 1912. - Bd. 74, H. 7/8. - S. 80 - 91; Kloock E.-U. Op. cit. - S. 12, 18, 21.
15. Материалы Военно-Ученого архива Генерального Штаба: Отечественная война 1812 года. - СПб., 1910. - Т. XIII. - С. 355.
16. NSVL SARKA, STF, s. 492, 1. 11. Veltveebile 5.40 rbl., allohvitserile 4.20 rbl., reamehele 2.70 rbl. hõbedas.
17. Freiherr vom Stein. Op. cit. - Bd. IV. - S. 26, 41 ff.
18. Droysen J.G. Das Leben des Feldmarschalls Grafen Yorck von Wartenburg. - 1851. - Bd. I. - S. 366; Förster Fr. Sechs Jahre Preußischen Geschichte. 1807 - 1812. - 1856. - B. - S. 731.
19. Quistorp B. v. Op. cit. - S. 29; Kloock E.-U. Op. cit. - S. 26. Pihkvas korraldas asja major v. Chasot, Jaroslavlis kapten v. Kursell.
20. Quistorp B. v. Op. cit. - S. 13 - 14 ff.
21. Arndt E.M. Meine Wanderungen ... - S. 18.
22. Барон Штейн. - С. 457.
23. NSVL SARKA, STF, s. 3591, 1. 5-5p; f. 15 998, nim. 1/181, pakk 1, s. 1, 2. osa; Kloock E.-U. Op. cit. - S. 30. Ei saa nõustuda Kloocki voluntaristliku väitega, et taudi levimine oli Oldenburgi hertsogite poliitika tagajärg.
24. ENSV Riiklik Ajaloo Keskarihiiv (RAKA), f. 291, nim. 1, s. 2837.
25. NSVL SARKA, STF, s. 492, 1. 15:
26. Samas. - 1. 26.
27. Quistorp B. v. Op. cit. - S. 26 - 27.
28. Кутузов М.И. Документы. - М., 1956. - Т. V. - С. 12 - 13, 26.
29. Quistorp B.v. Op. cit. - S. 30; Arndt E.M. Meine Wanderungen ... - S. 15; Baron Georges Wrangell. Baltische Offiziere im Feldzuge von 1812. - Reval,

- 1912; /F.B./ Liv-, Kur-, Estlänner als Offiziere in den Kriegen 1812 - 1815 // Baltische Monatsschrift. - 1912. - Bd. 74, H. 7/8, Juli/Aug. - S. 35 - 69; Поход русской армии. - С. 436 - 437.
30. Поход русской армии. - С. 432.
 31. Kindral v. Boyen meenutab ekslikult, et Leegioni organisatsiooni eeskujuks võeti reformijärgsed preisi põhimõtted: vt. Boyen H.v. Erinnerungen. 1771 - 1813. B. /1953/. - S. 435.
 32. Quistorp B.v. Op. cit. - S. 38. Arentschildi et-tepanekuid varustuse kohta vt.: NSVL SARKA, STF, s. 3591, l. 1 - 2.
 33. Поход русской армий. - С. 433.
 34. Там же. - С. 21.
 35. Quistorp B.v. Op. cit. - S. 47 - 48.
 36. Внешняя политика России (ВНР): Документы Русского Министерства иностранных дел. Сер. I. - М., 1970. - Т. 7. - Док. 55. - С. 133, 136.
 37. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. - Спб., 1885. - Т. XI. - С. 180 - 187; ВНР. Сер. I. - Т. 7. - С. 281.
 38. NSVL SARKA, STF, s. 3591, l. 12p, 19-20. Hertsogi nimetatud Reichenbachi konventsiooni all tuleb mõista lepingut, milles liitlased kooskõlastasid üldjoontes Suurbritannia poolt antava rahalise abi jaotuse. Hannoverist räägib hertsog seepärast, et rahad Leegionile pidid laekuma sealsetest Briti krooni valdustest.
 39. NSVL SARKA, STF, s. 492, l. 38.
 40. Samas. - L. 111-111p.
 41. NSVL SARKA, STF, s. 492, l. 112-112p. Kahjuks pole Tallinna linnaarhiivis sündmuse kohta säilinud mingeid materjale. Leegionäride kokkupuudetest linna kodanikega Tallinnas ja Helsingis vt.: samas, f. 15998, nim. 1/181, pakk 1, s. 1, 1. osa; pakk 2, s. A, 4. osa.
 42. Samas, STF, s. 492, l. 133-134.
 43. Samas, f. 15998, n. 1/181, pakk 1, s. 1, 1. ja 2. osa.
 44. Quistorp B.v. Op. cit. - S. 44 - 47; Venzky G. Op. cit.
 45. NSVL SARKA, STF, s. 492, l. 133-134.
 46. Samas. - S. 3654, l. 5-9p; s. 492, l. 59; Сборник РЮ. - Т. 133. - С. 518 - 520; Поход русской армии. - С. 434 - 436.
 47. ENSV RAKA, f. 291, nim. 1, s. 2807, l. 20, 21-21p.
 48. Quistorp B.v. Op. cit. - S. 44-47.
 49. Roos H.v. Mit Napoleon in Rußland. - Stuttgart, s.a. - S. 237 - 238.
 50. ENSV RAKA, f. 291, nim. 1, s. 2817, l. 2.
 51. NSVL SARKA, STF, s. 492, l. 49.
 52. Läti NSV RAKA, f. 3, nim. 4, s. 271, l. 2.
 53. Läti NSV RAKA, f. 3, nim. 4, s. 271, l. 3-4p.
 54. Samas, l. 11.

55. Samas, 1. 13-13p.
56. ENSV RAKA, f. 1003, nim. 1, s. 124, 1. 5p.
57. Quistorp B.v. Op. cit. - S. 49.
58. Miitavi valiti Leegioni koondumispunktiks v. Steini ettepanekul jaanuarist 1813. a. - NSVL SARKA, STF, s. 3591, 1. 3.
59. Поход русской армии. - С. 438.
60. Quistorp B.v. Op. cit. - Beilage N 14. - S. 279 ff.
61. Кутузов М.И. Документы. - Т. V. - С. 352 - 353, 429.
62. Фадеев А.В. Указ. соч. - С. 271.
63. Venzky G. Op. cit. - S. 175 - 177.

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКО-НЕМЕЦКОГО ЛЕГИОНА В ЭСТОНИИ В 1812 - 1813 гг.

Р. Хельме

Резюме

До сих пор на изучение этого вопроса обращено мало внимания. Первая полная история легиона (Квисторп Б.Ф., 1860) устарела. Труд историка ФРГ Т. Венцки (1966) основан на слишком одностороннем архивном материале. Историки ГДР (Г. Камницер 1953, Э.-У. Клоок 1954) не прибегли к материалам советских архивов. Советские исследователи А.В. Фадеев (1964) и Б.С. Абалихин (1968) обращались с архивными документами своевольно, давали неточные ссылки и поэтому в их статьях допущено много ошибок. В сборнике документов "Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии" опубликованы важные для истории легиона документы, но большинство ссылок на их местонахождение оказываются неверными. Ученые Эстонии и Латвии данной темы не касались. Источниками для настоящей статьи служили фонды Центрального военно-исторического архива и исторических архивов Эстонской и Латвийской ССР, а также литература.

В начале Отечественной войны 1812 г. в России был образован Комитет по немецким делам. Туда вошли Петер Ольденбургский, К.Ф. Штейн, Э.М. Арндт и представители России. Одной из целей деятельности комитета было создание Русско-немецкого легиона. Для этого в рядах немцев наполеоновской армии развивали пропаганду и призывали их к дезертирству. Попытки русских заставить крупные прусские части перейти на их сторону не увенчались успехом. В основном легионеры были завербованы из числа военнопленных. Депо были заложены в Киеве,

Пскове и Ярославле. Местом формирования стал Ревель (Таллин). Там были созданы кадры двух пехотных батальонов, гусарского полка и техподразделения. В легион были командированы некоторые офицеры от русской армии; в него вступило также много прибалтийских немцев, трудно было с деньгами и оружием.

14 октября легионеры (1424 чел.) были переведены в Финляндию, где они дислоцировались до февраля 1813 г. Потом они были переброшены в Нарву и Валку, а оттуда в Митаву и Кенигсберг. Были созданы еще 5 батальонов и гусарский полк. Находясь на территории Эстонии и Финляндии, легион приносил населению дополнительные издержки (особенно в Ревеле и Валке). Случались стычки между легионерами и горожанами (в Ревеле и Гелсингфорсе).

В апреле 1813 г. в легионе насчитывалось 4244 чел., а позже - около 5000. Командиром назначили ген. Л.Г.Т. ф. Вальмодена. Легион сражался в Гольштейне и в Голландии и завоевал сильного боевого соединения. В его рядах находились известный теоретик К.Ф. Клаузевиц и др. прогрессивно настроенные офицеры.

В апреле 1815 г. легион был распущен.

Созданием легиона было поставлено начало русско-немецкому боевому содружеству, которое достигло своей вершины в Освободительной войне германского народа в 1813 г.

ÜBER DIE FORMIERUNG DER RUSSISCH-DEUTSCHEN LEGION IN ESTLAND (1812 - 1813)

R. Helme

Zusammenfassung

Diesem Thema ist bisher nur wenig Aufmerksamkeit geschenkt worden. Die erste vollständige Geschichte der Legion (B. v. Quistorp 1860) ist bereits veraltet. Die Arbeit von G. Venzky (1966) einer der Historiker der BRD erleidet unter der Gleichförmigkeit des Quellenmaterials. Geschichtswissenschaftler der DDR (H. Kamnitzer 1953, E.-U. Kloock 1954) haben nicht die Archive der UdSSR ausgewertet. Die Sowjetischen Forscher A. Fadejew (1964), B. Abalichin (1968) und W. Babkin (1975) haben von Archivalien willkürliche Gebrauch gemacht, irrige Verweisungen angegeben; ihre Aufsätze enthalten mehrere Fehler. Die Dokumentensammlung "Der Feldzug der russischen Armee gegen Napoleon im Jahre 1813 und die Befreiung Deutschlands" (1964) bringt wichtige Urkunden bezüglich der Geschichte der Legion, jedoch ist die Mehrheit der Archivverweisungen nicht stichhaltig. Estnische und lettische Historiker haben sich mit dem Thema nicht befaßt. In vorliegenden Aufsatz wird unter Vermeidung der bisherigen Fehler die Geschichte der Formierung der Legion präzisiert. Die Grundlage dazu bieten die Materialien des Zentralarchivs für Kriegsgeschichte der UdSSR und der historischen Archive der Estnischen und Lettischen SSR sowie die Sachliteratur.

Zu Anfang des Vaterländischen Krieges von 1812 wurde in Rußland das Comité für deutsche Angelegenheiten gebildet (Peter Herzog v. Oldenburg, K. v. Stein, E.M. Arndt, Vertreter der russischen Regierung). Eine der Aufgaben der Comité war die Bildung einer antinapoleonischen Russisch-Deutschen Legion. Durch Propaganda wurden die in der Großen Armee Napoleons dienenden Deutschen zur Fahnenflucht bewogen; bei Riga wurden Unterhandlungen mit Preußen eingeleitet. Das überwiegende Kontingent der Legion wurde jedoch unter den Gefangenen erworben. In Kiew, Jaroslawl und Pskow wurden Depots eingerichtet. Als formierungsort der Legion diente Tallinn (Reval). Dort wurden die Kader zweier Bataillonen, eines Husarenregiments sowie der technischen Einheiten zusammengestellt. Im Oktober zählte die Legion 1.424 Mann. Auch Offiziere der russischen Armee (insbesondere Baltische) wurden der Legion zugewiesen. Später dienten als formierungsorte Finnland (Oktober 1812 - Februar 1813), Narwa und Walga (Februar 1813), Mitau (Jelgava), Königsberg und Berlin (März - April 1813). Es wurden noch weitere fünf Bataillonen und ein Husarenregiment gebildet. Die Formierung der Legion in Estland, Lettland

und Finland bürdete der Bevölkerung zusätzliche Pflichten auf (besonders in Tallinn und Walga). Vieleorts entstanden Zwistigkeiten mit den Stadtbürgern.

Im April zählte die Legion 4.244, nacher bis ca 5000 Mann. Zum Befehlshaber wurde General L.G.T.v. Walmoden genannt. Zur Legion gehörte auch der große Kriegstheoretiker C.v. Clausewitz. Die Legion kämpfte in Holstein und Niederlanden und wurde 1815 aufgehoben.

Die Formierung der Legion ist als Grundlage der russisch-deutschen Waffenbruderschaft einzuschätzen, deren Höhepunkt im deutschen Befreiungskrieg von 1813 erfolgte.

PÄRNU VÄLISKAUBANDUS XIX SAJANDI 20.- 30. AASTAIL

E. Luka-Remmelgas

XIX sajandi 20. - 30. aastail ei leidnud Lääne-Euroopas aset murrangulisi nihkeid. Napoleoni sõdade lõpp, majanduselu stabiliseerumine ja paljudes maades alanud tööstuslik pööre avaldasid soodsat mõju kapitalismi arengule. Euroopa tõusujoones edenev tööstus vajab toorainet, mida veeti kolooniate ning USA kõrval sisse ka Ida-Euroopast, kus põhiliseks tooraine eksportijaks oli Venemaa. Väljavedu toimus peamiselt Läänemeresadamate kaudu, kus suhteliselt väike, kuid ometi oluline koht oli ka Pärnul. Käesoleva artikli eesmärgiks on anda ülevaade Pärnu väliskaubandusest XIX saj. 20.-30. aastail.

Autor ei ole endale ülesandeks seadnud vaadelda tööstustoodete sisse- ja väljavedu, samuti pole tähelepanu pööratud asjaolule, kuidas ja millises vormis toimus tasumine. Väliskaubandust on püütud valgustada kaubalisest küljest, rahalised suhted on tagaplaanile jäetud.

Töö kirjutamisel olid aluseks arhiivimaterjalid. Väliskaubanduse valgustamisel oli peamiseks allikaks Pärnu Magistraadi linnakaalude kaubaraamat tähtsamate eksportartiklite väljaveo kohta aastail 1823-1829 /1/. Kuna kehtis kaalusund, siis võib seda allikat üsnagi täpselt pidada. Portugali sõitnud laevade tollideklaratsioonide /2/ põhjal õnnestus kindlaks teha Pärnu kaubanduse ulatus nimetatud maaga XIX saj. kolmandal kümnendil.

Suhteliselt palju on kasutatud "J. Jacke & Co" arveraamatut "Pärnu firmade kaupade sisse- ja väljaveo asjus" /3/. Nimetatud allikal on aga mitmeid puudusi. Kõigepealt käsitleb see vaid 1820. aastaid ning ka siis pole sissekandeid tehtud kõigil aastatel. Kui impordi kohta võib andmeid pidada ammendavaks, siis eksportkaupade kohta mitte.

Väliskaubandusstatistika tegemisel olid abiks H.D. Schmidti kaubamaja laoraamatud /4/. Viimaste tõlgendamisevõimalusi piiras asjaolu, et sageli ei ole neis märgitud ei saabunud kaupade päritolu ega väljasaadetavate kaupade sihtkohta.

Linnakaubandusega seotud probleemide kohta andis täiendavat informatsiooni inglise ja šoti kaupmeeste osaliselt säilinud kirjavahetus J. Jacke & Co kaubamajaga /5/.

Faktilise materjali vallast (aastate 1835 - 1837 kohta) andsid täiendust kaubandusülevaated ja börsiteated nädalalehest "Das Inland" /6/.

Pärnu kaubandust XIX saj. 20. - 30. aastail pole otseselt siiani uuritud, küll on seda teemat mõõdamises käsitlenud mitmel korral. Omaaegsetel uurimustel põhinevates varasemates üldkäsitlustes on sajandi I poole kaubandust vaadeldud suhteliselt vähe /7/ või on antud ülevaade põllumajanduslikust, mitte kaubanduslikust vaatevinklist lähtudes.

Eesti nõukogude perioodi historiograafia ei ole Pärnu kaubanduse kohta 1820. - 30. aastail palju uut lisanud. Prof. J. Konks on käsitlenud XIX saj. I veerandi kaubandust /8/, kuid ainult Tallinna seisukohalt.

Viimase aja üheks kaalukamaks tööks Läänemere-äärsete sadamate kaubandusest on majandusteadlase F. Sauksi pikem artikkel /9/, mis põhineb aastaraamatu "Riiklik väliskaubandus..." /10/ faktilisel andmestikul. Kuna F. Sauks on kaubandust vaadelnud vaid rahalisest küljest, jõuab ta järeldusele, et "...Eesti sadamad ei omanud Venemaa väliskaubanduses nimetamisväärsust tähendust ..." /11/. Selline seisukoht ei tundu täiel määral vastavat tegelikule olukorrale. Kõigepealt tingis Eesti sadamate tähtsuse ajalooliselt väljakujunenud kaubasidemed välismaailmaga, teiseks, spetsiifiline sisse- ja väljaveetavate kaupade nomenklatuur. Ekspordis näiteks oli Eesti sadamatel, sealhulgas ka Pärnul, oluline tähtsus mitte ainult kohalike põllumajandussaaduste realiseerimisel välisurul; nende tagamaad olid märksa avaramad, hõlmates Eesti ja Liivimaa ning Pihkva kubermangude kõrval ka mõningaid teisi paikkondi Loode-Venemaal. Kogu Venemaa seisukohalt oli iga üksiku Eesti sadama tegevus muidugi tähtsusetu, kuid Eesti ajaloo seisukohalt on tegemist ikkagi oluliste sadamalinnadega.

Vaadeldaval perioodil oli olulisemaks reformiks 1824. a. kaubandusmäärus. Selle kohaselt said II gildi kaupmehed loa tegelda väliskaubandusega (teatud finantspiirangutega). Tõusid gildide liikmeksastumisel vajaliku kapitali miinimummäärad, I ja II gildi maksumäärad ühtlustati. Määruse alusel lähenesid I ja II gild oma õigustelt ja kohustustelt (neid eristas vaid põhikapitali suurus ja kauplemispatendi hind), samas kasvas vahe III gildiga /12/.

Pärnus oli väliskauplemisõigus viiel firmal. Neist vanimad on "J. Jacke & Co" ja "H.D. Schmidt", asutatud vastavalt 1737. ja 1741. a. Suuremate kaubamajade hulka kuulusid veel "H.A. Behrens & Co" ning "H. Harder & Co". Viiendaks mõjukaks firmaks kujunes "A.C. Conze & Co", kes 1818. a. alustas oma tegevust Pärnus nn. külalise staatuses I gildi juures, aastast 1824 aga juba I gildi liikmena /13/.

Hoolimata sellest, et Pärnu suhtes erisoodustusi ei rakendatud (linna sadam oli oma oludelt ka üks halvemaid Läänemere ääres /14/, tõusis ta XIX saj. I poolel oma väljaveolt Eesti alal esikohale, jäädes 1870. aastani suurimaks eksportsadamaks ning ületades kogu käibelt isegi Tallinna /15/.

Ekspordi laienemist piiras Riia lähedus. Riia dikteeris praktiliselt kõikide väljaveetavate kaupade hinnad, nii et hindade aastane dünaamika Riia börsil tähendas selle kajastumist ka Pärnus /16/.

Pärnu ekspordi aluseks oli **linakaubandus**. Selle kiudtaime kasvatus ja väljaveo traditsioonid on Eestis üsna vanad /17/. XVIII-XIX saj. vahetusel kasvatati lina enamikus Eesti mõisates (v.a. saartel ja mandri rannikualadel, kus mullastikuolud ei olnud selleks soodsad). Lina eeldab sügavaid, nõrgalt happelisi liivsavi- ja savimuldi; lubjarikastel maadel jääb kiud hapraks /18/. Liivimaal kujunesid linakasvatuse põhilisteks aladeks Viljandimaa koos Kagu-Pärnumaa ja Valmiera kreisiga, õige kaugele lõunasse ulatuv Aluksne (Marienburgi) piirkond, läänepoolne Võrumaa ning mõned Peipsi-äärsed kihelkonnad (sealhulgas Räpina). Eestimaa kubermangus polnud olud muldade lubjarikkuse tõttu nii soodsad - siin arenes kaubaline linakasvatus peamiselt vaid Vigala ümbruses Läänemaal /19/. Meie lina ei kuulunud maailmaturul küll kõige paremate hulka (nagu Belgiast pärinev linakiud), kuid veel XIX sajandil valitses välisturul selle järele elav nõudmine.

Väliskonjunktuur sõltus mitmetest teguritest. Üheks oli linatööstuse tasuvus. Otsustades Inglise ja Soti kaupmeeste kirjade järgi, valitses tekstiilitööstuses 1830. aastatel depressioon, eriti allasurutud oli puuvilla- ja linatööstus /20/. Linakiu hinnad langesid 1820. aastail, 30. aastate algul tõusid pisut (kõige kõrgemad hinnad olid 1833. a.), seejärel jäi väikeste langustega domineerima tõusutendents, kuid 1833. a. taset kümnendi teisel poolel enam ei saavutatud /21/. Kohapeal tõstis linakiu hindu järkjärguline Vene rubla nominaalväärtuse langus. Võrreldes teiste põllumajandussaaduste (vilja, piirituse) hindadega oli kõikumine siiski suhteliselt väike /22/.

Linal kui toorainel puudus vaadeldaval perioodil Eestis tarbija suurtööstuse näol /23/, mistõttu seda kasvatati peamiselt ekspordiks. Kvaliteedi järgi jagunes linakiud tinglikult kuude rühma: *Dreyband* (D), *Hofs-Dreyband* (HD), *Risten* (R), *Geschnitten* (G; mujal kasutati ka nimetust *Badstuben*) ja *Marienburger* (M; teiste nimetustena olid kasutusel ka *Pique* ja *Kron*). Omaette kategooria moodustas nn. praaklina, mis ei tähendanud täiesti kasutamiskõlbmatut kiudu (nimetati ka *Ausschuss* või *Ordinair-Dreyband* ning tähistati D-O) /24/.

Linahindade tõus 1830. aastail /25/ kajastus muuhulgas ka selles, et välisfirmad hakkasid rohkem ostma madalama sordi lina /26/.

Olgu siinkohas seda tendentsi vaadeldud H.D. Schmidt kaubamaja väljaveo põhjal (tabel 1). Sellest nähtub, et kahe parema sordi (M, G) järele on nõudmine koogu vaadeldava perioodi jooksul olnud suhteliselt väike, kusjuures G on olnud M-linast nõutavam (ilmselt on vahe kvaliteedis olnud väiksem kui hinnavähe). Aastail 1822 - 1824 on nõutud paremaid sorte rohkem kui varem

või hiljem; seevastu alates 1826. aastast kahaneb nende osa tähtsusetuks. Keskmise kvaliteediga lina (sort R ja HD) on kõige rohkem eksporditud 1820. aastate algul. 1825. aastast peale nende osatähtsus langeb. Aasta-aastalt on muutunud nõutavamaks D-sordi lina: vaadeldava perioodi jooksul on selle tähtsus kahekordistunud; väljaveetava praaklina kogus on aga kasvanud kolme-neljakordseks.

Praaklina suur osa mõnedel aastatel on osaliselt seletatav kohalike ilmastikuoludega, kuid peapõhjuseks tuleks lugeda väliskonjunktui, kuna eksport sõltus eelkõige nõudmisest. Kui Euroopa linaturud olid tootjate riikide kiuga küllastatud, sundis see Riiale peale odavamad linahinnad. Et suuta sellistes tingimustes konkureerida, tuli Pärnus osa linast prakeerida madalamatesse sortidesse või arvata hoopis praagi hulka /27/. Vaadeldaval ajavahemikul oli kaks kriitilist aastat: 1825 ja 1837. 1825. a. Euroopas alanud erakordselt ränga majanduskriisi tõttu tooraine hinnad langesid. 1837. aastal oli Euroopa linakasvatuspriirkondades (Prantsusmaal, Belgias, Hollandis ja Iirimaa) olnud eriti suur saak, mis samuti avaldas mõju linahindadele Baltimail /28/.

Kõige suurem väljavedu on aset leidnud kriisiaastatel 1825 ja 1837. See seletub mitmete põhjustega. Lina eksporditi navigatsioonihooaja esimestel kuudel varem esitatud tellimuste põhjal, mida ilmselt ei olnud võimalik hiljem tühistada. Kui 1825. ja 1837. a. suures linaekspordis võib näha kriisile eelneva ületootmise ilmingut, siis väljaveo märgatav langus kahel järgmisel aastal (kahjuks ei ole midagi teada 1838. a. kohta) seostub juba otseselt ränga depressiooniga tekstiilitööstuses.

Vaadeldaval ajavahemikul veeti suurem osa Pärnust eksporditavast linast Portugali. 1820. aastate keskpaiku oli Portugali osa kogunisti 93 - 99 %. Ebasoodsaim on olnud 1823. a., mil väljavedu oli üle kolme korda väiksem kui 1825. a. Ilmselt on siin olnud tegemist kõrgete linahindadega (need võisid omakorda olla põhjustatud kohalikust kehvapoolsest linasaagist /31/.

Linakiudu veeti kolme Portugali sadamasse: Oportosse (Portosse), Lissaboni ja Figueirasse; nende seast olulisim oli Oporto kui tähtsaim tekstiilitööstuskeskus /32/.

Teiseks suureks lina importivaks maaks oli Inglismaa /33/. Lõviosa sinna veetud kiust läks Hulli sadamasse, teistest figureerivad 1820. aastate esimesel poolel veel Liverpool, Dundee, Aberdeen, sama kümnendi teisel poolel London ja Kirkcaldy, 1839. a. Montrose. Suured kõikumised kogustes annavad tunnistust suhete ebakindlusest; paistab, et püsivamad sidemed loodi alles 1830. aastate teisel poolel, otsustades 1837. ja 1839. a. suurte ekspordikoguste põhjal. Briti kaupmeeste-manufaktuuristide ja J. Jacke & Co kaubamaja osaliselt säilinud kirjavahetuse põhjal tundub, et ühed olu-

lisemad importijad on olnud Leedsi linavabrikandid. J. Jacke ja Co korrespondentide seas oli ka Leedsi üks suuremaid linatöötlemisfirmasid "Marshall & Co"/34/.

Linaekspordist teistesse maadesse (Hollandisse, Saksa-
samaale, Taani ja Norrasse) kandis juhuslikku iseloomu, ulatamata üldjuhul kokku 1 %-ni. Portugal jäi vaadeldaval perioodil tooniandvaks importijaks riigiks, nagu ta oli seda olnud sajandi algusest peale (kui välja arvata sidemete katkemine ajal, mil Venemaa oli ühinenud kontinentaalblokaadiga). Siiski võib juba 1836. ja 1839. a. näitajate põhjal märgata Inglismaa osatähtsuse tõusu. See ei pruugi veel viidata Portugali osatähtsuse järsule langusele kümnendi teisel poolel. Siin võib tegemist olla 1837. a. majanduskriisi hilisemate mõjudega; Inglismaal algas kriis varem ning moodus kiiremini - oli ju tol ajal maailma eesrindlikema tehnikaga varustatud Briti tekstiilitööstus teiste maadega võrreldes tunduvalt konkurentsivõimelisem (seda näitab juba vabakaubanduse doktriini ellurakendamine /35/. On aga tõsiasi, et 1840. - 50. aastail Portugali osa väheneb järsult, sest näiteks 1862. a. Pärnust välja veetud 24,287 1/2 S~~6~~ linast eksporditi Inglismaale juba 86,8 % ning sama aasta eksportkäibest langes tema arvele 55,4 % (võrdluseks võib öelda, et 1862. a. oli Portugali osa Pärnu eksportkäibest vaid 8,1 %, mis jättis ta Inglismaa, Hollandi ja Preisimaa järel neljandale kohale) /36/.

Paralleelsele võib ilmselt tõmmata ka odavamate lina sortide osatähtsuse suurenemisega 1830. aastate teisel poolel. Otsustades Inglise ja Soti manufaktuuristide kirjade järgi, on nad eelistanud madalamaid sorte /37/.

Eesti alalt saadava eksportlina päritolu suhtes ei saa ühtki piirkonda teistest kindlalt esile tõsta, kuna 1823. a. näitajad ei pruugi kokku langeda kogu vaadeldava perioodi omadega. Tundub, et teistest piirkondadest rohkem on andnud Viljandi- ja Valgamaa (Pärnu 58,6 % on vaheltkaubanduse näitaja: suurfirmad ostsid lõviosa linast just Pärnu kaupmeeste vahendusel) /39/.

Tabel 3 peegeldab ühtlasi ka siseturusedemeid. Küllalt suur osa kokkuostetud linakiust komplekteerus väljastpoolt Eesti ala - Lätist (Limbaži ja Valmiera piirkonnast) ja Venemaalt (Pihkva kubermangust). Otsustades H.D. Schmidt ekspordivalmis lina laoraamatu järgi, tulid Venemaalt peamiselt D- ja HD- sortide valged alasordid /40/. Ilmselt on nii Pihkva kubermangus kui ka Limbaži ja Valmiera ümbruses teatud linatootjad olnud rohkem seotud Pärnuga kui oma linaekspordikeskuste Peterburi ja Riiga /41/.

Pärnu kaalukeldri andmeil ostsid J. Jacke & Co ja H.D. Schmidt 1823. a. kokku 1198 S~~6~~ 14 L~~6~~ linakiudu. Et kaalukeldrist käis sel aastal üldse läbi 18893 S~~6~~ 17 1/4 L~~6~~ lina /42/, siis teeb see kahe kaubamaja osakaaluks kokku 63,8 % (esimesel 42,7 % ja teisel 21,1 %). Ehkki teatud hulk lina langeb vaheltkaubandusega tegelevate Pärnu väikekaupmeeste arvele, on alust pidada

teiste väliskaubandusega tegelevate kaubamajade ("A.C. Conze & Co", "H.A. Behrens & Co") osa küllaltki arvestatavaks.

Teistest kaupadest (vt. tabel 4) on olulisel kohal olnud linatakud (vähesel määral ka kanepitakud), mida veeti peamiselt Inglismaale. Inglismaa osatähtsus on teadaolevail 1820. aastail olnud enamjaolt 90% piires (1824. a., mil sinna eksporditi 1357 S~~te~~ takku, isegi 98,1 %), kuid mitte alati: 1825. a. kriisi ajal on see olnud 35,2 % (447 3/4 S~~te~~) /43/. Üldiselt on headel aastatel Inglismaale eksporditud üle 1000 S~~te~~ takku. 1836. a. suur ekspordikogus - 3830 S~~te~~ - võib viidata takueksporti mõningale kasvule, kuid autoril puuduvad selle kohta lähemad andmed.

Üsna tähtsal kohal Pärnu eksportkaubanduses on olnud linaseeme. Juba XVIII sajandi keskpaiku oli pärnu (ehk liivi) linaseeme Kesk-Euroopa linakasvatajate seas üks nõutavamaid (Riia kaubamärk näib olevat Pärnu omast varem tunnustuse omandanud). XIX saj. esimesel poolel võitis liivi linaseeme kindla koha ka Inglise ja Iiri turul. Üks põhjusi, miks Lääne-Euroopa linakasvatajad olid sunnitud põhjapoolsemate maade seemet kasutama hakama, oli see, et kestval kasvatamisel hakkas kohalik linatüüp manduma /44/.

1820. a. võib täheldada väljaveo kasvutendentsi, ja seda kõigi kolme importija - Preisimaa, Hollandi ja Inglismaa - juures. Võimalik, et Hollandi seemneimporti kasv on kinnituseks J. Metsa väitele, nagu oleks kuulus Hollandi zeelandi linaseeme aretatud Venemaa Balti kubermangudest pärinevast külviseemnest /45/.

Kanep. Ekspordiks läinud kanepist pärines õige suur osa Eesti kõrval ka Läti alalt - Limbaži ja Valmiera ümbrusest (1823. a. näiteks 44,3 %) /47/. Kanep läks valdavalt Hollandisse, vähesel määral ka Portugali (teadaolevail 20. aastail kokku 124 3/4 S~~te~~), harva ka Norrasse või Hannoveri /48/. Tõenäoliselt on Portugali osatähtsus varasematel aastatel pisut suurem olnud (1821. aastal eksporditi sinna 310 S~~te~~ ja 1822. a. 45 3/4 S~~te~~ kanepit /49/. Teiste maade osa oli Hollandiga võrreldes siiski tähtsusetu. 1828. a. on kanepiekspordis olnud madalseis. Et nimetatud kaubaartikkel ka hilisemal ajal kindlalt Pärnu väljaveos figureerib, näitab fakt, et 1862. a. on seda eksporditud 208 3/4 S~~te~~ /50/.

Teatud aastatel oli Pärnu väliskaubanduses olulisel kohal ka viljaekspord. Selle laienemist takistasid mitmed asjaolud. XIX saj. I poolel Euroopas asetleidnud üldisele teraviljaturgude ahenemisele lisandus odavama Vene vilja konkurents, kuni sajandi keskpaiku tõrjus Vene vili Balti kubermangude vilja Lääne-Euroopa turgudel välja /51/. Ka kohaliku ajakirjanduse veergudel võis kohata sõnumeid, et suurkaupmehed-komisjonärid vilja kokku ei ostvat, kuna välisturul polevat sellel erilist minekut /52/. Mõningail aastail võis viljaekspord olla ka keelatud.

On tõenäoline, et 1820. aastate esimesel poolel Pärnust vilja välja ei veetud, kuid sama kümnendi tei-

sel poolel on vilja väljavedu järjekindlalt kasvanud. Rekordaasta on olnud 1829. Kõige nõutavam oli rukis, samuti oder. Põhilisteks vilja importijateks olid Holland ja Inglismaa; üksikuil aastail ka Taani, Rootsi ning endised hansalinnad Breemen ja Hamburg. Väljavedu Hollandisse kasvas järjekindlalt - 462 vakalt 1825. a. 127 995 vakani 1829. a. /53/.

Roguskitel (mattidel) oli mõningane tähendus Pärnu kaubanduses 1830. aastail /54/.

Pärnu importkaubanduse maht oli ekspordi omast tunduvalt väiksem. Importkaubandus oli otseses seoses siseturuga. Pärnu kaupmeestel oli vaadeldaval perioodil üsna suur klientuur, mis hõlmas kogu Lõuna-Eesti ala ning ulatus ka Põhja-Lätisse ning Pihkvamaale. Kõige kaugem klient kogu Venemaa ulatuses elas Toržokis.

Tähtsaimaks sisseveoartiklikuks oli sool. Soolaimpordil Vene impeeriumi on Läänemeresadamatel olnud üldse suur tähtsus /55/. Soola võisid importida vaid Peterburi, Riia, Liibavi, Tallinna, Pärnu, Kuressaare, Haapsalu ja Narva sadamad. Välismaa sool tuli kohapeal ära müüa; rangelt oli keelatud selle toimetamine Vene sisealadele, kus kehtis riiklik soolamonopol /56/.

Teistest aastatest rohkem paistab olevat soola imporditud 1825. ja 1828. a. /58/. Madalseisud tunduvad olevat olnud 1822. ja 1829. a. /59/. 1830. aastate esimesest poolest puuduvad autoril täpsemad teated. "Das Inlandi" andmeil on 1835. a. veetud Pärnusse 180 023 ja järgmisel aastal 203 023 puuda soola /60/, mis on keskpärased näitajad.

Sisseveetavat soola nimetati kaevanduskohtade järgi. Kasutatud allikas on märgitud järgmisi: valge Liverpooli peensool, punane kivisool /61/, Setubali (St. Ubé), Lissaboni, Figueira, Terra Becchia (Terravecchia), Cadizi sool ja "meresool". Varasemal aastail on soola sisse veetud ka Lamathast /62/.

Enamik välismaa soola pärines Inglismaalt; suhe Inglise ja Portugali soola vahel oli 1824. a. 6 : 1 ja 1825. a. 5 : 1. Aastail 1828 - 30 on suhteliselt palju soola imporditud Itaaliast (Terra Becchia sool).

Sortidest veeti kõige rohkem sisse Liverpooli peensoola - selle osa on teadaolevail aastail kasvanud (1825. a. 73,5 %, 1830. a. 91,6 %) /63/. Suurelt osalt on see seletatav hindadega (sool oli üks nn. talupojakaupu) - Liverpooli peensool on olnud üks odavamaid, kivisool seevastu kõige kallim /64/.

Teiseks tähtsaks importartiklikuks olid heeringad. Teadaolevate andmete põhjal võib öelda, et 1820. aastail on neid sisse veetud peamiselt Norrast (1822. a. 87,0 %, 1830. a. 95,1 %, 1824., 1825., 1828. ja 1829. a. aga kõik). Mõningail aastail on teatud osa olnud ka Taani (1822. a. 467 1/2 tündrit) ja Hollandi (1828. ja 1829. a. 1, 1830. a. 205 1/4 tündrit) soolaheeringatel. Üldse ei ole mainitud Rootsi heeringaid.

Pärnusse on sisse veetud ka katusekive (peamiselt Hollandist) ja telliseid (võimalik, et samuti Hollan-

dist). Regulaarselt on imporditud viljapuuistikuid, taimi, mitmesuguseid seemneid. Vähesel määral on sisse veetud ka puuvilju (õunu, pirne, ploome), delikatesse (tsitrusvilju, värsked austreid, hollandi juustu). Jookidest figureerivad mineraalvesi ja selters.

Kõigest eespool esitatust järeldub, et Pärnu väliskaubanduse teljeks oli kaks kaupa - linakiud ja sool. Maadest etendasid peamist osa Portugal ja Inglismaa - esimene ekspordis ja teine impordis. Ülejäänud riikide seas on suhteliselt kaalukam osa olnud Preisil ja Hollandil.

Mis puutub eri kaubamajade osasse Pärnu kaubanduses, siis autori käsutuses olnud allikaist nähtub, et kahe tuntuma - "J. Jacke & Co" ja "H.D. Schmidt" - kõrval oli ülejäänud kolme väliskaubandusega tegeleva firma osa kokku küllaltki suur, mida arvestamata jääks üldpilt ebatäielikuks. Eriti kehtib see "A.C. Conze & Co" kohta, kelle panus ekspordikaubandusse ületas "H. D. Schmidt" teadaolevail aastail enamasti õige märkimisväärses ulatuses. H.D. Schmidt kaubamaja tähtsus seevastu tundub Pärnu väliskaubanduses 1820. - 30. aastail seni arvatust väiksem olnud.

Kui võrrelda omavahel Pärnu eksporti ja importi, siis nähtub, et kaubanduse üldine bilanss oli positiivne: ligikaudne suhe ekspordi ja impordi vahel 10 : 1. See viitab kapitali voolule läänest itta.

Kuigi Pärnu suhteline osatähtsus teiste Läänemeresadamatega võrreldes väliskaubakäive poolest langes (Tallinna väliskaubakäibe tõusu tõttu), ei ole alust kõnelda langusest, ehkki ka kaubanduslikku õitsengut pole märgata. Ebastabiilsus oli tingitud peamiselt majanduse üldise hüppelise arengu kõrval ka kaupade nomenklatuuri suhtelisest ühekülsusest ja orientatsioonist väliskonjunktuurile.

H. D. Schmidt kaubamaja linakokkuost sortide järgi aastail 1820 - 1836 (puntides) / 29/ T a b e l 1

Aasta	Praaklina	Dreyband	Hofs-Dreyband	Risten	Geschnitten	Alüksne	Kokku
1820	31 636	103 902	102 894	43 161	31 757	5 006	318 356
1821	12 794	70 198	74 262	32 510	13 251	2 468	205 474
1822	2 490	24 975	15 216	45 018	11 099	3 519	102 317
1823	1 372	16 049	30 290	16 167	9 068	2 620	75 566
1824	745	67 577	56 781	40 652	34 424	3 155	203 334
1825	15 708	22 321	7 270	5 304	1 372	198	52 173
1827	62 221	84 507	39 092	21 935	3 249	245	211 249
1829	31 136	63 378	34 992	13 632	5 990	-	149 128
1830	21 214	23 296	7 309	2 175	741	50	54 785
1831	16 371	22 673	6 205	1 353	359	20	46 981
1832	9 822	28 090	5 021	3 446	524	144	47 047
1833	3 234	8 408	5 185	1 160	248	32	18 267
1834	61 992	50 097	13 589	6 043	1 987	152	133 821
1835	48 715	58 635	25 206	4 744	100	-	137 400
1836	33 164	60 403	30 186	5 866	1 489	136	131 264

T a b e l 2
Pärnu linaekspord aastail 1823-1839 (laevanaelades) 730/

Aasta	Portugal	Inglismaa	Muud	Kokku
1823	6634 1/2	1791	65	8490 1/2
1824	16 854 1/2	906	416 3/4	18 177 1/4
1825	23 055	2072 1/4	29 1/3	25 156 1/2
1826	14 591	131 1/4	64	14 786 1/4
1827	11 107	10	12 3/4	11 429 3/4
1828	20 963	746	173	21 082
1829	9 590	2678	19 1/4	12 287 1/4
1836	11 823	7695	35	19 553
1837	15 730	4354	10 1/2	20 094 1/2
1839	8 585	8096 1/2	8	16 689 1/2

T a b e l 3
J. Jacke & Co ning H.D. Schmidt kaubamaja lina päritolu
1823. aastal (laevanaelades (S) ja leisikates (L) ning %des)/38/

Piirkond	S	L	%
Valga.....	601	13 1/4	5,0
Võru.....	343	12 3/4	2,9
Viljandi.....	683	7	5,7
Võnnu.....	29	14	0,2
Tartu.....	275	19	2,3
Pärnu.....	7020	9	58,6
Teised.....	242	11 1/2	2,0
Eesti alalt kokku.....	9197	6 1/2	76,7
Läti alalt kokku.....	1086	11	9,1
Vene alalt kokku.....	1705	16 1/2	14,2
Kokku	11989	34	100

T a b e l 4

Teiste kaupade osakaal Pärnu väljaveos aastail 1822 - 1839 / 46/

Aasta	Takud (Stk)	Linaseeme (vakkades)	Kanep (Stk)	Vili (vakkades)	Roguskid (tk.)	Saelaad (tk.)
1822	?	?	?	?	2090	17 745
1823	417	5484	245	?	?	?
1824	1383 1/4	11 264	452 1/2	?	250	57 480
1825	1271 1/2	12 396	587 1/2	304	-	87 758
1826	629 1/4	14 045	153 3/4	9729 1/2	?	?
1827	1087 3/4	15 809	145 3/4	22 637	4290	56 650
1828	1943	15 773	68 1/2	87 072	26 462	66 425
1829	1116	23 782	123 1/2	146 948	14 714	15 809
1830	?	?	?	?	28 188	9583
1835	2481 1/2	?	146	?	10 512	?
1836	4115	21 775	239	?	?	?
1837	2134 3/4	?	?	?	?	?

T a b e l 5

1820. aastatel Pärnusse imporditud soola päritolu (puudadest) /57/

Aasta	Inglismaa	Portugal	Itaalia	Hispaania	Teadmata päritoluga	Kokku
1822	?	?	?	?	138 816 1/4	138 816 1/4
1824	198 206 1/4	32 836 1/4	-	-	-	231 042 1/2
1825	269 000 1/2	51 797 1/2	-	6426 3/4	-	327 224 3/4
1828	217 208	50 276	19 129 1/2	-	15 764 3/4	302 378 1/4
1829	129 694 1/4	9533	10 355	-	862 3/4	150 445
1830	182 915 1/2	-	20 365 3/4	-	-	203 281 1/4

T a b e l 6

Teiste kaupade sissevedu Pärnusse 1820. aastail /65/

Aasta	Heeringad (tündrites)	Tellised (tk.)	Katusekiivid (tk.)
1822	3596 3/4	96 000	-
1824	4697 1/2	23 000	37 000
1825	4815 1/2	-	20 000
1826	?	(10 000)	(30 000)
1827	?	(2000)	(47 000)
1828	3718 1/4	22 000	10 000
1829	4298	-	-
1830	5059 1/4	-	24 070

KIRJANDUS

1. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 2, s. 5466.
2. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 1, s. 3605-3609.
3. ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 1425.
4. ENSV RAKA, f. 3340, nim. 1, s. 590, 621.
5. ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 4218, 4219, 4255, 4257.
6. Schmidt Chr.J. Ueber der Flachshandel in Livland // Das Inland. - 1837. - N 27, 7. July. - Sp. 460-465; Correspondenznachrichten und Miscellen: Handelsberichten // Das Inland. - 1836 - 1837.
7. Pärnumaa: Koguteos. - Tartu, 1930; Eesti majandus-ajalugu. - Tartu, 1937.
8. Konks J. Pärisorjusest kapitalismi läveni: Jooni Eestimaa minevikust // Uurimusi Läänemere maade ajaloost I (TRÜ toimetised, vihik 316). - Tartu, 1973. - Lk. 182 - 220.
9. Sauks F. Eesti ala väliskaubandusest aastail 1824 - 1862: Majandustegevuse täiustamine kaubanduses // Majandusteaduslikke töid XXIX (TRÜ toimetised, vihik 506). - Tartu, 1980. - Lk. 127 - 135.
10. Государственная внешняя торговля в разных ее видах за ... год. - С.-Пб., 1803 - 1866.
11. Sauks F. Op. cit. - Lk. 128.
12. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (= ПСЗ). - С.-Пб., 1830. - 7. XXXIX. № 30115. - С. 590 - 610.
13. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 1, s. 3744, 3746, 3747, 3765; Pärnu gildikorraaldust, gildikaupmeeskonna struktuuri ja dünaamikat on autor lähemalt vaadelnud oma diplomitöös. Vt. Rimmelgas E. Pärnu kaubandus XIX sajandi 20.-30. aastail. Diplomitöö. - Tartu, 1980. (Käsikiri TRÜ üldajaloo kateedris.)
14. Summarische General-Uebersicht des auswärtigen Handels aus dem Ostseehäfen // Das Inland. - 1836. - N 31, 29. July. - Sp. 519.
15. Sauks F. Op. cit. - Lk. 130.
16. ENSV RAKA, f. 3999, nim. 1, s. 4257; Correspondenznachrichten und Miscellen: Handelsberichten // Das Inland. - 1836. - N 1-52.
17. Eriti kuulus oli Vigala ümbruskonnas kasvatatav linna, mida juba XIV sajandil veeti ka välja. Vt. Vahtre S. Põllumajandus ja agraarsuhted Eestis XIII ja XIV sajandil. - Tartu, 1966. - Lk. 30. Siiski ei olnud linal kuni XVIII sajandi keskpaigani sellist väliskaubanduslikku tähtsust nagu hiljem. Esimese Eesti ala sadamana tõusis selle poolest XVII sajandi lõpul märkimisväärsele kohale Narva. Vt. Aström S.-E. From Cloth to Iron: The Anglo-Baltic Trade in the late Seventeen Century. - Helsingfors, 1963. - Part 1. Pärnu tõus algas XVIII sajandil ja kulmineerus aastail 1804 - 1806, mil tema arvele lan-

- ges tervelt 1/7 kogu Vene impeeriumi linaväljaveost. Vt. Nõmm T. Pärnu kaubandus Prantsuse keisririigi sõdade ajal. Diplomitöö. - Tartu, 1977. - Lk. 24. (Käsikiri TRU üldajaloo kateedris.)
18. Ligi H. Talupeogade koormised Eestis XIII sajandist XIX sajandi alguseni. - Tallinn, 1968. - Lk. 209.
 19. Eesti majandusajalugu, lk. 398; Eesti NSV majandusajalugu. - Tallinn, 1979. - Lk. 74.
 20. ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 4255, l. 71p.; s. 4257.
Tegelikult valitses villatööstuses märksa sügavam kriis (õieti oli see alanud juba varem), mille üheks väljenduseks oli asjaolu, et enamus XIX saj. algul loodud uuestest tekstiiliettevõtetest Leedsis töötlesid lina ja puuvilla. Vt. Wilson R.G. Gentleman Merchants: The Merchant Community in Leeds 1700 - 1830.-New York, 1971. - P. 115 - 133. Kindlasti mõjustasid linatööstust 1830.-33. a. üldine majandusdepressioon ning 1837. a. majanduskriis (juba 1836. a. andis see tunda), mil näiteks pankrotistusid pea-aegu pooled Soti linatöötlemisettevõtted (ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 4257, l. 28-29).
 21. ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 4218, 4255, 4257; Eesti majandusajalugu, lk. 397.
 22. Eesti majandusajalugu. - Lk. 398.
 23. Esimene tööstuslik suurettevõte - Narva linavabrik - asutati 1851. a. parun Stieglitzi poolt. Vt. Karma O. Tööstuslikult revolutsioonilt sotsialistlikule revolutsioonile Eestis: Tööstuse arenemine 1917. aastani. - Tallinn, 1963. - Lk. 77.
 24. Vastavalt Riia kaubanduskorraldusele esitas praakerite instruksioon sortidele järgmised nõudmised:
 - M* - pikk, sitke, tugeva kiuga, aga samas pehme, linaluudeta; värvuselt valge või sinakas, punaka toonita;
 - G* - sisuliselt sama, kuid hulgas võis olla üksikuid linaluid;
 - R* - värvus võis olla kahest eelnevast sordist tumedam ning kiud sisaldada pisut rohkem linaluid;
 - HD* - eelmisest lühema kiuga, värvuselt ebaühtlane (aga mitte punaka tooniga), ilma roostehaiguse ja tõrvaplekkideta;
 - D* - kasvult lühike, värvuselt kirju ning rohke linaluudega, ei tohi aga olla tõrva- ja roosteplekke;
 - OD* - nõrga kiuga, takune, roosteplekkidega, tugevate linaluudega, värvuselt kirju, vajab ümbertöötlemist. (ENSV RAKA, f. 1000, nim. 1, s. 3525, l. 2p - 4; s. 3526, l. 4p - 6; vt. ka Schmidt Chr.J. Ueber der Flachshandel in Livland // Das Inland. - 1837. - N 27, 7. July. - Sp. 460 - 465.)

Tõenäoliselt klassifitseeriti sorte analoogi-

- listel alustel nendes Loode-Venemaa piirkondades, kus linakaupmehed olid seotud Liivi- ja Eestimaa ga. Üldiselt kehtis aga Venemaa linapraakeritele Peterburi määrus (kanepipraakeritele aga näiteks Riia kaubanduskorraldus), mille kohaselt jagati lina vaid kolme sorti. Vt. ПСЗ, собр. II, Т. III. - С.-Пб., 1830. - № 2193. - С. 725 - 726).
25. Ühel keskmisel aastal (antud juhul 1836.a.) olid linakiu kokkuostuhinnad Pärnus järgmised:
1 laevanael	M-lina	140 assignaatrubla,
1 laevanael	G-lina	130 assignaatrubla,
1 laevanael	R-lina	120 assignaatrubla,
1 laevanael	HD-lina	115 assignaatrubla,
1 laevanael	D-lina	110 assignaatrubla,
1 laevanael	DO-lina	85 assignaatrubla.
- Kevadel, navigatsioonaja alates tõusid kõikidel lina sortidel hinnad umbes 10 - 15 assignaatrubla laevanaelalt. (Handelsbericht // Das Inland. - 1836. - N 37, 9. Febr. - Sp. 623).
- Vahel võisid linahinnad Pärnus olla Riia omadest madalamad, et suuta konkureerida väliturul. (ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, l. 41-41p.)
26. Neljal aastal Pärnust eksporditud lina põhjal on sama tendentsi täheldanud 1837. a. Pärnu kaupmees Chr.J. Schmidt. Vt. Schmidt Chr.J. Ueber der Flachshandel. - Sp. 460 - 465.
27. Schmidt Chr.J. Ueber der Flachshandel. - Sp. 463.
28. ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 4257, l. 28-29.
29. ENSV RAKA, f. 3340, nim. 1, s. 621. Prakeerimise, kaalumise ja laevatamise hõlbustamiseks pidi lina olema seotud puntidesse. Mõningatel andmetel oli pundi kaaluks Pärnus umbes üks laevanael. (ENSV RAKA, f. 1000, nim. 1, s. 3525, l. 23p.). Peterburis oli pundi kaaluks sordist olenevalt 3 - 5 laevanaela (ПСЗ, собр. II. - С.-Пб., 1830. - Т. III, № 2193. - С. 723 - 725).
30. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 2, s. 5466; f. 3339, nim. 1, s. 1425, l. 45, 47; Handelsbericht // Das Inland. - 1836. - N 52, 23. Dez. - Sp. 871-872. Ühtluse mõttes on kogu eksporditav lina ja takk antud netokaalus (allikais figureerivad need ka brutokaalus), lähtudes sellest, et 40 laevanaela lina kohta tuleb keskmiselt 1 laevanael taarapakendit, s.o. roguskit. (1 laevanael (Ses) = 20 leisikat (Lss))
31. Prof. S. Vahtre andmeil on 1822. a. (s.o. 1823. a. eksportlina saagiaasta) viljasaak olnud hea: Vahtre S. Ilmastikuoludest Eestis XVIII ja XIX sajandil (kuni 1870. a.) ja nende mõjust põllumajandusele ning talurahva olukorrale // Eesti NSV ajaloo küsimusi (TRÜ toimetised, vihik 258). - Tartu, 1970 - Lk. 91. Kuna aga hea linaaagi eelduseks on peetud sajast juulikuud, siis ilmselt on sel aastal ilm linakasvu jaoks olnud liiga kuiv.
32. Otsesed kontaktid Portugali manufaktuuridega Pärnu kaubamajadel ilmselt puudusid, sest valdav osa li-

- naekspordist Portugali toimus Hamburgi vahendajafirmade kaudu (ENSV RAKA, f. 1000, nim. 1, s. 3606, l. 3-4p., 5p.-6; s. 3607, l. 76 jne.).
33. Autor kasutab siin ja edaspidi Briti saarte kohta mõistet *Inglismaa*, ehkki ka Sotimaa osa oli tegelikult suur.
 34. Wilson R.G. Op. cit. - P. 123.
Tõenäoliselt mängis Leedsis puhul rolli ka Hulli ja Leedsis ühendava raudteeliini valmimine 1831. a., mis võimaldas parema transpordi kui seniajani transiitsadamaks olnud Goole. Tekstiilitöösturite huvitatusest kõneleb kasvõi juba fakt, et nimetatud raudtee üks kolmest direktorist oli Leedsis linakuningas John Marshall (Samas. - Lk. 143).
 35. 1780. aastatel Pitti alustatud võitlus vabakaubanduse eest jõudis lõpule 1820.-30. aastail kaubandusminister Huskissoni reformidega: Clifford J. Aspects of Economic Development 1760 - 1960. - London, 1967. - P. 163 - 167. Esimesed aktid puudutasid tekstiilitööstust: 1822. a. villatööstus ja 1823 a. linatööstust (Bowden W., Carpowich M., Payson Usher A. An Economic History of Europe since 1750. - New York, 1970 (reprint from 1937). - P. 429).
 36. Jung Fr.v. Material zu einer allgemeinen Statistic Livland's und Oesel's. - Riga, 1863. - Erster Jahrgang. - S. 63.
 37. ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 4218, 4219, 4255, 4257.
 38. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 2, s. 431. Kasutatud allikas on juurde arvestatud ka linatakud, kuid nende kogus oli vaadeldaval aastal tühine ja iseseisvat tähtsust seega ei omanud.
 39. Pärnumaal kasvatati lina suhteliselt vähe ja põhiliselt vaid maa lõunaosas: Saarde, Halliste ning Karksi kihelkonnas (Pärnumaa. - Lk. 87).
 40. ENSV RAKA, f. 3340, nim. 1, s. 621.
 41. Mõistagi ei suutnud Pärnu oma tagamaade poolest võistelda Riiaga. Võrdluseks võib viimased nimetada: Liivi-, Kura-, Pihkva- ja Smolenskimaa, Vitebski, Kaluuga ja Orjoli ümbrus, Valgevenemaalt Desna, Polotski, Bešenkovitši ja Velitši piirkonnad. Vt.: Summarische General-Uebersicht des auswärtigen Handels. - Sp. 519).
 42. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 2, s. 431.
 43. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 1, s. 3605 - 3609; nim. 2, s. 5466.
 44. Eesti maa, rahvas, kultuur: Koguteos. - Tartu, 1926. - Lk. 351 - 360.
 45. Samas. - Lk. 359.
 46. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 1, s. 3605 - 3609; nim. 2, s. 5466; f. 3999, nim. 1, s. 1425, l. 45-47; Handelsberichten // Das Inland. - 1836. - N 6, 5. Febr. - Sp. 96; 1836. - N 52, 23. Dez. - Sp. 871-872.
 47. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 2, s. 430, 431.
 48. Samas. - S. 5466.

49. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 1, s. 3605, 3606.
50. Jung Fr.v. Material zu einer allgemeinen Statistik - S. 63.
51. Eesti NSV ajalugu. - Tallinn, 1955. - 1. kd. - Lk. 598.
52. Handelsberichten // Das Inland. - 1836.-N 9, 26. Febr. - Sp. 152; 1836. - N 26, 24. Juni. - Sp. 447 u.a.
53. ENSV RAKA, f. 1000, nim. 2, s. 5466.
Väärib märkimist, et varasemal ajal - XVII saj. lõpul, olid Madalmaad üheks peamiseks teravilja importijaks Pärnust: Piirimäe H. Pärnu kaubanduse suurus ja koostis XVII sajandi lõpul // Eesti NSV ajaloo küsimusi V (TRÜ toimetised, vihik 223). - Tartu, 1968. - Lk. 109.
54. Roguskeid kasutati kauba pakkematerjalina. Selline keskajast pärinev komme muutus kauplemise kasvades kalliks ja mõttetuks. Otsustades inglise ja Soti kaupmeeste kirjade põhjal, ei soovinud nad, et nende poolt tellitud lina oleks mattidesse pakitud (ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 4255, l. 45p.; s. 4257, l. 16p.). Kuid "J. Jacke & Co" vastusest Kirkcaldy firmale "John Fergus" selgub, et vastavalt Pärnu kaupmeeste kokkuleppele pidid linamüügis teatava osa moodustama mattpakid. (Samas, s. 4255, l. 9p.). Igal juhul pakiti roguskisse valdav osa 1820. aastail Portugali eksporditud linast (ENSV RAKA, f. 1000, nim. 1, s. 3605-3609).
55. Ilmselt on see alguse saanud keskajast, mil näiteks sellised linnad nagu Tallinn etendasid tähtsat osa transiitkaubanduses Venemaaga. Vt. Soom A. Der Handel Revels im siebzehnten Jahrhundert // Marburger Ostforschungen. - Wiesbaden, 1696. - S.34
56. Книга Тарифов (1724 - 1822). - С.-Пб., 1830. - С. 208.
57. ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 1425.
58. 1825. a. suur sissevedu seostub ilmselt osaliselt sel aastal Eesti-, Liivi- ja Kuramaa sadamates ning Narvas kehtinud madaldatud tollitariifiga: 10. kop. hõbedas puudalt tavalise 25 kop. asemel (ПСЗ. - Т. XXXIX. - С.-Пб., 1830. - № 30129).
59. Ka Tallinnas on 1829. a. olnud soolaimpordi madalseis: vaid 23 600 puuda (Tallinna ajalugu 1860. aastateni. - Tallinn, 1976. - Lk. 336), kuid see võib olla asjaolude juhuslik kokkulangemine.
60. Handelsberichten // Das Inland. - 1836. - N 6, 5. Febr. - Sp. 96; 1837. - N 22, 27. May. - Sp. 376.
61. Tavaliselt on allikas märgitud *Liverpooli kivisool*, õigemalik, et kogu sisseveetav kivisool pärines Liverpoolist.
62. Nõmm T. Op. cit. - Lk. 23.
63. ENSV RAKA, f. 3339, nim. 1, s. 1425.
64. 1836. a. olid importsoola hinnad Riia börsil järgmised:

1	sälitis	Liverpooli kivisoola	-	116	hõberubla,
1	"	Trapani soola	-	91	"
1	"	Terra Becchia soola	-	85	"
1	"	Lissaboni soola	-	68	"
1	"	Liverpooli peensoola	-	66	"
1	"	Oléroni soola	-	60	"

Vt.: Handelsbericht // Das Inland. - 1836. - N 22, 27. May. - Sp. 376.

65. ENSV RAKA, f. 3339, nim 1, s. 1425.

1826. ja 1827. a. import on teada vaid ühe kaubamaja põhjal, mis ei peegelda muidugi kogu Pärnu sissevedu.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ Г. ПЯРНУ В 1820 - 1830 ГГ.

Э. Лука-Реммельгас

Р е з ю м е

Работа основана на архивных материалах, хранящихся в ЦГИА ЭССР в г. Тарту. Использованы таможенные декларации и торговые книги городской важни из фонда Перновского магистрата, а также торговые и складские книги торговых домов Я. Якке и Х.Д. Шмидта.

В 1820 - 1830-х гг. во внешней торговле г. Пярну экспорт превалировал над импортом. Важнейшим товаром вывоза был лен. В 1820-х гг. этот товар вывозился в основном в Португалию (78,0 - 98,7 %), в последующие десятилетия быстро стала расти роль Англии как импортера льна (в 1862 г. в Англию было вывезено 86,8 %, а в Португалию - 8,1 % льна). Из других товаров, вывозившихся из Пярну в 1820-30-х гг., пакля отправлялась в основном в Англию (более 90 %), пенька шла в Голландию (более 95 %), льняное семя вывозилось преимущественно в Пруссию (более 50 %) и в Голландию (15 - 40 %). Зерно, важный товар в вывозе из Прибалтики, уже не имело большого спроса на рынках Западной Европы. Однако в значительном количестве его вывозили из Пярну в 1825 - 1829 гг. (в основном в Голландию).

Важнейшими товарами импорта были соль и сельдь. Соль привозили преимущественно из Англии и Португалии (в соотношении 5 : 1 или 6 : 1). Основным сортом была ливерпульская мелкая соль (73,5 - 91,6 %). В конце 1820-х гг. соль привозили и из Италии, иногда из Испании. Сельдь импортировали в основном из Норвегии.

В связи с увеличением товарооборота Таллинского (Ревальского) порта удельный вес Пярну среди прибалтийских портов уменьшился. Однако абсолютные цифры не показывают упадка пярнуской внешней торговли. В связи с конъюнктурными колебаниями в европейской торговле для товарооборота Пярну были характерны резкие колебания по отдельным годам.

FOREIGN TRADE IN PÄRNU IN THE TWENTIES AND THIRTIES OF THE 19TH CENTURY

E. Luka-Remmelgas

S u m m a r y

The paper is based on the documents in the State Historical Central Archives. Customs declarations and account-books and correspondence of the stores "J. Jacke & Co" and "H.D. Schmidt" have been made use of.

In 1820-30s exports prevailed in foreign trade of Pärnu, the main article of commerce being flax. In the 1820s it was mostly exported to Portugal (78.0-98.7 per cent). During the following decades the role of England grew rapidly, so that in 1862 86.8 per cent of the flax exported from Pärnu went to England, 8.1 per cent to Portugal. Tow was exported chiefly to England in 1820s-1830s (more than 90 per cent), hemp was marketed chiefly in the Netherlands (over 95 per cent), flaxseed in Prussia (over 50 per cent) and the Netherlands (15-40 per cent). Corn, that had once been an important export article was not much in demand any more in West Europe, still it was comparatively more exported in 1825-1829 (mainly to the Netherlands).

The main articles of import were salt and herring. The first was mainly imported from England and Portugal (the relation being 5 : 1 in England's favour). The late 1820s salt was also brought from Italy, rarely from Spain. Herring came mainly from Norway.

Due to the growth of commercial circulation in Tallinn the role Pärnu became less prominent among the seaports of the Baltic. Yet, considering the amount of goods one cannot speak of a general decline in the foreign trade of Pärnu. Still there is noticeable instability in it due to the commercial conjuncture in Europe.

О ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ В ПОЗНАНСКОМ КНЯЖЕСТВЕ ВЕСНОЙ 1848 г.

Т. И. Студеникина

Общеизвестно, что в историческом процессе существенную роль играют не только внешнеполитические сношения пограничных государств, но и те взаимосвязи, которые постепенно складываются между соседними народами в ходе их длительных экономических и культурных контактов. Изучение общественных связей особенно важно потому, что именно они закладывают столь близкое трудящимся всех континентов стремление к взаимопониманию и взаимопомощи, укрепляют столь важные для нашего времени традиции интернационализма. Научная и политическая актуальность данной тематики едва ли требует специального обоснования как в целом, так и применительно к польско-немецким общественным связям в Познанском княжестве на первом этапе революционных событий 1848 г.

В настоящей работе предпринята попытка раскрыть характерные черты политических выступлений немецкой буржуазии Познанского княжества в довольно ограниченный период - с конца марта и до начала мая 1848 г., т.е. в период польского восстания в Познани и развития по восходящей линии буржуазно-революционного движения в самой Германии. В это время польский вопрос оказался на видном месте среди других задач немецкой буржуазно-демократической революции. Именно поэтому следует особое внимание обратить на позицию познанских немцев в отношении к польскому освободительному движению. Этот, казалось бы, частный вопрос несомненно очень важен с точки зрения правильного истолкования истории польско-немецких взаимных отношений в тот период - крупной историографической проблемы, которая на протяжении уже многих лет привлекает внимание историков разных стран.

Благодаря прежде всего усилиям ученых ПНР и ГДР сейчас можно считать хорошо изученной историю польского национально-освободительного движения весны 1848 г., влияния его на политику прусских "революционных" правительств на польских землях. Описана и оценена с позиций исторического материализма сама эта политика, выявлена её классовая сущность.

Однако гораздо меньше мы знаем о немецком национально-буржуазном движении данного периода в Познанском княжестве, о зарождении и развитии его в конце 40-х гг. прошлого века в условиях общего революционного подъема в Германии и усиления освободительной борьбы поляков /1/.

Основным источником сведений о национальном дви-

жении познанских немцев в марте и апреле 1848 г. для настоящей работы стала политическая публицистика периода революции: репортажи и статьи газеты "Zeitung des Grossherzogtums Posen" и её приложение "Deutsches Konstitutionelles Blatt" (в дальнейшем при ссылках - ZGP и DKB), а также воззвания, прокламации, протоколы заседаний Немецкого национального комитета (ННК), публиковавшиеся в газете.

"Zeitung des Grossherzogtums Posen" была первым и до 1848 года единственным политическим ежедневным изданием Познанского княжества /2/. До весны 1848 г. деятельность корреспондентов газеты ограничивалась лишь перепечаткой представляемых администрацией княжества официальных документов и некоторых материалов из прусских газет. Революционные события весны 1848 г. резко изменили характер газеты. Уже в середине марта на её страницах появляются совсем не бесстрастные репортажи о событиях в Париже, Вене, Берлине, обсуждаются вопросы конституции и всеобщего избирательного права. В первых числах апреля редактором газеты становится Г. Хензель, вскоре превративший её в орган растущего в провинции национального движения немецкой буржуазии. С этих дней газета выходит с ежедневным приложением, получившим характерное название "Немецкий конституционный листок". На его страницах публикуются воззвания ННК, отчеты о его заседаниях, протоколы собраний немецких граждан Познани (*Deutsche Volksversammlungen*), проходивших под председательством деятелей ННК. Все эти документы, как и редакционные статьи самой газеты (в апреле и мае они помещались ежедневно) - ценные источники для характеристики немецкого национального движения в княжестве.

Важным источником сведений о программных и тактических установках ННК явилась острополиемическая работа одного из ведущих его идеологов Роберта Хепке под названием "Польское восстание и немецкое контрдвижение в Познани весной 1848 г." /3/.

Очень ценными для данной работы оказались опубликованные, но ещё малоизвестные мемуары полковника польских повстанческих войск Людвика Счанецкого /4/. Его воспоминания о событиях марта и апреля 1848 г. содержат, кроме прочего, конкретные сведения о взаимоотношениях поляков и немцев княжества, о попытках объединения их национального движения на основе демократического решения польского вопроса.

Архивные документы дополняют сведения из опубликованных источников, т.е. прессы и мемуаров. Так, были использованы хранящиеся в Государственном архиве ГДР (г. Мерзебург) в фондах бывшего Министерства внутренних дел Пруссии донесения ландратов, полицейских чинов прусской администрации княжества о мартовских событиях 1848 г. Кроме того, важным источником послужили ещё не опубликованные, находящиеся в том же архиве петиции немецких жителей княжества, в большом количестве приходившие в Берлин в апреле-мае 1848 г. /5/.

Требования, содержащиеся в них, стали основой для многих распоряжений правительства.

* * *

Западнополюские земли издавна были одним из объектов немецкой колонизации славянских территорий. С конца XVIII в. заметно возрастает наплыв сюда немецкой (прусской) торгово-промышленной буржуазии /6/. В 40-е годы XIX в. немцы, составлявшие менее трети всего населения княжества (31,3 %), жили преимущественно в городах и уже сумели завоевать господствующее положение в местном ремесле и торговле. Среди городского населения немцы составляли около 40 % и, хотя в некоторых городах (например, в Познани) уступали по численности не только полякам, но и евреям, считались наиболее зажиточной и экономически устойчивой категорией горожан /7/. Историки не располагают точными цифровыми данными для периода 40-х годов XIX в., но примерное представление о роли немецкого элемента в промышленности и торговле княжества в середине прошлого столетия дает статистика 1861 г. Тогда из 70 наиболее крупных промышленных предприятий 59 принадлежало немцам, 6 - полякам, а из 88 ремесленных мастерских в руках немцев находилось 69, поляков - всего 8 /8/.

В условиях значительной промышленной отсталости княжества в целом немецкое мещанство, прибывавшее в западнополюские города, находило тут возможности быстрого обогащения, пользуясь поддержкой государства и местных властей, которые оказывали ему всяческое содействие, предоставляя выгодные государственные заказы, кредиты и т.п. Поэтому прусская администрация имела все основания рассчитывать на немецких бюргеров Познанского княжества как на главную социальную опору экспансионистской политики на западнополюских землях.

Известия о февральской революции во Франции, а затем о венских и берлинских событиях всколыхнули всё княжество. Познанская общественность была в значительной мере подготовлена к их восприятию. В княжестве вследствие развития сложных процессов революционный конфликт вызревал на протяжении ряда лет. Специфические социальные, политические, национальные устремления различных групп населения, переплетаясь, делали ситуацию здесь особенно острой. Раскрытие польского заговора в 1846 г., последовавшие затем аресты и шумный судебный процесс в Берлине, голод, вызванный неурожаем 1846 и 1847 г., усиливали социальную активность масс. Волнения и беспорядки, в которых, как свидетельствуют источники, участвовала и польская, и немецкая беднота, были предвестниками мартовского кризиса 1848 г. /9/.

Слухи и сообщения газет о революции в Париже, восстаниях в Праге, Вене, движении в Венгрии, наконец, об уличных боях в Берлине и патенте 18 марта Фридриха-Вильгельма IV пали здесь на благодатную почву и дали толчок стремительному развитию событий /10/. Однако они произвели неодинаковое впечатление на поляков и немцев.

Реакция первых оказалась более быстрой и очень активной. 20 марта был создан польский Познанский национальный комитет (ПНК), составлена петиция Фридриху-Вильгельму IV с требованием предоставить княжеству независимость. Через несколько дней ПНК уже полностью контролировал обстановку не только в столице, но и во всем княжестве, взяв на себя функции главного административного органа /11/.

С самого начала ПНК счел необходимым определить свое отношение к немецкому населению княжества. Уже 20 марта в Познани была распространена листовка "Поляки - к немцам!". "Истинные немцы, - говорилось в ней, - присоединяются сейчас к революционному движению против князей. Если так же поступят немцы Познанского княжества, то поляки будут считать их своими союзниками в борьбе за свободу /12/. На следующий день ПНК выступил со своим первым обращением к немецкому населению. В нем выражалась готовность членов комитета к сближению с познанскими немцами для совместной борьбы против абсолютизма и "азиатчины" /13/. Это заявление ПНК соответствовало настроению массы польского населения княжества. 23 марта газета сообщала о городских событиях предшествующего дня: "Улицы и рынок Познани были заполнены толпами народа с бело-красными кокардами; ... повсюду распространялись прокламации на польском и немецком языках, которые призывали немцев поддержать польское дело и признать справедливыми требования польской национальности" /14/.

В эти первые дни нарушителями спокойствия были по преимуществу поляки. Выдвинув антиправительственное требование национальной независимости, призывав к борьбе с абсолютизмом, они выступили фактически в поддержку берлинской революции. Реакция же немцев последовала с некоторым промедлением. В течение нескольких дней они оставались пассивными зрителями событий. Правда, по мнению Е. Козловского, предложения ПНК о совместных действиях немецкие бюргеры восприняли с одобрением. Часть их даже присоединилась к польским манифестациям /15/. И действительно, по сообщению газеты, 22 марта немецкие бюргеры Познани приняли участие в торжественной встрече нескольких прибывших из Берлина "моабитских узников", т.е. поляков, осужденных за подготовку национального восстания в Познани в 1846 г. Они содержались в берлинской тюрьме Моабит и были освобождены восставшими берлинцами /16/.

Господствующее положение немецкой буржуазии в экономике провинции, казалось, должно было определить и высокую степень её организованности в политическом отношении. Однако привилегированные условия, созданные для немецких предпринимателей, по существу полное отсутствие конкуренции, защита государством их интересов - все это до определенного момента не требовало от самих бюргеров политической активности. В Познанском княжестве вплоть до весны 1848 г. не было создано сколько-нибудь действенной политической организации немецких предпринимателей.

Возможно, что первой формой такой организации немецкой торгово-ремесленной буржуазии Познани стала Комиссия защиты (*Schutz-Kommission*). Она была образована в конце марта 1848 г. на чрезвычайном заседании магистрата и городского совета из состава присутствующих. Поскольку органы государственного самоуправления почти целиком состояли из немцев, то и в комиссии они могли получить абсолютное большинство. Цель комиссии - поддержание порядка в городе (в чем прежде всего были заинтересованы немецкие бюргеры как собственники средних и мелких предприятий) /17/. Таким образом, первая политическая организация познанских немцев возникла на основе органов городского самоуправления. Это было закономерно, т.к. участие в работе городского совета и магистрата в 30-40 гг. XIX в. по существу было единственной формой их политической активности.

22 марта состоялось первое собрание немецких граждан Познани, на котором обсуждалось "отношение к полякам". Им было выражено "ответное доверие" /18/. Собравшиеся должны были выбрать один из двух вариантов ответа на обращение ПНК к немцам княжества от 21 марта 1848 г. Газета "*Zeitung des Grossherzogtums Posen*" поместила полный текст обоих вариантов.

Автор первого проекта - ассессор Кроузац. Он предлагал принять "протянутую поляками руку, ибо... все народы на земле должны быть свободны", но тут же делал немаловажную оговорку: "законы разумной свободы требуют, чтобы существующий порядок был бы не разрушен, а только изменен" /19/.

Второй оратор - референдарий Эмиль Брахфогель. Поскольку именно его проект был принят собранием и распространен как воззвание Немецкого национального комитета, приведем его почти полностью. Все выступление было выдержано в возвышенном, патетическом тоне. Судя по отточенности фраз и вообще по чистоте языка это был не экспромт, а тщательно подготовленная речь. "Пробил час освобождения народов!" - сказал Брахфогель. "Поляки! Наконец пришло время и вашего освобождения, время искупления великого, запятнавшего историю преступления... Вы знаете, что народ немецкий всегда сочувствовал вам. Ваши соотечественники в 1831 году испытали на себе это сочувствие. А в 1846 году отзыв горестных стонов ваших слышен был по всей Германии. Теперь в Берлине заложен краеугольный камень вашего возрождения: тюрьмы открылись, и ваши связанные оковами братья освобождены нашими. Вы оцените это и дайте нам братскую руку. Мы примем её, а за нами пойдут все свободные немецкие народы... Немецкие братья Великого княжества Познанского! Мы призваны первыми принять поданную нам поляками руку братского единства. Заявим об этом во всеуслышание. Отбросьте все сомнения... и всякую половинчатость и станьте, как ваши братья на немецкой родине, свободными людьми! Поднимитесь на вершину свободы и будьте уверены, что вашим женам и вашим детям не грозит опасность, как всюду, где строится храм свободы: ... благодетельство этого дела - лучшая защита от насилия над личностью и собственностью. Братья поляки и немцы! Единый девиз -

порядок и спокойствие во имя свободы, единое знамя национальные польские и немецкие символы" /20/.

Нетрудно заметить, что призыв Брахфогеля сохранять порядок и спокойствие носил в его речи иной смысл, чем у Кроузаца. Он выражал не стремление сохранить статус-кво в княжестве, а, скорее, уверенность, что здесь возможно демократическое и вместе с тем мирное решение возникавших проблем. Гарантией этого должно стать "братское единение поляков и немцев". Брахфогель призывает к "порядку и спокойствию" не ради возможности ограничиться мелкими уступками полякам, а "во имя свободы" и поляков, и немцев. Только освободив поляков, немцы сами станут "свободными людьми" - таков лейтмотив его речи.

В нескольких высокопарных словах Брахфогеля можно увидеть отблеск, хотя и очень неясный, той идеи, которая в то время должна была стать принципом всего буржуазно-демократического движения в Германии. Речь идет об осознании неразрывной связи социальных и национальных задач немецкой революции, в более же узком смысле - того значения, которое имела для "дела демократии" освободительная борьба поляков.

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс всегда подчеркивали особое значение польского вопроса для общественно-политического развития Европы в эпоху буржуазно-демократических революций. В ряде работ периода 40-50 гг., а также в выступлениях на международных митингах в связи с празднованием годовщин польского восстания 1830/31 гг. и Краковской революции 1846 г., К. Маркс и Ф. Энгельс обосновывали идею солидарности европейской демократии национально-освободительной борьбой поляков. Применительно к Германии, к задачам немецкого движения это звучало совершенно определенно: "Освобождение Германии не может совершиться без освобождения Польши от угнетения её немцами" /21/.

Весной 1848 г. отношение к освободительной борьбе поляков было важным критерием последовательности и решения общедемократических задач немецкой буржуазной революции. Понятно, что существенное значение при этом имела та обстановка, которая складывалась в мартовские дни в Познанском княжестве. Здесь в условиях непосредственных и постоянных контактов поляков и немцев взаимосвязь национальных и социальных вопросов демократического движения была особенно зримой.

С другой стороны, развитие революционного движения в княжестве во многом зависело от положения в столице. И дело не только в том, что здесь, в Берлине, разрабатывались планы борьбы с польским восстанием, получали окончательную оценку действия местных властей. Большее значение для развития революции в княжестве имела позиция берлинской демократии в решении национального вопроса вообще и отношение к польскому освободительному движению в частности.

Так называемое "польское воодушевление" (*Polenbegeisterung*) немецкой демократической и отчасти либе-

ральной буржуазии, их симпатии к полякам, возникшие после восстания 1830/31 гг., с ещё большей силой проявились весной 1848 г. /22/. В период революции вопрос о поддержке национально-освободительного движения поляков стал одним из пунктов политической программы немецкого буржуазно-демократического движения и живо обсуждался в буржуазной прессе /23/.

Однако в 1848-49 гг. не многие немецкие демократы пошли дальше восторженных высказываний в поддержку "польского дела", которые следует, скорее, отнести к области эмоций, чем к политике и идеологии. Даже представители революционного демократизма - крайнее левое крыло буржуазно-демократического движения той поры - не смогли выработать последовательно демократической программы по национальному вопросу, а тем более осуществить её на практике /24/. Поэтому проект воззвания к полякам Брахфогеля с его робкой попыткой нащупать пути к демократическому решению этого вопроса в условиях Познанского княжества кажется особенно любопытным. Тем более, что первое собрание познанских бюргеров из двух предложенных проектов выбрало именно этот, провозглашавший идею совместной борьбы против абсолютизма.

Воззвание подписали члены Адресного комитета, специально выбранного для этого. Присутствующие поляки выразили собранию от имени всего польского населения Познани благодарность за солидарную позицию и предложили "отметить заключенное братство праздничной иллюминацией", что было "с ликованием принято" /25/.

В тот же день члены Адресного комитета обратились к руководителям польского национального движения с просьбой принять немецких представителей в ПНК для координации совместных действий поляков и немцев всей провинции. Польская сторона вежливо, но недвусмысленно отклонила предложение немецкой делегации. Она обосновала свой отказ тем, что главной заботой ПНК являются узконациональные интересы. Это неожиданное решение руководителей ПНК противоречило позиции, достаточно ясно выраженной за день до этого в "Обращении к немцам". Л. Счанецкий писал в воспоминаниях: "Тот момент, когда немцы и евреи, признав моральную силу поляков, предложили союз, был решающим. Надо было, конечно, принять в ПНК одного или двух представителей, т.к. вначале среди немцев были откровенные демократы, которые искренне хотели революции. Они могли бы принести нам много пользы. Отрицательный ответ ПНК подготовил нам противников, которые придали смелости чиновникам" /26/.

Похоже, обстановка в Познани в те дни действительно благоприятствовала возникновению контактов между польскими и немецкими деятелями местного оппозиционного движения. При бессилии прусских властей ПНК взял на себя и успешно выполнил функции правительственного органа - административные, налоговые, военные. Интересно, что Г. Вуттке называет ПНК не иначе, как "новым правительством" ("*neue Regierung*" /27/). Генерал

Коломб, командующий прусскими вооруженными силами в княжестве, в своем воззвании к населению 28 марта подчеркнул, что ПНК действовал как "правительственная комиссия, установленная законным путем" (при этом он, конечно же, осудил эти действия) /28/. Даже берлинская газета "Berliner Zeitungshalle", сообщая 25 марта о положении в Познани, характеризовала ПНК как "временное правительство" /29/.

Таким образом, "моральная сила", как верно заметил Л. Счанецкий, действительно была на стороне поляков, и демократически настроенные немецкие бюргеры Познани, казалось, готовы были признать этот факт. 22 марта они не только декларировали свое желание сотрудничать с лидерами польского национального движения, но и сделали некоторые практические шаги к этому. Так, городской совет и магистрат Познани, состоявшие почти целиком из немцев, приняли решение поддержать петицию польской депутации, возглавляемой Пшилуским. 23 марта депутация познанских поляков во главе с архиепископом Пшилуским подала королю петицию с "почтительной просьбой разрешить национальную реорганизацию княжества", под которой подразумевалось, во-первых, предоставление полякам права участвовать в управлении княжеством и, во-вторых, создание польского армейского корпуса /30/. В Берлин было отправлено ещё одно послание, в котором от имени немецких жителей Познани заявлялось о необходимости отказа Пруссии от великопольских земель. Кроме того, городской совет единодушно решил предоставить ПНК помещение ратуши, как "места, подходящего для такой власти" /31/.

Эти факты свидетельствуют, что в тот момент определенная часть немецкой буржуазии Познанского княжества была воодушевлена теми же идеями, что и буржуазные демократы в других областях Германии. Война с Россией и восстановление Польши как барьера против царизма и здесь, в княжестве, казались тогда единственно верным решением польского вопроса. Однако на практике все выглядело гораздо сложнее. Быстрый рост польского национального движения, претензии ПНК занять положение правительственного органа и в то же время его решительный отказ от сотрудничества с Адресным комитетом, заявившим о своей приверженности демократическим идеям, с другой стороны, - нечеткость позиций самих членов этого комитета - вот черты, которые характеризуют политическую жизнь познанского общества в первые дни революции 1848 г. В этих условиях наметившееся было в княжестве польско-немецкое сближение не увенчалось объединением демократических элементов обеих сторон в единый лагерь антифеодальной оппозиции.

После неудачных переговоров с ПНК наиболее активная группа познанских немцев решила сформировать свою национальную организацию. 23 марта собрание более тысячи граждан немецкой и еврейской национальности "признало необходимым образовать объединение". Был избран Немецкий национальный комитет (ННК) в составе 10 человек. В него вошли четыре судебных чиновника, два учителя, два врача, ремесленник, купец и трактирщик /32/..

Газета "Zeitung des Grossherzogtums Posen" стала фактически печатным органом Комитета. С 14 апреля она начала выходить со специальным приложением под названием "Немецкий конституционный листок" ("Deutsches Konstitutionelles Blatt"), в котором публиковались документы ННК, отчеты о его заседаниях, а также протоколы собраний немецких граждан Познани.

27 марта состав ННК был расширен за счет шести новых членов - трех ремесленников, двух торговцев и одного асессора. В результате этого преобразования в ННК заметно усилились позиции торгово-ремесленных кругов.

Вскоре ННК был реорганизован ещё раз. Число его членов увеличилось до 30. С этого дня особую роль в Комитете стал играть прусский чиновник Эберхард Колбе фон Шрееб. Он возглавил бюргерскую гвардию, которая теперь находилась под прямым контролем ННК. Он же был распорядителем (*Ordner*) на созывавшихся регулярно "немецких народных собраниях" (*Deutsche Volksversammlungen*). Фактически фон Шрееб стал лидером немецких бюргеров Познани.

В источниках нет сведений о том, каким образом произошла эта вторая реорганизация ННК, кем были его новые члены. Печатные органы ННК по непонятным причинам обошли это событие молчанием. Только Г. Вуттке сообщает о выступлениях фон Шрееба и о перевыборах комитета, но не ссылается на источник такой информации /33/.

Окончательное укомплектование состава ННК в последних числах марта в целом завершило процесс организационного оформления немецкого движения в княжестве. ННК стал его руководящим органом и претендовал на роль выразителя общих интересов немцев. Для установления связей с ними в Познань из многих городов княжества прибывали делегации немецких жителей. В некоторых городах возникали свои комитеты, признававшие руководящую роль ННК.

Социальной основой движения, которое возглавил ННК, были торгово-ремесленные слои немецкого населения. Но в руководящих органах ведущая роль принадлежала чиновничеству (в основном представителям среднего звена, например, асессорам, судебным и медицинским советникам, учителям, находящимся на государственной службе) /34/. Это движение возникло позже польского, а его организационное оформление шло медленнее /35/. Создается впечатление, что национально-освободительная борьба поляков явилась своего рода импульсом к политическому пробуждению немецкой буржуазии княжества. Безусловно, процесс её консолидации в рамках самостоятельной национальной организации был ускорен отказом ПНК образовать смешанный польско-немецкий комитет, который возглавил бы демократическое движение в Познанском княжестве. Как свидетельствовал чуть позже (в апреле 1848 г.) "Deutsches Konstitutionelles Blatt", после того как поляки отвергли "протянутую им

руку братства", немецкое население "вынуждено было брать свой национальный комитет" /36/.

Все же в первые дни своего существования ННК принял новую попытку вступить в контакт с поляками. 23 марта в послании к ПНК выражалась надежда на возможность объединения усилий обоих комитетов для поддержания "братских отношений между всеми жителями" /37/. В это же время, как сообщала "Zeitung des Grossherzogtums Posen", некоторые немецкие бюргеры Познани выразили желание, чтобы ННК проводил свои заседания "подобно польскому комитету в помещении ратуши". По их мнению, "работа обоих комитетов в одном здании вселила бы в граждан уверенность в существование между ними определенных связей" /38/.

Но обстановка в княжестве становилась все более напряженной, а следовательно, все менее подходящей для пропагандирования здесь идеи польско-немецкого демократического союза. Создание по инициативе ПНК вооруженных польских отрядов, деятельность "окружных комиссаров" по подготовке национального восстания вызвали недоверчивое отношение немцев к польскому освободительному движению в целом /39/. В провинции участились конфликты между польскими и немецкими жителями. Вскоре протоколы ННК заполнились многочисленными жалобами немецких бюргеров на "злоупотребления поляков" /40/. Интересно, что некоторые члены ННК пытались непосредственным личным участием предотвращать вспышки вражды в различных районах княжества. Так, усилиями Поппе и Кааца в Шверценце (польск. Шважедз), Э. Браффогеля - в повятах Шроды и Гнездо, было восстановлено "нарушенное согласие немецких и польских жителей" /41/.

Первым открытым проявлением антипольских настроений немецких бюргеров стала их реакция на королевский указ о национальной реорганизации от 24 марта 1848 г. Указ этот, объявивший волю короля начать реорганизацию "в самое ближайшее время", был ответом на петицию польской депутации. В этом решении прусского правительства познанские немцы усматривали прямую угрозу своим экономическим интересам. Из провинции в Берлин стали поступать петиции немецких жителей с просьбой пересмотреть решение о реорганизации и прежде всего изменить состав реорганизационной комиссии /42/. В соответствии с указом эта комиссия состояла из лиц, выбранных ПНК. Естественно, подавляющее большинство её членов были поляки (8 из 10). От немецкого населения в комиссию вошел оберпрезидент Берман (стал её председателем) и ещё один представитель немецкой буржуазии Познани на правах эксперта /43/.

Активнее всего против реорганизации выступили немцы Нотецкого округа. Они сразу же потребовали исключения своего округа из территории, подлежащей реорганизации, и присоединения его к Германскому союзу /44/.

Вообще, весной 1848 г. в северных и западных (пограничных с Силезией) районах княжества сложилось особое положение. Революционные события коснулись их в

самой незначительной степени. Это был единственный район, где старая "дореволюционная" прусская администрация полностью сохранила свою власть /45/. И опорой её была местная немецкая буржуазия. В апреле и мае политические выступления немецких бюргеров северных и западных городов княжества были нацелены на сохранение здесь прусского экономического и политического господства. Настроения симпатии к полякам, а тем более идея польско-немецкого союза никогда не были здесь популярными. Местная немецкая буржуазия, с самого начала заняв в польском вопросе антидемократические позиции, оказалась в стороне от революционного движения весны 1848 г. На этом примере обнаруживается важная закономерность буржуазных движений 1848 г. - непоследовательность в решении национального вопроса закрывает буржуазии путь к революционным выступлениям и с необходимостью приводит её к союзу с классовым противником - феодальным абсолютизмом.

В центральных районах княжества усиление антипольских настроений в среде немецких бюргеров не было пока столь явным. Однако протест немцев против планов национальной реорганизации свидетельствует об изменении их позиции в польском вопросе. Новый тон замечен и в воззвании ННК от 26 марта. Поляки обвинялись в нарушении немецких национальных интересов, в злоупотреблении властью, угрожающей собственности и жизни немцев. И хотя комитет все ещё призывал немцев "доверять полякам", а в петиции королю 27 марта указывал, что обострившиеся в провинции национальные противоречия должны быть разрешены мирно, путем "взаимных справедливых соглашений", подобные идеи уже не отвечали настроению массы немецких бюргеров /46/. Примечательно письмо одного жителя Познани, который писал 1 апреля: "Немецкий комитет не может претендовать на то, чтобы представлять истинные взгляды ядра немецкого населения... Он не признается ни бюргерами, ни городскими властями, ни польским комитетом" /47/.

Для ННК возникла реальная угроза потерять свое влияние. Вероятно, именно это и было главной причиной выборов его нового состава в конце марта, после чего в нем возобладали антипольские настроения. 30 марта комитет призвал познанских немцев создать "Гвардию защиты" (*Schutzgarde*) (в отличие от Бюргерской гвардии она состояла исключительно из немцев), а через два дня направил в Берлин депутацию во главе с Р. Хепке. В её задачи входило: объяснить правительству истинное положение в провинции; добиться командирования в Познань чрезвычайного комиссара для оценки происходящих событий; выразить протест против действий реорганизационной комиссии и просить короля об учреждении отдельной комиссии для немцев и евреев /48/.

Между тем освободительная борьба поляков в провинции все нарастала. Образованные в первые дни волнений местные комитеты стали её организационными пунктами, а отряды вооруженных поляков - главной силой. Во многих районах были смещены ландраты, разоружены отряды жан-

дармерии, кофисковывалась казна прусских административных учреждений, изображения гербового прусского орла демонстративно заменялись орлом польским /49/.

5 апреля в Познань прибыл королевский комиссар генерал фон Виллизен, который должен был, изучив положение на месте, выработать условия национальной реорганизации. Прусское правительство тем самым выполняло просьбу депутации ННК, отправившуюся в Берлин в конце марта.

6 апреля Виллизен обратился к населению с воззванием. Он подтверждал обещания короля предоставить полякам самоуправление, уравнивать в правах польский и немецкий языки, разрешить формирование национального польского войска (при этом он выразил готовность поддержать любую кандидатуру, выдвинутую поляками на пост главнокомандующего) /50/. Воззвание Виллизена не успокоило местное население. На следующий день комиссар писал министру внутренних дел Ауэрсвальду: "Всюду царит полная анархия, ...авторитет власти и армии больше не существует" /51/.

7 апреля начались переговоры с членами Польского национального комитета. 9 апреля было достигнуто компромиссное решение, а через день Виллизен и представители ПНК Стефаньский и Либельт подписали так называемую Ярославскую конвенцию. Эта конвенция устанавливала, в частности, условия национальной реорганизации: Познанское княжество получало автономное управление; высшие чины в администрации замещались исключительно поляками; разрешалось формирование польской дивизии; распускались все нерегулярные отряды, сохранялись только 4 повстанческих лагеря с численностью не более 2800 человек. Сроки выполнения были установлены только для этого последнего условия (до 15 апреля) /52/.

Эта компромиссная конвенция вызвала бурю протеста среди немецких бюргеров, поскольку позиция сторонников мирного разрешения национального конфликта уже в первые апрельские дни заметно ослабла. Вечером 11 апреля в Познани состоялась демонстрация протеста, в которой приняло участие более тысячи немцев. Демонстранты окружили дом Виллизена и требовали аннулировать Ярославскую конвенцию. Представители ННК отправились к Виллизену (он был в Ксенже /53/, где лично следил за выполнением условий соглашения) и советовали ему немедленно возвратиться в Берлин /54/.

12 апреля недовольство политикой Виллизена выразило "немецкое народное собрание" в Одеоне /55/. "Генерал Виллизен, - писал "Немецкий конституционный листок", - односторонне изучил положение в провинции. Своими действиями он вызвал ещё большую анархию... Немцы выступили против него самого и против его планов национальной реорганизации" /56/.

В эти дни в условиях обострения и классовой и национальной борьбы вырабатываются идейные основы движения познанской немецкой буржуазии. На страницах

"Zeitung des Grossherzogtums Posen" появляются статьи, в которых подчеркивается своеобразие этого движения. Различие целей, стоящих перед поляками и немцами, различие путей к их достижению теперь особенно выделяют идеологи ННК. "У поляков, - пишет Роберт Хепке в одной из своих статей, - движение к свободе одновременно является борьбой за возрождение их национальности. Именно поэтому их напор был таким сильным. Немцы же продвигаются к своей цели спокойнее - мирным путем хотя бы они расширить свои ограниченные политические права" /57/.

В эти же дни окончательно определяется отношение нового ННК к польскому освободительному движению. В статье "Deutsches Konstitutionelles Blatt" на фоне подробного анализа мартовских событий дается оценка этого движения в целом и деятельности ПНК в частности. "Польское население открыло два пути к своей цели - законный и незаконный. Первый - организация депутации к королю и попытка мирным путем добиться от правительства уступок в национальном вопросе. Незаконный путь - это деятельность образованного без разрешения властей ПНК. Он начал готовить переворот в провинции, создавая польские вооруженные отряды. Таким путем ПНК хотел достичь того же, о чем просила короля депутация Пшилуского... Действия ПНК ввергли провинцию в анархию" /58/. По мнению идеологов ННК, "незаконность" действий поляков состояла не в том, что они требовали от правительства уступок, а в том, что они пытались добиться их вооруженной борьбой.

Одновременно деятели ННК стремились охарактеризовать и немецкое национальное движение в провинции. "Немецкое движение, - читаем в одной из статей апрельского номера "Deutsches Konstitutionelles Blatt", - возникло после 24 марта как реакция на злоупотребления поляков, в условиях, когда правительство осталось пассивным. Поляки хотели отнять родину у немцев, лишив их возможности защищать свои национальные права... Мы выступили против превышения власти враждебной нации, права которой мы никогда не нарушали" /59/. Как видно из этой выдержки, ННК обвинял поляков в ущемлении немецких национальных интересов и представлял антипольские выступления немцев как действия самозащиты.

Оценка освободительного движения поляков и попытки более или менее четко определить свое к нему отношение - вот главное, что занимает идеологов ННК в марте и апреле 1848 г. Польский вопрос, бурно обсуждавшийся в то время во всех германских землях, для познанских немцев приобрел совершенно конкретный смысл. Каким станет Познанское княжество и какое место в его общественно-политической жизни будет отведено немецкому бюргерству в случае выполнения прусским правительством требований поляков? Естественно, что в период польского восстания все мысли руководителей ННК сосредоточены были вокруг этой проблемы /60/.

Однако неверно было бы так узко ограничивать по-

литические интересы познанских немцев. Трудно представить, чтобы они, при всяком случае подчеркивающие свою связь с Пруссией и другими немецкими землями, оставались бы равнодушными к той острой политической борьбе, которая развернулась в Германии в первые месяцы революции. Ведь приводившаяся речь Брахфогеля, если рассматривать её с этой точки зрения, как и некоторые высказывания Хепке, дают представление о политических симпатиях их авторов. Газета "Zeitung des Grossherzogtums Posen", начиная с последних чисел марта, регулярно помещает статьи, в которых обсуждаются "волнующие всех немцев" вопросы об объединении, о конституции и государственном устройстве, о выборах в Национальное собрание, о политических правах и свободах граждан /61/.

Были и попытки поднять на страницах газеты так называемый "социальный вопрос", что непосредственным образом связано с волнениями городской бедноты Познани и других городов княжества /62/. Но предлагаемые меры не шли дальше обычной благотворительности; большие надежды возлагались на правительство Кампгаузена и Ганзема-на, обещавшего предоставить новый кредит на развитие ремесла и торговли.

Этими общими рассуждениями на страницах "Zeitung des Grossherzogtums Posen", собственно говоря, и ограничивается "теоретическая деятельность" идеологов ННК, претендующего на роль руководящего центра немецкого движения княжества. Тщетными оказываются поиски в документах комитета каких-либо следов серьезной работы над формулированием программы конкретных социально-политических требований. На основе материалов газеты, а также некоторых косвенных указаний в брошюре Хепке можно составить представление о политических взглядах лишь части членов ННК, группировавшихся вокруг фон Шрееба, Кроузаца, Р. Хепке и Г. Хензеля.

В соответствии с заявлением редактора "Zeitung des Grossherzogtums Posen" Г. Хензеля газета под его руководством должна была стать "решительным органом разумного законного конституционализма и конституционной монархии", чуждым "всякой радикальной как республиканской, так и реакционной тенденции" /63/. В рассматриваемый период газета строго придерживалась этого направления. В её редакционных статьях постоянно проводилась мысль о преимуществах для Германии конституционно-монархической формы правления. "С уверенностью можно сказать, - писала газета 6 апреля, - что только очень незначительная и, конечно же, не лучшая часть народа стремится к республике. Все благоразумные (немцы - Т.С.) настаивают на монархической, ограниченной свободными учреждениями форме правления" /64/. То же повторялось и через несколько дней: "Каждый честный и благородный немец стремится к мирному развитию в действительно конституционном королевстве, все (за исключением немногих из черни) отвергают республику с её всё путающим, нарушающим весь порядок коммунистическим учением..." /65/.

Газета поддерживала требование о введении нового избирательного закона, который исключал бы деление выборщиков "на феодальные сословия средневековья" /66/, выступала за скорейший созыв Национального собрания для выработки конституции - "оплота порядка и свободы" /67/. Все эти требования выдержаны в духе умеренного либерально-буржуазного демократизма 40-х годов и не выходят за пределы обещанного кортлевским патентом 18 марта. И действительно, деятели познанского ННК, довольно внимательно следившие за событиями в прусской столице, за ходом политической борьбы между либералами и демократами, всегда солидаризировались с позицией первых. 7 апреля ННК основал в Познани Конституционный клуб (КК) по образцу берлинского /68/. В принятом статуте клуба объяснялась его цель - обсуждение "предоставляемых конституционным устройством прав и путей их осуществления", а также забота о "соблюдении интересов немецкого княжества". Членом клуба мог стать каждый "порядочный гражданин", заплативший вступительный взнос (1 талер) /69/. На первом заседании клуба (10 апреля) было составлено приветствие в адрес берлинского Конституционного клуба с выражением "сердечной признательности... за разработку основного принципа", т.е. принципа конституционализма, объединившего познанских бюргеров /70/.

В дальнейшем руководство познанского КК будет всегда подчеркивать свою идейную близость с прусскими либералами и умеренными демократами, определявшими политический облик Конституционного клуба в Берлине, безоговорочно поддержит все принятые им решения. (В "Deutsches Konstitutionelles Blatt" постоянно публиковались подробные отчеты о заседаниях берлинских "конституционалистов" /71/. Программа же собственного клуба так и не была сформулирована, возможно, это посчитали излишним при полном совпадении взглядов большинства его членов с позицией берлинского КК /72/.

Документы клуба, как и "курирующего" его ННК, свидетельствуют, что только в одном вопросе - национальном - немецкое бюргерство занимало все более четкую и монолитную позицию.

В начале апреля по мере нарастания польского освободительного Движения, с одной стороны, и увеличения численности прусской армии, с другой, националистические тенденции в настроении познанских немцев усиливаются. Именно в это время влияние немецкой буржуазии княжества на политику правительства Кампгаузена становится особенно заметным. Её требование сохранить в провинции статус-кво вынудило правительство отказаться даже от самых незначительных преобразований. Прямым ответом на многочисленные петиции немецких бюргеров Нотецкого округа стал королевский указ 14 апреля 1848 г., на основании которого по "Многочисленным просьбам немецких граждан" из реорганизации исключался Нотецкий округ как район с "преобладающим немецким населением" /73/. Так впервые был поставлен вопрос о

"демаркационной линии", которая должна была разделить княжество на две части - польскую и немецкую. С этого времени вся политическая активность ННК была нацелена на то, чтобы склонить правительство к перенесению демаркационной линии все дальше на восток, т.е. в ущерб полякам. Разрабатывались, например, планы включения центральной части княжества в состав прусской монархии. В петиции от немецких граждан Познани (под ней стояло более 3000 подписей) прямо указывалось, что немцы не могут отказаться даже от тех "земель, где польское население преобладает, т.к. на запад от Познани все должно быть и остается немецким" /74/.

30 апреля Виллизен, не добившись выполнения своих планов, уехал в Берлин. Неудача его миссии может быть объяснена тем, что действия его не вполне соответствовали обстановке, сложившейся во второй половине апреля в княжестве. В конце апреля и мае национальное движение познанских немцев было уже на таком этапе своего развития, когда любые попытки компромисса с поляками воспринимались как ущемление немецких интересов. Любопытна оценка этого этапа Р. Хепке. Он считал, что в апреле (точнее, после приезда Виллизена) произошло "резкое размежевание двух национальностей, в результате которого немецкий элемент оказался временно оттесненным". И только при новом королевском комиссаре - генерале Пфуле - немецкое население "добилось полного признания своей политической самостоятельности" /75/. Действительно, с отзывом Виллизена и прибытием Пфуля национальный конфликт вошел в новую фазу. Характеризовалась она ростом антагонизма между поляками и немцами, еще большей поляризацией познанского общества по национальному признаку. В декрете Пфуля от 5 мая было названо уже лишь 8 восточных повятов княжества, подлежащих реорганизации. Последующими указами демаркационная линия ещё дважды переносилась на восток /76/.

В это время все более настойчивыми становятся просьбы немецких бюргеров увеличить численность прусской армии в княжестве, формируются немецкие отряды обороны (*Schutzvereine*, *Schutzwache*). Немецкое население всюду (особенно активно в северных и западных районах) оказывало поддержку армии Коломба, который с конца апреля развернул военные действия против войска Л. Мерославского /77/. 9 мая польские повстанцы вынуждены были подписать капитуляцию /77/. Период революционных выступлений 1848 г. в княжестве закончился поражением польского освободительного движения и победой местной немецкой буржуазии. Её требования в польском вопросе были выполнены - в княжестве полностью сохранилась старая система прусского господства. 27 июля 1848 г. Франкфуртское национальное собрание утвердило демаркационную линию, установленную декретом 4 июня. После поражения буржуазно-демократической революции в Германии вся территория Познанского княжества на правах обычной провинции была включена в Германский союз /79/.

Подавление объективно прогрессивной освободительной борьбы познанских поляков, совершенное при активной поддержке местной буржуазии, усилило феодальную контрреволюцию в Пруссии, предопределив поражение буржуазно-демократического движения 1848 - 1849 гг. Именно в этом смысле Ф. Энгельс писал, что польская кампания была первым средством для того, чтобы реорганизовать и вновь придать мужества той самой прусской армии, которая потом свергла либеральную партию" /50/. Таким образом, немецкие бюргеры Познани, заняв враждебную позицию по отношению к полякам, практически свели на нет усилия в осуществлении собственных требований, которые, несмотря на умеренность, в тогдашних условиях носили довольно прогрессивный характер.

Политические выступления немецкой буржуазии Познанского княжества весной 1848 г. служат частным примером того, насколько сильной и одновременно противоречивой может быть взаимосвязь национальных и социальных аспектов буржуазно-демократического движения. В случае несовпадения классовых и национальных целей приоритет первых не всегда бывает абсолютным. Ситуация многократно усложняется, когда движение само по себе недостаточно сильно и его идеологи отказываются от выдвижения радикальных демократических требований. Умеренность, а тем более либерализм в общеполитических взглядах с неизбежностью ведет к недемократической и даже реакционной позиции в национальном вопросе.

Литература и примечания

1. См., напр., Kieniewicz S. Spoleczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 roku. - Warszawa, 1960; Henseke H. Die Politik der bürgerlichen preussischen Regierungen gegenüber dem polnischen Freiheitskampf im Grossherzogtum Posen im Jahre 1848 // Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam: Gesellsch. - Sprachw. Reihe. - Potsdam, Januar 1961. - Bd. 6, H. 1; Obermann K. Deutschland von 1815 bis 1848. - Berlin, 1965; Grześ B., Kozłowski J., Kramski A. Niemcy w Poznańskim wobec polityki germanizacyjnej. 1815 - 1920. - Poznań, 1976 (это, пожалуй, единственное в современной историографии исследование, специально посвященное вопросам политической деятельности познанских немцев).
2. Laubert M. Studien zur Geschichte der Provinz Posen in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. - Posen, 1908. - S. 214 ff.
3. Hepke R. Die polnische Erhebung und die Deutsche Gegenbewegung in Posen im Frühjahr 1848. - Berlin-Posen, 1848.
4. Kieniewicz S. Pulkownik Ludwik Sczaniecki o powstaniu poznańskim 1848 roku // Roczniki Historyczne. - 1936. - Z. 1. (Далее - Pulkownik Ludwik Sczaniecki o powstaniu...).
5. Zentralstaatsarchiv, Abt. Merseburg (далее - ZStA/M). Rep. 77, Tit. 500, N. 1; Tit. 503, N 22, Adh. 1, 5, 11.
6. Подробнее об этом см. Rutkowski J. Historia gospodarcza Polski. - Warszawa, 1953. - T. 1.
7. Grześ B., Kozłowski J., Kramski A. Op. cit. - S. 28.
8. Ibid. - S. 27.
9. Среди документов 2-го отдела прусского министерства внутренних дел сохранилось множество донесений чиновников администрации княжества об этих беспорядках (ZStA(M), Rep. 77, Tit. 500, N 1, v. 2).
10. Obermann K. Op. cit. - S. 282.
11. Подробнее о развитии польского патриотического движения в княжестве в марте-мае 1848 г., о деятельности ПНК см.: История Польши. - М., 1955. - Т. 2. - Гл. 12; Шустер У.А. Познанское восстание 1848 года // Вопросы истории. - 1948. - № 3; Kieniewicz S. Op. cit.; Rakowski K. Powstanie poznańskie w 1848 roku. - Lwów, 1900; Schmidt H. Die polnische Revolution des Jahres 1848 im Grossherzogtum Posen. - Weimar, 1912.
12. Hepke R. Op. cit. - S. 34.
13. ZGP. - 1848. - N 69, 21. 3 (Extrablatt).
14. ZGP. - 1848. - N 70, 23.3 (Extrablatt).
15. Grześ B., Kozłowski J., Kramski A. Op. cit. - S. 76.

16. ZGP. - 1848. - N 70, 23.3.
17. Grześ B., Kozłowski J., Kramski A. Op. cit. - S. 77.
18. ZGP. - 1848. - N 70, 23.3.
19. Ibid.
20. Ibid, Extrablatt.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 4. - С. 372.
22. Совместными усилиями историков ГДР и ПНР подготовлен и опубликован сборник материалов о полонофильском движении в Германии в начале 30-х годов XIX. См.: Dokumente zur Geschichte der deutsch-polnischen Freundschaft 1830 - 1832 / Hg. von H. Bleiber, J. Kosim. - Berlin, 1982.
23. Подробнее об этом: Seepel H-J. Das Polenbild der Deutschen. - Kiel, 1967; Weber R. Die Revolution in Sachsen. - Berlin, 1970; Hildebrandt G. Die Stellung der Äussersten Linken in der Frankfurter Nationalversammlung zur Polenfrage im Sommer 1848 // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. - 1973. - Bd. 17/1.
24. Henseke H. Die Polenfrage im Spiegel der zeitgenössischen bürgerlichen deutschen Presse und in den politischen Klubs während der Revolution 1848/49 // Wissenschaftliche Zeitschrift. ... (см. прим. I) Hildebrandt G. Op. cit.
25. ZGP. - 1848. - N 70, 23.3 (Extrablatt).
26. Pulkownik Ludwik Sczaniecki o powstaniu... - S. 124 - 125.
27. Wuttke H. Städtebuch des Landes Posen. - Leipzig, 1864. - S. 240, 241.
28. ZGP. - 1848. - N 76, 30.3.
29. Berliner Zeitungshalle. - 1848. - 25.3.
30. Rakowski K. Op. cit. - S. 96; Przypisy. - S. 15-16. Denkschrift ... (см. прим. 49, с. 4.).
31. Pulkownik Ludwik Schaniecki o powstaniu ... - S. 125.
32. ZGP. - 1848. - N 72, 25.3.
33. ZGP. - 1848. - N 77, 31.3; Wuttke H. Op. cit. - S. 243, 244.
34. Grześ B., Kozłowski J., Kramski A. Op. cit. - S. 82.
35. В этой связи неточным представляется вывод С.Н. Славина о том, что немцы с первых дней революции пытались всячески ограничить польское движение (см. Славин С.Н. Польское восстание 1848 г. в Poznani и общественное мнение Германии // Учен. зап. Лeningr. ин-та им А.И. Герцена. - 1958. - Т. 164, ч. 3. - С. 92). Они были просто неготовы к этому (как, впрочем, и к активной поддержке этого движения).
36. DKB. - 1848. - N 10, 27.4.
37. ZGP. - 1848. - N 72, 25.3.
38. ZGP. - 1848. - N 74, 28.3.
39. ZGP. - 1848. - N 75, 29.3; N 85, 10.4.
40. DKB. - 1848. - N 1, 14.4; N 2, 15.4; N 3, 16.4.
41. ZGP. - 1848. - N 74, 28.3.

42. ZStA/M/. - Rep. 77, Tit. 503. - N 22, Adh. 5.
43. Rakowski K. Op. cit. - S. 116; Meyer C. Die Deutschen der Provinz Posen gegenüber dem polnischen Aufstand im Jahre 1848. - München, 1904. - S. 9.
44. ZStA/M/. - Rep. 77, Tit. 503. - N 22, Adh. 11. - F. 1, 4, 5.
45. Kohte W. Deutsche Bewegung und preussische Politik im Posener Lande 1848-49. - Posen, 1931. - S. 25 - 27; Wuttke H. Op. cit. - S. 241 - 242.
46. Hepke R. Op. cit. - S. 39, 48.
47. Цит. по: Wuttke H. Op. cit. - S. 243.
48. ZGP. - 1848. - N 80, 4.4.
49. Denkschrift über die Ereignisse im Grossherzogthum Posen seit dem 20. März 1848: Aus den Akten des Königl. Preuss. Ministeriums des Innern. - Berlin, 1848. - S. 7.
50. Willisen W. Akten und Bemerkungen über meine Sendung nach dem Grossherzogthum Posen im Frühjahr 1848. - Berlin, 1849. - S. 18 - 22.
51. Ibid. - S. 26 - 27.
52. Rakowski K. Op. cit.: Przypisy. - S. 33 - 35; Denkschrift ... - S. 39 - 40 (текст конвенции).
53. Четыре повстанческих лагеря расположились под Ксенжем, Плешевым, Вкесней и Мещисками.
54. ZGP. - 1848. - N 88, 13.4; Denkschrift ... - S. 40 - 41; Meyer C. Op. cit. - S. - 22 - 23.
55. ZGP. - 1848. - N 89, 14.4; DKP. - 1848. - N 1, 14.4.
56. DKB. - 1848. - N 1, 14.4.
57. ZGP. - 1848. - N 97, 26.4.
58. DKB. - 1848. - N 10, 27.4.
59. Ibid. - 1848. - N 12, 29.4.
60. Вопрос о политической ориентации национального движения немецкой буржуазии Познани совершенно не исследован. Только Е. Козловский, говоря о предвыборной кампании в княжестве в мае 1848 г., указывает на существование двух направлений среди познанских немцев - консервативно-националистического и либерально националистического (Grześ B., Kozłowski J., Kramski A. Op. cit. - S. 111, 112).
61. ZGP. - 1848. - N 72, 25.3; - N 74, 28.3; - N 82, 6.4.; - N 86, 11.4; - N 92, 18.4.
62. ZGP. - 1848. - N 76, 30.3.; - N 78, 1.4.; - N 82, 6.4.; - N 84, 8.4.; - N 97, 26.4.; DKB. - 1848. - N 3, 17.4.; - N 16, 5.5.
63. ZGP. - 1848. - N 85, 10.4.
64. ZGP. - 1848. - N 82, 6.4.
65. ZGP. - 1848. - N 92, 18.4.
66. ZGP. - 1848. - N 74, 28.4.
67. Ibid., а также: - 1848. - N 38, 13.4.
68. DKB. - 1848. - N 1, 14.4.
69. ZGP. - 1848. - N 88, 13.4.
70. DKB. - 1848. - N 2, 15.4.
71. Впрочем, обмен информацией был двусторонний - через своих представителей познанский КК регулярно сообщал в Берлин о положении в княжестве и о сво-

ей деятельности. "Познанские дела" неоднократно обсуждались на заседаниях берлинского КК (в частности 3, 5 и 6 апреля), причем в дискуссии принимали участие представители от познанского ННК - Хепке и Дацур. Подробные отчеты о заседаниях клуба публиковались в уже упоминавшейся "Berliner Zeitungshalle". - 1848. - N 80, 4.4.; 1848. - N 81, 5.4.; 1848. - N 82, 6.4.

72. То, что было именно "большинство", а не весь клуб, можно заключить из отчетов о его заседаниях, проходивших нередко в острых спорах (DKB. - N 2, 5, 8). Однако сведения о мнениях оппонирующей стороны очень разрознены и позволяют лишь констатировать, что критика взглядов "большинства" велась с более левых позиций.
73. В ZStA сохранилось несколько томов этих петиций (ZStA (M). - Rep. 77. - Tit. 539, N 1). Текст указа цит. по: Hепke R. Op. cit. - S. 66.
74. Ibid. - S. 80; Meyer C. Op. cit. - S. 26.
75. Hепke R. Op. cit. - S. 3-4.
76. Ibid. - S. 85, 86; Memoire historique sur les événements du grand-duché de Posen (20 mars - 18 mai 1848). - Paris, 1848. - P. 42 - 44 (тексты декретов).
77. Grześ B., Kozłowski J., Kramski A. Op. cit. - S. 104, 106.
78. История Польши. - Т. 2. - С. 45.
79. Obermann K. Op. cit. - S. 330; Grześ B., Kozłowski J., Kramski A. Op. cit. - S. 151.
80. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 8. - С. 54.

ABOUT POLISH-GERMAN SOCIAL RELATIONS IN THE POZNAN PRINCIPALITY IN THE SPRING OF 1848

T.I. Studenikina

S u m m a r y

The article deals with the policy of the German bourgeoisie living in the Poznan principality during the Polish uprising in 1848. As the source of data we have made use of revolutionary journalism, the materials of the Central State Archives of the German DR in Merseburg and memoirs.

In 1840 Germans made up 31,1 per cent of the population of Poznan. It was mainly the bourgeoisie whose economic activities were supported by the Prussian state authorities with profitable governmental orders, credit, etc. Therefore the Prussian administration considered the German burghers as their most important supporters in their expansionist politic in the western regions of Poland.

At the beginning of the revolution the Polish national committee was founded in Poznan. The committee called upon the Germans to join the revolution. At a Poznan Germans' meeting on the 22nd of March an answer made up by Emil Drachvogel was adopted. In that document they backed the common struggle against absolutism.

The Germans' offer to take part in the struggle having been rejected by the Polish national committee, a German national committee was established. Part of the German bourgeoisie in Poznan was ideologically close to liberals and moderate democrats in other parts of Germany.

The Prussian authorities and the Polish national committee signed a convention according to which Poznan was to get autonomy. As the administration was to consist of Poles and a Polish division was also to be formed, it caused protest and dissatisfaction among the Germans. As the Polish national movement strengthened, nationalism was rising among Germans. The Germans in Poznan supported the Prussian army in their struggle against the Poles.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИСОВЕТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЯПОНИЕЙ И БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИЕЙ

(1918 - 1921)

О. Клаассен

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на одной шестой земного шара имели создающее эпоху значение в истории народов мира. "Победа Октября - главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества" — отмечалось в Постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 года /1/.

Обозначая начало всеобщего кризиса капитализма, начало крушения империалистической системы, триумф революционных идей марксизма-ленинизма, возникновение Советского государства вызвало резкую контрреакцию в империалистических кругах мира. Они тотчас же начали создавать единый фронт антисоветских сил, подстрекать и поддерживать деятельность белогвардейских группировок, организовывать интервенцию против Советской России, которую Владимир Ильич Ленин охарактеризовал как "наглое, преступное, грабительское, служащее обогащению только их капиталистов, нашествие на Россию" /2/. Одним из активных организаторов и участников интервенции был японский империализм. Уже в ноябре 1917 года он наметал посылку войск в Сибирь, "чтобы спасти Сибирь от Германии и коммунизма" /3/. Его целью было свержение Советской власти и восстановление в России власти помещиков и капиталистов, порабощение русских рабочих и крестьян, ограбление российских земель и подавление социалистической революции /4/. 5 апреля 1918 года японские вооруженные силы высадились во Владивостоке /5/.

В этот период Эстония была оккупирована германскими войсками. Социалистическое строительство в Эстонии было остановлено, Советская власть ликвидирована. Однако германский оккупационный режим оказался неустойчивым, так как Германия стояла на пороге военного поражения и революции. На этом фоне эстонская буржуазия пыталась найти возможности воспрепятствовать восстановлению Советской власти и установить свою диктатуру в Эстонии. Это привело ее к поискам контактов с государствами Антанты, в том числе и с правительством Японии.

Формирование и развитие этих контактов в годы существования эстонской буржуазной республики (1918 - 1940) историками до сих пор не изучалось. Подавляющее

большинство материалов скрыто в архивах и лишь отдельные факты находили отражение в печати /6/. Однако история отношений между империалистической Японией и полукOLONиальной, как ее охарактеризовал Владимир Ильич Ленин /7/, Эстонией, представляет один из характерных примеров взаимоотношений империалистических держав с капиталистическими малыми государствами на первом этапе всеобщего кризиса капитализма, тем самым предлагая новые нюансы в анализе экономики и политики капиталистических государств, что является одной из задач общественных наук /8/.

Опираясь в основном на имеющиеся в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства ЭССР материалы, настоящая работа делает попытку внести свой вклад в выполнение указанной задачи.

Налаживание контактов с правительством Японии было поручено эмиссарам эстонской буржуазии, членам т.н. заграничной делегации, которые в начале 1918 года отправились в столицы воюющих сторон, а также нейтральных государств искать поддержки своим властолюбивым амбициям.

Уже к 23 апреля 1918 года А. Пийп, К. Пуста и Е. Вирго в Лондоне составили меморандум для передачи представителям правительства Японии /9/. В этом документе было сформулировано понимание эстонскими буржуазными националистами развития событий и создавшегося положения и излагалась просьба к правительству Японии признать буржуазную Эстонию /10/.

Меморандум был вручен А. Пийпом советнику К. Хонде в посольстве Японии в Лондоне 28 мая 1918 года. К. Хонда живо интересовался, как относятся ходатайствующие о своей "самостоятельности" буржуазные круги Эстонии к Советской России, большевикам и японской интервенции на Дальнем Востоке. На состоявшейся несколько дней позднее новой встрече, будучи уверенным в антисоветской настроенности эстонской буржуазии, К. Хонда выразил мнение, что между Эстонией и Японией сложатся "доверительные отношения" и что правительство Тераути относится "благоклонно" к стремлению эстонской буржуазии отделиться от Советской России /11/.

Японскому правительству было известно, что правительства Англии, Франции и Италии уже декларировали свое признание буржуазной Эстонии де факто /12/. Несмотря на это, правительство Японии не торопилось следовать примеру. Официально это мотивировалось господствующим в Эстонии "неустойчивым положением" /13/. В действительности причины были, очевидно, шире. В сложных внутривосточных условиях, создавшихся в связи с углубившимся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции революционным процессом и обострившимися на фоне окончания первой мировой войны противоречиями в лагере империализма /14/, правящие круги Японии сочли за лучшее подождать развития событий.

Эта задержка встревожила эмиссаров эстонской буржуазии. В июне 1918 года Э. Вирго, будучи проездом из Рима, завел знакомство с японскими дипломатами. 18 июня он получил от К. Хонды рекомендательное письмо к японскому послу в Стокгольме /15/. Однако и в столице Швеции не удалось выудить у японцев ответа. Ф. Кулль, один из членов т.н. заграничной делегации, также посетивший японское посольство в Стокгольме, жаловался, что японцы словно прирожденные дипломаты. Они все вежливо выслушивают и выражают свою симпатию, но в конце разговора все же нет уверенности, серьезно они симпатизируют нашим стремлениям, или же только говорят любезности" /16/.

Дело заключалось, разумеется, не в особых способностях японцев, а в присущем империалистической дипломатии лицемерии, которое В.И. Ленин неоднократно разоблачал и критиковал /17/.

Однако эмиссары эстонской буржуазии все же не теряли надежды. В сентябре А. Пийп обратился с дополнительным меморандумом к правительству Японии /18/, а 11 ноября 1918 г. послал японскому послу в Лондоне виконту С. Шинде поздравительную телеграмму по случаю победы в первой мировой войне, упомянув при этом еще раз о ходатайстве об "обеспечении независимости Эстонской Демократической Республики". На представленный А. Пийпом 26 ноября 1918 года меморандум секретарь посольства Японии С. Яда ограничился лишь кратким извещением о его получении /19/.

29 ноября 1918 г. А. Пийп писал из Лондона министру иностранных дел временного буржуазного правительства Эстонии Я. Поска, что молчание Японии "порождает тревогу" /20/.

7 и 14 декабря 1918 г. А. Пийп послал виконту С. Шинде два письма, в которых сетовал на произвол германских оккупационных войск, представлял искаженную картину начавшейся в Эстонии гражданской войны и излагал просьбу "разрешить повторить ходатайство о посылке оружия и оказании по возможности морской и военной поддержки, а также предоставить Эстонии экономическую и финансовую помощь, в первую очередь посылку продовольствия" /21/.

В конце 1918 года, когда развязанная эстонской буржуазией при поддержке германских оккупационных властей гражданская война против Эстляндской Трудовой Коммуны была уже в полном разгаре, буржуазное временное правительство вновь обратилось к правительству Японии. 27 декабря 1918 года временный земский совет (Мэапяэв) буржуазной Эстонии направил японскому правительству телеграмму, в которой выражал надежду, что могущественное японское государство "поддержит усилия Эстонской буржуазии в укреплении буржуазной диктатуры" /22/. В тот же день А. Пийп и Я. Тыниссон представили правительству Японии новый меморандум, в котором просили военной помощи для борьбы против Советской власти "путем отправки Эстонской республике оружия, боеприпа-

сов и войск" /23/.

На что же надеялась эстонская буржуазия, обращаясь к Японии с подобной просьбой о помощи? Хотя японские империалисты в принципе ничего не имели против поддержки антисоветского режима в Эстонии, однако уже одно расстояние между двумя странами делало прямую экономическую и военную помощь практически почти невыполнимой. Кроме того, японское правительство вынуждало быть осторожным как по причине внутривосточного положения (отголоски "рисовых бунтов", рост экономических трудностей, оживление рабочего движения, антиинтервенционные настроения, неустойчивость позиций недавно пришедшей к власти партии Сэйюкай) /24/, так и из-за международной обстановки.

Лишь 6 марта 1919 года кабинет Т. Хара решил последовать примеру европейских держав и признать де-факто земский совет (маапяев) эстонской буржуазной республики независимым органом /25/. Как верно отметил проф. П. Вихалем, это было всего лишь "ничего не стоящее, ничтожное признание" /26/. Некоторые надежды это породило лишь среди проживающих в Маньчжурии эстонцев /27/. Члены т.н. заграничной делегации буржуазной Эстонии довольно прохладно отнеслись к сравнительно запоздавшему шагу правительства Японии. Начавший выходить в Париже в апреле 1919 года "Бюллетень Эстонии" в своем первом номере опубликовал краткое сообщение об этом признании /28/. А. Пийп использовал факт в своем выступлении 28 мая 1919 года на заседании т.н. "Комиссии Прибалтийских дел" в Париже /29/. О признании упомянули также эстонские газеты /30/.

Несколько месяцев спустя начали проявляться практические цели правительства Японии, которые оно преследовало предоставлением признания де-факто. Милитаристические круги Японии пытались использовать открывавшиеся возможности с целью осуществления военной разведки против Советской России.

2 июня 1919 года посол Японии в Стокгольме направил министру иностранных дел Я. Поска письмо, в котором информировал его о намерении послать в Эстонию капитана М. Комацубару /31/. Выданное представительством эстонской буржуазной республики в Швеции 3 июня 1919 года М. Комацубаре рекомендательное письмо характеризовало его как лицо, которое "по заданию своего правительства едет в Эстонию, чтобы на месте изучить наши условия, армию, ее организацию и стойкость" и информировать обо всем правительство Японии /32/. На этом рекомендательном письме, адресованном генерал-майору И. Лайдонеру, последний 16 июня 1919 года наложил резолюцию: "Генеральный штаб. Приказываю оказать содействие и дать все сведения. Лайдонер."

На основании приказа главнокомандующего армией буржуазной Эстонии выданное генеральным штабом 18 июня 1919 года М. Комацубаре удостоверение на эстонском и русском языках предписывало всем военным и гражданским учреждениям оказывать ему всяческое содействие /33/. Таким образом, М. Комацубара получил от эстонской буржуазной государственной власти узаконенную возможность

сбора в Эстонии секретных материалов, которые японское правительство затем использовало прежде всего в своей агрессивной политике против Советской России.

Другой представитель правительства Японии, М. Китада получил 21 июня 1919 года от генерального штаба разрешение беспрепятственно посылать зашифрованные телеграммы в Париж, Стокгольм и Японию /34/.

Оба начали свою практическую деятельность в Эстонии во второй половине июня 1919 года. 24 июня 1919 года японские представители посетили Нарву. Командующий I-ой эстонской белогвардейской дивизией генерал-майор А. Тыниссон устроил в их честь в городе военный парад. Японцев ознакомили с городом, с расположенными здесь воинскими частями, а также со штабом и положением на фронте /35/. Министерство же промышленности и торговли передало 11 августа 1919 года японским представителям обширные экономические данные об Эстонии: реестры торговых судов, списки экспортных и импортных товаров, материалы о состоянии и перспективах гаваней, перечень промышленных предприятий, сведения о лесах, запасах сланца и торфа и возможностях их использования и пр. /36/.

Третий эмиссар правительства Японии, полковник генерального штаба К. Фуруя старался в то же время наладить контакты с т.н. заграничной делегацией эстонской буржуазной республики, чтобы получить от последней информацию о дипломатической деятельности /37/.

Так началась направленная против Советского государства разведывательная деятельность Японии в Эстонии.

Прибытие М. Комацубары и М. Китады в Эстонию в середине июня 1919 года положило начало целой серии визитов. Во второй половине 1919 года и в 1920 году Эстонию посетил ряд японских дипломатов, военных и журналистов /38/. Из них длительное время (с перерывами примерно в полгода) прожил в Эстонии К. Фусэ - корреспондент газет "Ежедневник Осаки" ("Осака Майнити") и "Токийская ежедневная газета" ("Токио Нити-Нити"). Его целью было "всестороннее изучение большевистского движения" и ознакомление японской общественности с событиями в России и Прибалтике. Особый интерес проявлял он к работе Тартуской мирной конференции /39/.

Судя по опубликованным в эстонской буржуазной печати материалам /40/, К. Фусэ выражал взгляды тех кругов Японии, которые были за взаимовыгодные отношения с Советской Россией, понимали необходимость нормализации отношений, реалистичность ленинского принципа мирного сосуществования. К. Фусэ был решительно против японской интервенции на Дальнем Востоке и выражал мнение, что "русские сами должны улаживать свои дела". Он считал участие Японии в интервенции серьезной политической ошибкой и уже в 1918 году принимал активное участие в развивавшемся в Японии движении против вмешательства.

После подписания Тартуского мира между Советской Россией и эстонской буржуазной республикой 2 февраля

1920 года К. Фусэ отправился на первую родину мирового пролетариата, где он в начале июня 1920 года был принят В.И. Лениным. Беседа шла главным образом о перспективах советско-японских отношений, а также о быте и культуре японского народа /41/. В конце лета 1920 года К. Фусэ возвратился в Японию /42/.

Создавая представителям японского правительства и прессы широкие возможности действий в Эстонии, эстонское буржуазное правительство в то же время стремилось и со своей стороны проявить инициативу в развитии контактов с Японией. 19 сентября 1919 года было принято решение создать в Японии эстонское консульство, если планы создания такового в Сибири потерпят неудачу /43/.

Эстонское буржуазное правительство не имело возможности послать своего штатного консула в Японию: не было ни подходящего лица, ни необходимых денежных ресурсов. Решено было обратиться к правительству Финляндии, которое назначило своим представителем в Токио профессора Г.И. Рамстеда /44/. Последний был известным лингвист, специалист по восточным языкам, много путешествовал по Монголии и Китаю. Поскольку от правительства Финляндии был получен положительный ответ, то Г.И. Рамстеду уполномочили представлять в Японии интересы и эстонской буржуазной республики. Ведение дела было осуществлено поспешно и помимо обычных дипломатических каналов. Поэтому эстонский посол в Финляндии О. Каллас официально ничего не знал /45/, а посланная Г.И. Рамстеду доверенность затерялась /46/.

Несмотря на это, Г.И. Рамстед по прибытии в Токио /47/ приступил к выполнению некоторых консульских функций и в интересах эстонской буржуазной республики. Это стало возможным благодаря благосклонному отношению японского правительства. 4 марта 1920 года в одном из частных писем к О. Калласу он писал, что "в здешнем министерстве иностранных дел с заметным удволением было воспринято мое устное сообщение о том, что мне поручено замолвить доброе слово за Эстонию". Однако это благосклонное отношение было довольно сдержанным. Поначалу это, Г.И. Рамстед начал ходатайствовать о новой доверенности, ибо "отсутствие доверенности может затруднить выступление в защиту интересов Эстонии" /48/.

О получении новой доверенности не имеется никаких сведений; вероятно, она так и не была послана. В списке внешних представительств буржуазной республики, отражавшем состояние на май 1920 года, Япония еще фигурировала /49/, однако в соответствующем списке за 1921 год она уже не упоминается /50/. Видимо, эстонское буржуазное правительство уже в 1920 году официально переориентировалось на представительство во Владивостоке, куда 13 декабря 1919 года был назначен на должность представителя врач Х. Лохк /51/.

Причины этой переориентировки следует искать прежде всего в нажиме эстонских националистов на Дальнем Востоке на правительство буржуазной Эстонии. В Приамурье и Приморье, а также в Маньчжурии в эти годы со-

средоточилось несколько тысяч эстонцев /52/. В условиях гражданской войны и интервенции многие из них не сумели правильно ориентироваться в политических проблемах. Будучи разоренными белогвардейскими бандами как материально, так и духовно, они стали искать выход из создавшегося положения в репатриации в Эстонию. Их идеологическое руководство захватили в свои руки под эгидой различных "национальных комитетов" /53/ антисоветские авантюристические элементы, которые настоятельно требовали направить им в помощь официального представителя правительства /54/.

Имелись и другие причины. В Японии проживали лишь единичные эстонцы /55/, да и в качестве объекта туризма и проезда Япония не была для эстонцев сколько-нибудь перспективной /56/. Особых возможностей не представлялось и для торговых сношений. Итак, лидеры эстонской буржуазии решили на первых порах отказаться от создания в Токио официального консульского представительства.

Заключение Тартуского мира и признание Российской Социалистической Федеративной Республикой эстонской буржуазной республики, провал попыток белогвардейщины и интервентов свергнуть Советскую власть и создавшееся после окончания парижской мирной конференции сложное международное положение, - все это создало новый фон для существования буржуазной Эстонии. Не респектируя политику Советского правительства, которая была направлена на укрепление мира и развитие международного сотрудничества /57/, эстонское буржуазное правительство продолжало антисоветский курс и после подписания Тартуского мира и все упорнее ориентировалось на империалистические державы, чья военная помощь позволила ему победить в гражданской войне /58/.

Убедившись, что помешать победному шествию Советской власти в России невозможно, что ставка на белогвардейщину и интервенцию принесла поражение и что "самостоятельный" буржуазный режим в Эстонии отвечает в данных условиях интересам мировой империалистической системы, правительства Англии, Франции и Италии решили признать де-юре эстонское буржуазное правительство. 26 января 1921 года премьер-министр Франции А. Бриан направил К.Р. Пуста телеграмму следующего содержания:

"Господин Президент!

Межсоюзнический Верховный совет /59/, учитывая неоднократные ходатайства, представленные Вашим правительством, на своем сегодняшнем заседании решил признать де-юре Эстонию как государство. Союзные державы хотя бы этим отметить свою симпатию, которую они питают к эстонскому народу, и выразить уважение к тем усилиям, которые эстонский народ приложил, чтобы наладить жизнь нации в условиях мира и порядка. Бриан" /60/.

Этот документ, родившийся не без острых дебатов /61/, был сформулирован в присутствии буржуазной дипломатии демагогическом стиле и оформлен неотчетливо. Фактически под вывеской Межсоюзнического Верховного сове-

та выступали правительства только трех западных государств. Государственный департамент США отказался акцептировать этот документ /62/. При вынесении решения отсутствовало также согласие Японии, поскольку последняя принимала участие в работе Межсоюзнического Верховного совета нерегулярно и лишь на уровне послов /63/, предложение же Бриана о признании оказалось несколько неожиданным. Японский кабинет обсудил вопрос о признании де-юре эстонской буржуазной республики лишь 1 марта 1921 года, сделав следующее решение:

"Императорское правительство считает уместным подтвердить сообщение Верховного совета не только лишь потому, что оно всегда сотрудничало с Союзными державами в решении проблемы признания вышеупомянутых трех государств /64/, но и потому, что считает настоящее совместное мероприятие не противоречащим интересам Империи" /65/.

По полномочию правительства посол Японии в Париже К. Исии направил 8 марта 1921 года премьер-министру эстонской буржуазной республики письмо, в котором информировал того о решении императорского правительства /66/.

Таким образом, датой признания эстонской буржуазной республики де-юре правительством Японии следует считать 1 марта 1921 года, а не 26 января того же года, как это неправильно вошло в оборот во многих периодических изданиях, а также в работах буржуазных авторов /67/.

Решение правительства Японии от 1 марта 1921 года нельзя, по-видимому, рассматривать только с точки зрения внутриполитических проблем, как это пытался делать эстонский буржуазный юрист И. Каазик /68/. Видимо, смысл этого шага следует искать и в дальнейшем обострении противоречий между империалистическими державами в условиях послевоенного экономического кризиса и возрастающего революционного движения, а также в попытках японских правящих кругов создать благоприятные предпосылки для своего экономического и политического влияния в Прибалтийских государствах.

Хотя Эстония и находилась далеко от Японии, ее стратегическое расположение представляло достаточно возможностей, использованием которых Япония не хотела пренебрегать.

В конце 1920 и начале 1921 года М. Комацубара через находившееся в Таллине Советское посольство прощупывал почву в отношении перспектив переговоров между Японией и Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой /69/. В начале 1921 года Эстонию посетили дипломаты С. Уэда и Ф. Миякава. Их задачей было выяснить условия для создания японского постоянного дипломатического представительства в Финляндии и Прибалтийских государствах /70/. После их доклада японскому правительству последовал ряд назначений. Дипломатическим агентом Японии в Таллине был назначен С. Сасаки, военным агентом - майор Э. Обата /71/. В мае 1921 года в Эстонию побывал журналист

П.Я. Саваяма, который сказал, что целью его миссии являлось "национальное сближение" Эстонии и Японии путем ознакомления японской общественности с народом и бытом Эстонии /72/.

В 1922 году Эстонию посетили в общей сложности 25 японцев-дипломатов, представителей деловых кругов, военных, курьеров и т.д. Такая же активность наблюдалась и в 1923 году /73/.

Таковы отношения, сложившиеся в 1918 - 1921 гг. между империалистической Японией и буржуазной Эстонией.

Литература и примечания

1. О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. - М., 1977. - С. 3.
2. Ленин В.И. Ответ на вопросы американского журналиста, 20 июля 1919 г. // Полн. собр. соч. - Т. 39. - С. 114 - 115.
3. Buell R. The Washington Conference. - New York - London, 1922. - P. 25; Dennis Alfred L.P. The Foreign Policies of Soviet Russia. - New York, 1924. - P. 281.
4. Ленин В.И. Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой! // Полн. собр. соч. - Т. 37. - С. 38 - 39.
5. Заявление Советского правительства от 5 апреля 1918 г. // Документы внешней политики СССР. - М., 1957. - Т. 1. - С. 224 - 226; Телеграмма консула США во Владивостоке государственному секретарю от 5 апреля 1918 г. // The Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Washington, 1932. - Vol. II. - P. 100.
6. Mimose H. Japan's Relations with Estonia between the Wars: From the Archives of the Japanese Foreign Ministry // Uralica. - 1974. - N 2. - P. 29 - 35; Piip A. Tormine aasta. - Tartu, 1934. - Lk. 271 - 272, 367 - 369; дополнительно и некоторые данные в периодике.
7. Ленин В.И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК УП созыва, 2 февр. 1920 г. // Полн. собр. соч. - Т. 40. - С. 90 - 91; См. также: Империализм как высшая стадия капитализма // Там же. - Т. 27. - С. 282 - 283.
8. См. Проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981 - 1985 годы и на период до 1990 года. - Таллин, 1980. - С. 19.
9. ЦГАОР ЭССР, ф. 1583, оп. 1, ед.хр. 49, л. 14-17.

10. Аналогичные ходатайства были представлены и правительствам других ведущих государств Антанты - 23 апр. 1918 г. министру иностранных дел Англии А. Бальфуру; 12 мая 1918 г. министру иностранных дел Франции С. Пишону; 27 мая 1918 г. министру иностранных дел Италии Дж.С. Соннино.
11. Piip A. Tormine aasta. - Lk. 271 - 272.
12. См. тексты: ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 33, л. 4, 12, 14; Eesti riikline iseseisvus: Aktid eesti rahva enesemääramise õiguse ja Eesti riiklise iseseisvuse tunnistamisest Inglise, Prantsuse ja Itaalia valitsuste poolt. - Helsingi, 1918. - Lk. 4 - 6.
13. Mimose H. - P. 30.
14. См.: Международные отношения на Дальнем Востоке (1870 - 1945 гг.). - М., 1951. - С. 268 - 277.
15. ЦГАОР ЭССР, ф. 1583, оп. 1, ед.хр. 49, л. 2.
16. Kull F. Välisdelegatsiooniga Soomes ja Skandinaavias // Vaba Maa. - 1932. - 2. apr.
17. См. напр.: Ленин В.И. Черновой проект тезисов обращения к интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям // Полн. собр. соч. - Т. 30. - С. 275 - 276; О внутренней и внешней политике. Республики: Отчет ВЦИК и СНК, 23 декабря 1921 г. // Там же. - Т. 44. - С. 299.
18. ЦГАОР ЭССР, ф. 1583, оп. 1, ед.хр. 22, л. 2.
19. ЦГАОР ЭССР, ф. 1583, оп. 1, ед.хр. 49, л. 9, 3.
20. Piip A. Tormine aasta. - Lk. 367.
21. ЦГАОР ЭССР, ф. 1583, оп. 1, ед.хр. 49, л. 6-8.
22. Riigi Teataja. - 1919. - Nr. 1. - Lk. 4 - 5.
23. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 34, л. 72-74.
24. Подробнее: Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабура, Судзюки Сёси. История современной Японии. - М., 1955. - С. 97 - 98.
25. Mimose H. - P. 30.
26. Vihalem P. Eesti kodanlus imperialistide teenistuses (1917 - 1920). - Tallinn, 1960.-Lk. 277.
27. Mimose H. - P. 30.
28. Bulletin de l'Esthonie. - 1919. - N 1. - P. 16.
29. ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 10, ед.хр. 7, л. 102. По данным А. Пийпа признание было официально оглашено 15 марта 1919 года.
30. Tallinna Teataja. - 1919. - 21. III; Päevaleht. - 1919. - 21.III; Vaba Maa.-1919. - 21.III.
31. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 30, л. 11.
32. ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 10, ед.хр. 52, л. 96. М. Команцубара был впоследствии (1927 - 1929) атташе в посольстве Японии в Москве - Lensen G.A. Japanese diplomatic and consular officials in Russia. - Tokyo, 1968. - P. 29.
33. ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 10, ед.хр. 52, л. 98 - 99.
34. ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 10, ед.хр. 52, л. 100.
35. Päevaleht. - 1919. - 27.IV.
36. ЦГАОР ЭССР, ф. 73, оп. 1, ед.хр. 623, л. 65.
37. ЦГАОР ЭССР, ф. 1622, оп. 1, ед.хр. 161, л. 29.

38. ЦГАОР ЭССР, ф. 1, оп. 10, ед.хр. 12, л. 85 - 86, 143 - 144, 227 - 228, 285 - 286; ед.хр. 50, л. 70-71, 186-187, 299-305 и др.
39. Päevaleht. - 1919. - 11.VIII.
40. Jaapani poliitika Nõukogude/ Venemaa suhtes: Jutuaamine Jaapani ajakirjaniku Fusega // Vaba Maa. - 1920. - 12.I; W/erner/ L/iik/. Jaapani tõelisliikumisest // Vaba Maa - 1920. - 5.I.; см. также: Päevaleht. - 1919. - 22.X, 25.X; - 1920. - 12., 23., 24.I.
41. Ленин В.И. Беседа с японским корреспондентом К Фусэ, представителем газет "Осака Майнити" и "Токио Нити-Нити", 3 или 4 июля 1920 г. // Полн. собр. соч. - Т. 41. - С. 132 - 134; Ленин и Восток. - М., 1924. - С. 49 - 50.
42. Päevaleht. - 1920. - 27.VIII; К. Фусэ вторично посетил Эстонию в 1937 году: Päevaleht. - 1937. - 11.VIII.
43. Vabariigi valitsuse koosolekute protokollid 1919. a. - Tallinn, 1932. - Протокол № 66.
44. Paasivirta J. L'administration des affaires étrangères et la politique extérieure de la Finlande: Depuis le début de l'indépendance nationale en 1917 jusqu'à la guerre Russo-Finlandaise de 1939 - 1940. - Turku, 1966. - P. 146 - 147.
45. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 55, л. 13.
46. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 158, л. 3.
47. Деятельность Г.И. Рамстеда в Токио началась, очевидно, 10 янв. 1920 г. - Gothaisches Jahrbuch für Diplomatie, Verwaltung und Wirtschaft. 1930. - Gotha, 1930. - S. 503.
48. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 158, л. 3 - 4.
49. ЦГАОР ЭССР, ф. 73, оп. 1, ед.хр. 82, л. 33.
50. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 3, ед.хр. 11, л. 6-7.
51. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 8, ед.хр. 1812, л. 1-2.
52. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 877, л. 136.
53. Такие "национальные комитеты" возникли во Владивостоке, Харбине, Шанхае и в других местах.
54. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 156, л. 2; ф. 957, оп. 11, ед.хр. 26, л. 294.
55. По данным 1935 года в Японии проживало 5 эстонцев, эту же цифру отмечает и К. Аст, посетивший Японию в 1938 году - ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 3, ед.хр. 230, л. 256; Ast K. Eestlased Jaapanis // Uus Eesti. - 1938. - 27.VI. Фактическое количество, которое с годами определенно менялось, могло несколько различаться.
56. В качестве временных гостей Японию посещали преимущественно эстонские моряки, служившие на кораблях многих стран. В период с 1919 по 1923 год в Японии был неоднократно проездом писатель А. Саал// Литературный музей ЭССР. Отдел рукописей, ф. 113, ед.хр. 8:6, л. 24-25; ед.хр. 9:6, л. 11, 24 и др.; Postimees. - 1923. - 9.XI. Непродолжительное время пребывали в Японии Б. Линде в 1919 году, А. Пуллелитс в 1930 году, К. Аст в 1938 году и некоторые другие.

57. Основы внешней политики Советского государства были зафиксированы уже в составленном В.И. Лениным Декрете о мире // Декрет Советской власти. - М., 1957. - Т. 1. - С. 12 - 16.
58. Подробнее о внешнеполитическом курсе буржуазной Эстонии см.: Arumäe H. Kodanliku Eesti välispoliitika aastail 1920 - 1925: Ajalookandidaadi dissertatsioon. - Tallinn, 1960. - Käsikiri; Arumäe H. Kodanliku Eesti Nõukogude-vastasest välispoliitikast aastail 1920 - 1925. - Tallinn, 1960; Koop A. NSV Liidu ja kodanliku Eesti suhted aastail 1920 - 1928. - Tallinn, 1966.
59. Межсоюзнический Верховный совет был создан в октябре 1918 года для выработки условий перемирия; во время Парижской мирной конференции был фактически заменен т.н. Советом Десяти, в который входили главы государств или правительств, а также министры иностранных дел США, Англии, Франции и Италии, и два делегата Японии.
60. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 33, л. 25.
61. Sforza C. Diplomatic Europe since the Treaty of Versailles. - New Haven, 1928. - P. 75 - 76.
62. Päevaleht. - 1921. - 30.I.
63. House/ E.M., MaCallum/ R.B. Conference of Paris // Encyclopaedia Britannica. - Chicago-London-Toronto-Geneva-Sydney, 1963. - Vol. 17. - P. 300.
64. Одновременно с Эстонией были признаны де юре также буржуазная Латвия, днем позже Грузинская республика // Päevaleht. - 1921. - 28.I.; Lahet O. Läti riigi tekkimine ja tunnustamine. - Tartu, 1938. - Lk. 141.
65. Mimose H. - P. 31.
66. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 33, л. 31.
67. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 12, ед.хр. 46, л. 1; Eesti Vabariigi loomispäevilt 1917 - 1925. (Tallinn, 1925). - Lk. 76; Graham M. W. The Diplomatic Recognition of the Border States. Part II: Estonia. - Berkely, 1939. - P. 289 - 291; Temperley H.W.V. A History of the Peace Conference of Paris. - London, 1924. - Vol. VI. - P. 301.
68. Graham M.W. - P. 291, 369.
69. Документы внешней политики СССР. - М., 1959. - Т. 3. - С. 447, 681.
70. Päevaleht. - 1921. - 12.I, 20.II.
71. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 710, л. 6-7.
72. ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 11, ед.хр. 733, л. 13-14.
73. ЦГАОР ЭССР, ф. 1, оп. 10, ед.хр. 99, 101, 108, 110, 301, 311.

THE FORMATION OF ANTI-SOVIET COLLABORATION BETWEEN IMPERIALIST JAPAN AND BOURGEOIS ESTONIA (1918 - 1921)

O. Klaassen

S u m m a r y

The Estonian bourgeoisie began to seek contacts with imperialist Japan in 1918. Its delegates (A. Piip, E. Virgo) met with Japanese diplomats in Western Europe. Estonian bourgeoisie desired from Japan political, economic and military aid to combat Soviet regime. In June, 1919 representatives of Japan M. Komatsubara and M. Kitada arrived at Tallinn. They had been instructed to study the situation in Estonia and to obtain secret information about Soviet Russia. The Estonian bourgeois government rendered them all-round assistance, and that was the beginning of their anti-soviet co-operation. The consular agents of Estonia in the Far East, H. Lohk and G.Y. Ramstedt, were supposed to assist in strengthening this co-operation. The Japanese government did not still hasten to recognize the Estonian bourgeois republic. It was only in March, 1921 that Japan recognized the Estonian bourgeois republic *de iure*.

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ПОЛЬШИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ЛОКАРНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

К.Я. Почс

Локарнская конференция 1925 года и заключенные на ней соглашения представляли собой важную веху в истории международных отношений межвоенного периода. Она стала своеобразным водоразделом между окончанием первой мировой войны и началом подготовки ко второй.

Эта конференция явилась как бы политическим завершением тех изменений, которые начались в Западной Европе с принятием плана Дауэса. Цель локарнских соглашений заключалась, во-первых, в попытке изоляции СССР путем отрыва Германии от СССР и включением Германии в т.н. антисоветский "западный блок". Во-вторых, в ликвидации французской гегемонии в Европе путем усиления Германии и ослабления системы французских союзов (с Польшей, Чехословакией и Малой Антантой). Эту вторую цель ставили основные инициаторы Локарно - английские консерваторы и поддерживающие их американские правящие круги /1/.

Антисоветские замыслы локарнских соглашений в принципе шли гораздо дальше и предусматривали существенную перегруппировку сил в антисоветском лагере капиталистических государств. Параллельно, а фактически за спиной относительно пассивного "санитарного кордона" предусматривалось в перспективе создать новую ударную антисоветскую силу в лице возрожденной Германии.

Для достижения названных целей инициаторы Локарно согласны были идти на определенные изменения системы международных обязательств, чего требовала Германия. Поэтому уже первые известия о планах т.н. Рейнского гарантийного пакта приковали к себе пристальное внимание стран Восточной Европы, так как сразу вызвали много вопросов относительно роли и даже судьбы отдельных буржуазных государств этого района. Наблюдалось определенное замешательство в руководящих кругах внешней политики данных стран. Это чувствовалось и в малых прибалтийских странах. Так, газета Крестьянского союза Латвии "Брива земе" в начале апреля жаловалась, что из двух предполагаемых группировок (английской и французской) "ни в одной не видно стран Балтийского побережья" /2/.

Еще большее беспокойство и даже нервозность вызвали сведения о германских предложениях по вопросу гарантийного пакта в центральном звене "санитарного кордона" в Польше, а также в Чехословакии. Польшу особенно волновал отказ Англии включить в гарантийное соглашение вопрос о польской западной границе /3/. В связи

с этим вновь стал актуальным вопрос о внешнеполитической ориентации Польши, об отношениях с западными державами, с СССР, а также с Прибалтийскими государствами.

В советской историографии вопрос о внешнеполитической деятельности Польши в указанный период исследован недостаточно. Затронуты в основном отдельные вопросы отношений с западными державами /4/ и государствами Прибалтики /5/. Больше внимания этому вопросу уделено в зарубежной историографии, особенно польской /6/.

Задачей данной статьи является выявление тех основных факторов, которые влияли на определение главных направлений внешнеполитической ориентации Польши и способствовали, или тормозили реализацию избранного курса, а также дать краткий анализ внешнеполитических действий Польши в период подготовки локальных соглашений.

При выявлении факторов, влияющих на определение внешней политики Польши, следует принять во внимание те условия, в которых была восстановлена независимость Польши. Это победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, разгром Австро-Венгрии и Германии, подъем революционного движения в Польше. В острых столкновениях в Польше верх удалось взять буржуазно-помещичьим кругам. Классовая ненависть к революционному движению, захватнические замыслы правящих кругов Польши в отношении Советской России определили антисоветское направление внешней политики в 20-е годы. Антисоветские тенденции подогревались империалистическими державами, которые поддерживали Польшу как активную военную антисоветскую силу в 1919 - 1920 гг., а потом как "санитарный кордон" против Советской России и барьер между Германией и Советской страной. Трудности с освобождением польских западных земель усилили и антигерманские тенденции во внешней политике Польши. Однако, по мнению историка Польской народной республики И. Красуского, "вопрос Германии играл вплоть до 1925 г. минимальную роль в польской внешней политике" /7/. Обе эти тенденции отвечали интересам французского империализма и 19 февраля 1921 г. в Париже были подписаны франко-польский политический договор о заключении союза между Францией и Польшей /8/, а 21 февраля - секретная военная конвенция, направленная против Германии и Советской страны /9/.

Хотя этот союз не был равноправным для Польши, он стал краеугольным камнем внешней политики Польши, способствовал усилению великодержавных настроений, давал надежды на реализацию т.н. идеи "возрождения Востока", что сулило, как пишет историк ПНР З. Вроняк, новые приобретения /10/. Тем самым была закреплена профранцузская ориентация во внешней политике Польши. Следует заметить, что в французской буржуазной историографии имеется тенденция к преувеличению антигерманского направления польско-французского союза и за-

малчиванию его антисоветского характера /11/. Правда, и историки других капиталистических стран, а также историки ПНР утверждают, что Франция пыталась использовать польско-французский союз против Германии, а Польша - против Советской страны /12/. Однако, как свидетельствует исследование французского историка Ренаты Бурназель, правящие круги Франции сознательно пугали именно граничащие с Советской страной государства советско-германским сотрудничеством, утверждая, что оно угрожает их независимости. С этой целью Франция распространяла фальшивки, разные догадки как по дипломатическим каналам, так и через печать. Впоследствии, как отмечает Р. Бурназель, эта угроза была раздута буржуазной историографией /13/.

Конечно, такие мероприятия способствовали усилению недоверия к Германии, хотя в основном были направлены на разжигание антисоветизма и на побуждение этих государств к объединению в антисоветский союз.

Непосредственные польско-германские отношения имели свои довольно сложные противоречия, однако явное их обострение относится к лету 1924 г., т.е. с принятием плана Дауэса /14/. В Германии усилились реваншистские настроения, осложнились экономические отношения с Польшей. В результате этого к началу 1925 года основным в отношениях обоих государств вырисовывался уже конкретный конфликт из-за границы, начертанной версальским договором /15/.

Таким образом, к середине 20-х годов основными факторами, определяющими внешнеполитические приоритеты Польши, являлись антисоветизм и антигерманские тенденции. Определенное влияние имел конфликт с Литвой, который, несмотря на известную самостоятельность, как фактор, влияющий на внешнюю политику Польши, все же был связан с антисоветским и антигерманским направлениями во внешней политике Польши.

В середине 20-х годов правящим кругам Польши пришлось считаться и с другими факторами, которые сильно осложняли внешнеполитическую деятельность Польши и делали ее уязвимой. Это экономическая слабость Польши.

Углубление экономического кризиса Польши в конце 1923 - начале 1924 года вызвало обострение внутриполитического положения в стране. Это привело к падению в декабре 1923 года правительства Хьена-Пяста. Был сформирован т.н. надпартийный кабинет В. Грабского, который своей основной задачей поставил "оздоровление" финансов и стабилизацию валюты Польши путем получения иностранных займов. Однако союзница Польши Франция не была в состоянии оказать экономическую помощь Польше и другим своим союзникам в странах Малой Антанты. Этим она теряла свой авторитет и влияние в странах Восточной Европы /16/. Даже военная помощь разочаровывала военные круги Польши /17/.

В таких условиях основные надежды возлагались на английский и американский капитал. Для облегчения дела в конце 1924 года были подписаны соглашения о консоли-

дации польского долга США и Англии /18/. В Польше наблюдалось усиление проанглийских тенденций. Особенно активно в этом направлении выступали социалистическая партия Польши (ППС), пилсудчики и другие "левые" группы. С усилением влияния сторонников проанглийской ориентации, а также с падением правительства Пуанкаре во Франции, по мнению латвийского посланника в Польше, связаны и происшедшие летом 1924 года перемещения в правительстве, особенно в аппарате МИД /19/. Отставку получил министр иностранных дел М. Замойский, являвшийся сторонником профранцузской ориентации. На пост министра был назначен англофил А. Скиншинский, который, будучи представителем Польши в Лиге Наций, сумел установить близкие контакты с финансовыми кругами Англии и США /20/. Англия также оказывала давление на Польшу, в частности по вопросу возвращения Пилсудского в армию /21/, чтобы тем самым усилить проанглийские тенденции в Польше.

Однако первые попытки получения займа у Англии в первой половине 1924 года для Польши оказались неудачными. Английские условия займа были неприемлемы для Польши, поскольку англичане требовали фактически подчинения польских финансов английскому контролю, ослабления связей с Францией, постепенного сближения с Германией и т.д. /22/. Таким образом выдвигались фактически далеко идущие политические требования. Кроме того, высказывания лейбористов за ревизию Версальского мирного договора, признание ими СССР также не было приемлемо для большинства правящих кругов Польши. В свою очередь Франция не хотела уступить своих позиций в Польше. Она, наконец, предоставила Польше обещанный военный заем в размере 400 млн. франков, хотя и на трудных для Польши условиях /23/. Позиции Польши в вопросах отношений с СССР оказались ближе к французским, чем английским позициям. В результате в 1924 году решающего поворота в сторону Англии в Польше не произошло и правительство В. Грабского фактически лавировало между Францией и Англией.

Несмотря на определенное улучшение отношений с СССР во второй половине 1924 года, Польша в целом проводила антисоветскую политику. Этому способствовала антисоветская политика английских консерваторов, которые пришли к власти в конце 1924 года и старались строить свою внешнюю политику Англии на антисоветской основе /24/.

В начале 1925 года наблюдается определенное усиление антисоветских тенденций в Польше. В этой связи надо упомянуть известное интервью министра иностранных дел Польши А. Скиншинского, данное им польской газете "Речь Посполита" 2 января 1925 года, в котором он солидаризировался с антикоммунистической и антисоветской политикой О. Чемберлена /25/, нападение польских регулярных войск на советскую пограничную заставу около Ямполя 5 января 1925 года и целый ряд мелких инцидентов /26/. Польша принимала очень активное учас-

тие в попытках создания прибалтийского союза /27/.

В польской печати появились призывы к общим акциям с английскими империалистами против Советского Союза. Даже орган эндеков "Газета Варшавска" в статье "Общие заботы" как предлог для совместных с Великобританией антисоветских акций предлагал использовать образование национальных республик в Средней Азии. Газета утверждала, что существование национальных советских республик у границ английских владений в Азии, а также у границ Польши угрожает безопасности обоих государств /28/.

Снисходительно относясь к стремлению отдельных партий и группировок Польши достигнуть сближения с Англией, империалистические круги последней довольно откровенно выражали свое нежелание считаться с интересами Польши. Так, Англия отказалась поставить свою подпись под Женевским протоколом от 2 октября 1924 года, принятым Лигой Наций по инициативе Франции. Польские политики не могли не заметить угрозы для безопасности Польши, вытекавшей из политики Англии. Отказ Англии был оценен польской печатью как "удар в спину Франции" и оставление Польши "на произвол судьбы" /29/.

Отношения между Польшей и Германией к моменту выдвижения вопроса гарантийного пакта на Западе были также достаточно острыми. Это особенно проявилось в конце января 1925 года в германском рейхстаге, где в дебатах некоторые ораторы требовали репрессалий к Польше, называя ее "более страшным врагом, чем Франция" /30/. Остроту польско-немецким отношениям придавали также попытки Польши усилить свое влияние в Дании /31/.

Проект гарантийного пакта, который германское правительство 20 января 1925 года направило в Лондон и 9 февраля в Париж, усилил антипольскую кампанию в Германии, основное содержание которой заключалось в требовании возврата Германии "польского коридора".

Германская дипломатия развернула активную деятельность в столицах западно-европейских государств, выдвигая свои проекты решения вопроса о "польском коридоре" /32/. Свои проекты были и у английских дипломатов - т.н. "Мемельский вариант", предусматривающий компенсацию Польше за счет литовского порта Клайпеды /33/.

Такого рода проекты только подстегивали антипольскую волну германского реваншизма. Польский консул в Кенигсберге 12 февраля 1925 г. доносил в Варшаву, что в Восточной Пруссии никогда раньше столько не писалось о ревизии польских границ как сейчас. "Обсуждение вопроса о ревизии польских границ", пояснял консул, "стоит вероятно в теснейшей связи с проектируемым англо-французским гарантийным пактом, из клаузул которого должно быть исключено гарантирование неприкосновенности границ восточных государств". Подобное требование консул связывал с нежеланием Англии гарантировать границы восточно-европейских государств /34/.

Антипольская кампания в Германии вызвала также широкие отклики в польской печати. Но непосредственно во-

просу о гарантийном пакте польская печать начинает уделять внимание во второй половине февраля, хотя вначале это были в основном догадки или перепечатанные материалы с комментариями из английских и французских газет. Основное требование польской печати - не давать свободу действия Германии в Восточной Европе /35/. Появлялись также успокаивающие статьи. 25 февраля упомянутая "Газета Варшавска" опубликовала статью некоего француза Пинома, который утверждал, что гарантии французских границ означает гарантию польских границ, так как нападение на Польшу равнозначно нападению на Францию /36/.

Об атмосфере, царившей в конце февраля и начале марта в Польше, писал временно исполняющий обязанности руководителя латвийской миссии в Польше Раценс. Он отмечал, что газеты кричали о новом разделе Польши, что в газетах появлялись статьи с названием "Отечество в опасности", "Польша перед большими событиями" и т.д. Основные упреки по наблюдениям Раценса, были адресованы не столько Германии, сколько Англии. Даже орган проанглийской ППС "Работник" "остро задел Англию" /37/. Военная комиссия сейма потребовала от правительства немедленно представить законопроект о всеобщей подготовке на случай войны /38/. 6 марта сейм потребовал, чтобы министерство иностранных дел дало достойный отпор германским попыткам изменить западную границу польского государства. 15 марта в Варшаве состоялась демонстрация против попыток ревизии государственной границы /39/. Министр иностранных дел А. Скиншинский срочно выехал в Париж, чтобы выяснить ситуацию.

Беспокойство Польши по вопросу западных границ было обоснованным, так как именно в начале марта министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен начал активную деятельность в пользу предложения г. Штрелемана /40/.

Об активности А. Скиншинского по вопросу о гарантии западных границ Польши телеграфировал также полномочный представитель СССР в Польше П.Л. Войков уже 13 февраля 1925 г. /41/.

В условиях, когда польская печать выражала недовольство политикой Англии, вновь усилилось влияние Франции, что не соответствовало планам английских консерваторов. Для успокоения Польши О. Чемберлен использовал приезд А. Скиншинского в Париж и Женеву. Как явствует из сообщения латвийского посланника в Париже М. Валтера от 22 марта 1925 года, О. Чемберлен заверял А. Скиншинского, что "Англию интересуют все находящиеся под угрозой границы" /42/. Ссылаясь на министра иностранных дел Эстонии К. Пусту, который имел личную беседу с А. Скиншинским, М. Валтер писал, что, по мнению К. Пусты, Польша получила весьма ясные обещания и что "в Варшаве господствует мнение о дружественной политике Англии по отношению к Польше". Сам А. Скиншинский, по словам К. Пусты, выразился так, якобы положение Польши улучшилось /43/. Для того, чтобы осла-

бить внимание к вопросу об изменении восточных границ Германии, О. Чемберлен в письме к д'Абернону от 18 марта 1925 г. указывал, что "если германское общество и пресса могут быть удержаны от того, чтобы слишком много не говорить о восточных границах, то тем быстрее удастся достичь решения" /44/. Через две недели О. Чемберлен вновь в письме к д'Абернону отметил: "Однако я считаю, что чем меньше в данный момент говорится о востоке, тем будет лучше" /45/.

Заверения О. Чемберлена немного успокоили правительственные круги Польши /46/. Однако Франция, вначале требовавшая гарантии границ своих союзников — Польши и Чехословакии, под нажимом Англии и США стала уступать свои позиции. В таких условиях Польша пыталась укрепить свое международное положение. Уже в феврале был подписан торговый договор с США, конкордат с Ватиканом, по которому последний признал существующие тогда границы Польши. Было достигнуто улучшение отношений с Чехословакией, путем заключения 23 апреля польско-чехословацкого договора, который оценивался в дипломатических кругах Праги как первый шаг к политическому соглашению /47/.

Франция старалась всячески способствовать сотрудничеству не только Польши с Чехословакией, но и с Малой Антантой в целом /48/.

Польская дипломатия, при поддержке Франции, старалась расширить свои отношения со странами Прибалтики, причем делала это весьма демонстративно, не скрывая даже сотрудничества с этими государствами по линии генеральных штабов /49/. Одновременно польская дипломатия старалась противодействовать попыткам сближения трех прибалтийских государств, чтобы изолировать Литву и заставить ее пойти на прямые контакты с Польшей /50/. Однако эти попытки не принесли успеха Польше. Летом 1925 года все больше стало проявляться несоответствие идеи польско-прибалтийского союза новым условиям. Учитывая обострение отношений между Польшей и Германией, прибалтийские государства, особенно Латвия, считали союз с Польшей опасным /51/ и пытались улучшить отношения с Германией /52/.

В то же время по вине Польши не улучшились польско-советские отношения. Не была использована Польшей возможность улучшения отношений с СССР и во время визита Г.В. Чичерина в Варшаву в конце сентября 1925 года, когда Польше была предложена возможность сближения обоих государств и развития экономических отношений между ними /53/. Польша продолжала оставаться на антисоветских позициях.

Именно на антисоветизме польских правящих кругов пыталась играть английская дипломатия, убеждая Польшу согласиться с заключением Рейнского гарантийного пакта и со вступлением Германии в Лигу Наций, причем эти мероприятия изображались как единственный способ гарантировать безопасность Польши и мир в Европе. Так, из секретного донесения польского посла в Лондоне от

8 июля 1925 г. видно, что О. Чемберлен в разговоре с польским послом использовал именно антисоветскую аргументацию. Он утверждал, что Германия якобы сотруждает с Советской Россией для того, чтобы получить утраченные во время войны территории. "Всю нынешнюю игру вокруг Западного Пакта", - писал польский посол, - "можно было бы согласно Чемберлену охарактеризовать как вопрос о том - укрепит Германия оборону Европы перед Востоком или объединится с Востоком для уничтожения Европы. По мнению Чемберлена, Польша должна быть заинтересована в том, чтобы осуществилось соглашение на Западе в широком смысле с включением в него Польши и Германии" /54/. О. Чемберлен высказался против разрыва дипломатических отношений с Советской Россией в данный момент, но не исключал такой возможности в будущем /55/.

В другом разговоре с польским послом 20 июля 1925 г. О. Чемберлен коснулся вопроса о вступлении Германии в Лигу Наций и дал понять, что таким путем можно добиться, "чтобы разделились дороги, по которым будут идти Германия и Советы" /56/. Таким образом, заключение рейнского гарантийного пакта и вступление Германии в Лигу Наций преподносилось Англией как способ изоляции и ослабления Советского Союза.

В это время имели место также попытки примирить Польшу с Германией, как это требовала английская схема расстановки антисоветских сил /57/. Польский представитель при Лиге Наций писал о такого рода попытках в своем донесении от 18 июля 1925 г. Он ссылаясь на разговор с редактором и издателем "Экономиста", в котором последний пытался убедить, что "сближение Польши и Германии является обязательным явлением в интересах безопасности Европы против большевистской России" /58/.

После такой обработки правящие круги Польши начали поддаваться английскому влиянию, тем более, что оно подкреплялось также экономическим давлением со стороны Англии и особенно США /59/. При этом их привлекало резкое ухудшение отношений между Англией и СССР. Эти тенденции особенно ярко проявились в оценке общего положения в мире и в определении задач польской дипломатии, данном МИД Польши 27 июля 1927 г. В указанном документе отмечалось, что в международных отношениях господствуют 2 тенденции: 1) стремление к миру, усталость от войны, кризисов и т.д., 2) тенденция неустойчивости, выражавшейся, с одной стороны, в стремлении Германии к пересмотру результатов проигранной войны..., с другой - в политике Советской России, стремящейся к полному общественному перевороту /60/. Таким образом, самым опасным источником неустойчивости как английские консерваторы, так и польские правящие круги считали Советский Союз. Самыми характерными чертами во внешней политике Англии руководителями польской дипломатией усматривались "понимание необходимости мира в Европе" и антисоветские тенденции /61/.

С учетом идей творцов гарантийного пакта в указанном выше документе ими был дан анализ внешней политики Германии и Франции /62/. Еще больше идеи такого рода проявлялись в нем при определении внешнеполитических задач польской дипломатии. Правда, в начале документа МИДом Польши ставились в общем-то нереальные задачи, как: 1) международное разрешение вопроса безопасности на условиях: а) сохранения и ненарушения договоров по территориальным вопросам, чтобы даже поднятие такого вопроса грозило военным конфликтом; б) гарантий безопасности как на Западе, так и на Востоке Германии..., 2) усиление франко-польского союза с условием, что он будет приспособлен к создавшейся в мире ситуации /63/.

Следующие, включенные в инструкции задачи уже полностью соответствовали новым "локарнским" приемам антисоветской борьбы. Было предусмотрено 3) противодействовать русско-немецкому сближению путем а) углубления и использования всяких разногласий по отдельным вопросам между Германией и Россией; б) способствования четкого определения Германией своей позиции в международной дискуссии по вопросу безопасности и в окончательном выборе между проектируемым пактом и Рапальским договором; 4) поддерживать и использовать антисоветские тенденции в политической ориентации Англии..., чтобы: а) развеять при помощи вышеназванных аргументов иллюзии в Англии, что Германия может стать важным антисоветским фактором; б) укреплять в Англии убеждение о важном политическом и экономическом значении Польши при установлении отношений западных держав с Россией" /64/.

Как видно из приведенного документа, Польша в какой-то мере оспаривала роль Германии как основного фактора в антисоветской борьбе и предусматривала предложить свои услуги Западу.

В оставшемся перед Локарнской конференцией месяце Польша во-прежнему подвергалась нажиму, чтобы она полностью согласилась с проектом гарантийного пакта /65/. Поэтому в директивах послам, составленных Политическим комитетом Совета Министров Польши 31 августа 1925 г., основным требованием к гарантийному пакту стало обеспечение свободной французской помощи Польше /66/. Таким образом, Польша уже уступила в вопросе о гарантировании восточных границ Германии.

Локарнские соглашения, которые в целом ослабили внешнеполитические позиции Польши, поскольку оставили для Германии свободу действий на Востоке, все же были одобрены польскими правящими кругами. Это было определено неизменным антисоветизмом польской буржуазии и помещиков, а также экономической слабостью Польши. Не зря министр иностранных дел Польши А. Скиньский в водной телеграмме из Локарно специально подчеркнул, что эти соглашения "открывают возможности кредита" /67/.

Что касается внешнеполитической ориентации Польши, то она официально не изменилась, хотя и сильно ослабло доверие к Франции. Проанглийские тенденции в

определенных кругах сохранились, но победу их осложняла явно прогерманская позиция Англии и ее нежелание считаться с интересами Польши. В результате локарнские соглашения придали новую остроту внутриполитической борьбе в Польше, которая привела к перевороту Ю. Пилсудского в мае 1925 года.

Литература и примечания

1. Карой Л. Великобритания и Локарно. - М., 1961. - С. 34.
2. Brīva Zeme. - 1925. - 11. aprīlī.
3. Документы внешней политики СССР (в дальнейшем ДВП). - М., 1963. - Т. 8. - С. 149.
4. Загорский Б.И. Польско-французские отношения 1919 - 1925 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Минск, 1971. - 23 с.; Климовский Д.С. Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений: Из истории зарождения второй мировой войны. - Минск, 1975. - 188 с.; Погребинская И.М. Польско-английские отношения (1925 - 1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Минск, 1984. - 25 с.
5. Арумян Х.Т. За кулисами "Балтийского союза" (Из истории внешней политики Эстонии в 1920 - 1925 гг.). - Таллин, 1966. - 181 с.; Варславян А.Я. Английский империализм и буржуазная Латвия: Политико-дипломатические взаимоотношения (1924 - 1929 гг.). - Рига, 1975. - 287 с.; Žepkaitė R. Diplomatiija imperializmo tarnyboje: Lietuvos ir Lenkijos santykiai 1919 - 1929 m. - Vilnius, 1980. - 315 p.; Žiugžda R. Lietuva imperialistinių valstybių planuose 1917 - 1940. - Vilnius, 1983. - 180 p.; Почс К.Я. "Санитарный кордон": Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921 - 1929 гг.). - Рига, 1985. - 176 с.
6. Jabłoński H.Z. Tajnej dyplomacji Władysława Grabskiego w 1924 r. // Kwartalnik historyczny. - Warszawa, 1956. - N 4-5. - S. 440 - 455; Landau Z. Polskie zagraniczne pożyczki państwowe 1918 - 1926. - Warszawa, 1961. - 299 s.; Balcerak W. Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna. - Wrocław, Warszawa, Kraków, 1967. - 244 s.; Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy 1921 - 1939. - Warszawa, 1971. - 422. s.; Cieślak T. Poland in Britains inter-war policy // Polish Western affairs. - Poznań, 1979. - Vol. 20, N 1. - S. 26 - 43, etc.
7. Цит. по: Климовский Д.С. Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений: Из истории зарождения второй мировой войны. - Минск, 1975. - С. 17.

8. Историко-дипломатический архив МИД СССР (в дальнейшем ИДА) (- Ф. 2-з, оп. 5, д. 1, л. 3); Международная политика новейшего времени в договорах, нотах, декларациях. - М., 1929. - Ч. 3, вып. 2. - С. 78, 79.
9. Mazurowa K. Przymierze polsko-francuskie z roku 1921 // Najnowsze dzieje Polski: Materiały i studia z okresu 1919 - 1939. - Warszawa, 1967. - Т.9. - С. 212 - 217.
10. Wroniak Z. Polska-Francja. 1926 - 1932. - Poznań, 1971. - С. 17.
11. Goguel F. La politique des partis sous la III-e République. - Paris, 1948. - P. 183; Bonnet G. Le Qui d'Orsay sous trois républiques, 1870 - 1961. - Paris, 1961. - P. 31 - 32; Duroselle J.-B., Renouvin P. Introduction à l'histoire des relations internationales. - Paris, 1964. - P. 159.
12. Pound N.I.G. Poland between East and West. - Princeton, etc., 1964. - P. 194 - 195; Wroniak Z. Polska-Francja. - P. 4.
13. Bournazel R. Rapallo: naissance d'un mythe: La politique de la peur dans la France du bloc national. - Paris, 1974. - P. 117, 126 - 127, 133.
14. Климовский Д.С. Указ. соч. - С. 16.
15. Там же. - С. 17.
16. Донесение консула Латвии в Праге от 5 января 1925 г. - Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (в дальнейшем ЦГИА Латв. ССР). - Ф. 2574, оп. 2, д. 2296, л. 2.
17. Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921 - 1924 гг. - М., 1974. - С. 245; Bułhak H., Stawiecki P. Rozmowy sztabowe polsko-francuskie w Paryżu (maj 1924) // Przegląd historyczny. - Warszawa, 1975. - Т. 66, З. 1. - С. 65 - 66.
18. История Польши: В 3 т. - М., 1958. - Т. 3. - С. 242.
19. ЦГИА Латв. ССР. - Ф. 2574, оп. 3, д. 307, л. 35.
20. Ольшанский П.Н. Указ. соч. - С. 246 - 247.
21. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. - М., 1966. - Т. 4. - С. 344.
22. Grabski W. Dwa lata pracy u podstaw państwowości naszej (1924 - 1925). - Warszawa, 1927. - С. 25; Jabłonski H. Z tajnej dyplomacji Władysława Grabskiego w 1924 r. // Kwartalnik Historyczny. - Warszawa, 1956. - № 45. - С. 448.
23. Почс К.Я. Указ. соч. - С. 71 - 72.
24. Никонова С.В. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов 1924 - 1927 гг. - М., 1963. - С. 29.
25. ДВП. - Т. 8. - С. 762.
26. Там же. - С. 28.
27. См. Арумян Х. Указ. соч. - С. 237 - 245.
28. Gazeta Warszawska. - 1925. - 13.1.
29. Ольшанский П.Н. Указ. соч. - С. 253.
30. Климовский Д.С. Указ. соч. - С. 16.
31. ЦГИА Латв. ССР. - Ф. 2574, оп. 3, д. 398, л. 106.

32. Климовский Д.С. Указ. соч. - С. 18 - 19.
33. D'Abernon E.V. An ambassador of peace. - London, 1930. - Vol. III. - P. 149 - 150.
34. ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 1 (нач.), л. 196.
35. Gazeta Warszawska. - 1925. - 25.II.
36. Ibid.
37. ЦГИА Латв. ССР. - Ф. 2574, оп. 3, д. 398, л. 109, 110.
38. Там же. - Л. 72.
39. Там же. - Л. 110.
40. Карой Л. Великобритания и Локарно. - С. 53 - 54.
41. ДВП. - Т. 8. - С. 149.
42. ЦГИА Латв. ССР. - Ф. 2574, оп. 3, д. 360, л. 19.
43. Там же. - Л. 21.
44. Карой Л. Великобритания и Локарно. - С. 58.
45. Там же.
46. ЦГИА Латв. ССР. - Ф. 2574, оп. 3, д. 398, л. 11.
47. Там же. - Ф. 2574, оп. 4, д. 1426, л. 32.
48. Там же. - Ф. 2574, оп. 4, д. 1425, л. 29, 68.
49. Там же. - Ф. 2574, оп. 3, д. 359, л. 96.
50. Там же. - Ф. 2574, оп. 3, д. 398, л. 212, 214.
51. Rodgers I.H. Search for security: A study on Baltic Diplomacy (1920 - 1934). - Hamden (Connecticut), 1975. - P. 35, 45 - 46.
52. Варславян А.Я. Указ. соч. - С. 85 - 86.
53. История Польши. - Т. 3. - С. 250 - 251.
54. ИДА. - Ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 163.
55. Там же. - Л. 64.
56. Там же. - Ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 131.
57. D'Abernon E.V. On Ambassador of Peace. - Т. III. - P. 198.
58. ИВД. - Ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 104.
59. История Польши. - Т. III. С. 246.
60. ИДА. - Ф. 15, оп. 1, д. 2, л. 25.
61. Там же. - Л. 138.
62. Там же. - Л. 138, 140.
63. Там же. - Л. 141 - 142.
64. Там же. - Л. 142.
65. Там же. - Л. 102.
66. Там же. - Л. 61.
67. Там же. - Ф. 4, оп. 1, д. 2, л. 18.

ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ ЭСТОНИИ В 1933 - 1935 ГОДАХ

А. Рейнус

Агрессивные тенденции во внешней политике Германии стали проявляться еще до прихода Гитлера к власти. Можно выделить две причины агрессивности. Во-первых, с возникновением общего кризиса капитализма германский империализм стал выступать в роли ударного кулака мировой реакции в борьбе против революционного и демократического движения и прежде всего против Советского Союза. Последнее обстоятельство обеспечило Германии тайную и открытую экономическую помощь западных держав и США, а также их дипломатическую поддержку. Во-вторых, германский империализм потерпел тяжелое поражение в мировой войне 1914 - 1918 гг. и утратил ряд важных экономических и стратегических территорий.

Цель настоящей статьи - осветить захватнические планы Германии в отношении Эстонии и попытки их реализации в 1933 - 1935 гг. В статье сделана попытка обобщить предшествующие работы и использовать некоторые новые материалы: сборник документов о захватнических планах германского империализма в Европе /1/, протоколы заседаний Государственного собрания Эстонии /2/ и договоры Эстонии с другими государствами /3/.

Отношение торговых и промышленных кругов Эстонии к исследуемым вопросам характеризуется на основе материалов газеты "Пяэвалехт".

Публицистические работы Гримма /4/, Галлера /5/, Танненберга /6/, Вирсинга /7/, Вриса /8/, Менсенкампа /9/ не дали нового фактологического материала и использованы в качестве подтверждения некоторых из выдвинутых положений. Статистические материалы о внешней торговле Эстонии /10/ дали хорошую основу для оценки экономических отношений Эстонии и Германии, а также конкуренции здесь Германии и Англии в области торговли. На основе этих данных составлены и таблицы.

Особенно откровенно планы аннексии Прибалтики составлялись со времен русско-японской войны и после волнений 1905 года, когда немецкие бароны почувствовали покачнувшуюся под ногами почву. Начиная с этого времени в Германии стали издаваться некоторые журналы /11/, в которых внимание читателей привлекалось к проблемам Прибалтики. Много немецких историков и публицистов, напр. П. Рорбах, Ф. фон Бернхард, Г. Гласс, Д. Шефер занялись оправданием "права" Германии на Прибалтику. Особенно агрессивной и типичной для своего времени можно считать книгу Отто Танненберга. Автор считает онемечива-

ние эстонцев и латышей осуществимым без особых затруднений и предлагает детально разработанный план его проведения. Представитель военных кругов Германии генерал А. фон Людендорф приветствовал план в надежде основать в Прибалтике колонии солдат и репатриированных из России немцев /12/. Подобная же мысль была высказана в 1914 году в кругу немецких промышленников /13/. Столь же агрессивным был и пресловутый "Меморандум германских профессоров" от 8 июля 1915 года, в котором провозглашалась необходимость создания на Востоке "германизированного пограничного вала" /14/. К этому же периоду относится меморандум Секта, идеи которого удивительно совпадают с внешнеполитическими идеями катехизиса фашизма - "Майн кампф". Сект считает, что война с Россией "возможно, будет стоить нам одного миллиона людей. Что значит по сравнению с этим изгнание 20 миллионов человек, среди которых много таких подонков, как евреи, поляки, литовцы, латыши, эстонцы и др. ...?" /15/. В период веймарской республики складывается и идеология самого фашизма, получает распространение геополитика, возведенная через десятилетие в ранг государственной идеологии. С геополитикой тесно связано обоснование гитлеровской концепции недостатка "жизненного пространства" и расовая теория избрannости арийцев.

Особенно откровенно о планах захвата Прибалтики высказывались публицисты, от ответственности за эти высказывания правительство всегда могло отказаться. Трамплер в своей книге включает в состав Германии Эстонию, Латвию, Литву и целый ряд областей Советского Союза. В официальном календаре 1934 года указывалось, что Прибалтика якобы является немецкой землей, населенной "почти исключительно немцами". Краткая справка о Прибалтике заканчивалась словами: "Прибалтика снова будет немецкой". Клаус Гримм ставит своей целью ознакомление немецкого народа с условиями в трех окраинных государствах, в которых проживают его "захваченные братья". В книге дан обзор немецкой прессы и организации немцев в каждой из трех буржуазных республик, приведены данные о немецком населении. Как довод в пользу теории "народа без жизненного пространства" автор приводит сравнение плотности населения в Эстонии, Латвии, Литве и Германии.

На фоне этих агрессивных планов и намерений следует рассматривать методы и средства их осуществления.

Для экономической экспансии Германия имела хорошие предпосылки - сильное влияние немецкого капитала в промышленности Эстонии и заинтересованность немецких и балтийских баронов в тесных экономических контактах с Германией. В трех крупнейших банках Эстонии - Тартуском, Кредитном и А/О Г. Шеель - господствовал немецкий капитал. Последний из банков имел тесные связи с банками Германии и через своих членов правления контролировал деятельность многих ведущих предприятий буржуазной Эстонии. "Только главный директор банка Клаус Шеель являлся одновременно членом правления или руководящего

совета машиностроительного завода "Франц Крулль", сланцедобывающего и перерабатывающего предприятия "Ээсти Кивиולי", цементного завода "Порт Кунда", текстильного комбината "Кренгольмская мануфактура", корабельного предприятия "Пярну лаэв", пивной фабрики "Саку" и страхового общества "ЭКА" /16/.

Летом 1933 года Эстонию посетили директор военного концерна "М.Г. Фарбениндустри" М. Илгнер и экономист Гюнтер Шиллер. По словам самого Илгнера, они прибыли в Таллин "с целью выявить возможности расширения экономических связей с Эстонией" /17/. В первую очередь их интересовал сланец, являющийся сырьём стратегического назначения. Исходя из этого Германия при общем увеличении импорта из Эстонии отводила особое место вывозу сланцевых масел и продуктов химической промышленности (см. табл. 1). В руках немецкого капитала находились основные предприятия целлюлозно-бумажной промышленности и Германия ежегодно вывозила сотнями тонн целлюлозную массу, тоже имевшую стратегическое значение.

В марте 1934 года Германия обновила торговый договор с Эстонией /18/. Был увеличен ввоз судака в Германию и подписано отдельное соглашение о ввозе масла, а также понижены пошлины на ввоз изделий деревообрабатывающей промышленности. Торговым договором 1935 года Германия в ответ на увеличение ввоза сельскохозяйственных продуктов добилась уменьшения пошлин на вывозимые в Эстонию промышленные товары. Эстония импортировала в основном обработанные металлы, изделия из металлов и транспортные средства (см. табл. 2).

Германии удалось достичь значительных успехов в налаживании экономических отношений с Эстонией. С 1933 года сальдо торгового баланса Эстонии с Германией стало активным. В 1934 году Германия ввела систему клиринга во внешней торговле. Это привело к тому, что на счет Эстонского банка в Германском банке накопились огромные суммы (6 - 8 млн. крон), которые Эстония не могла использовать иначе как на покупку немецких товаров. Тем самым Эстония кредитовала осуществление программы вооружения Германии, а последняя диктовала условия торговли. Экономическое давление было лишь одним из методов усиления влияния Германии в Эстонии.

Значительную роль в подготовке будущих актов агрессии реакционные круги Германии отводили немецкому национальному меньшинству, которое должно было постепенно создавать благоприятные условия на местах.

Главной легальной организацией нацистов среди немцев Эстонии был "Немецкий клуб", начавший свою деятельность в марте 1932 года в Таллине. В правление клуба вошли руководители всех нацистских организаций, что позволяло направлять и координировать всю немецкую национал-социалистическую деятельность в Эстонии. Помимо лекций, докладов и прочих пропагандистских мероприятий "Немецкий клуб" организовал в 1933 году первый трудовой лагерь для молодежи. Одновременно с основанием "Не-

мецкого клуба" стала издаваться газета пронемецкого направления "Дер Ауфштиг". Уже через месяц с начала издания в газете была опубликована программа германской национал-социалистической партии, а в последующих номерах газета стала знакомить читателей с биографиями руководителей партии и их деятельностью. Особенно восторженно газета приветствовала приход Гитлера к власти. В специальной статье, посвященной этому событию, один из руководителей нацистского движения среди прибалтийских немцев Г. Шульман писал: "Пусть здесь будет сказано от имени всех прибалтийских немцев в Эстонии: С беспредельным восторгом мы приветствуем решение рейхс-президента передать должность рейхсканцлера фюреру — наиболее могущественному за все время народного движения лидеру. Да благословит бог это решение" /19/. Одной из возможностей распространения идей национал-социализма было культурное самоуправление. На заседании Государственного собрания 5 декабря 1933 года депутат К. Аст привел целый ряд фактов, свидетельствующих о влиянии национал-социалистов на школы, находящиеся в ведомстве немецкого культурного самоуправления /20/.

Организаций, через которые национал-социалистическая партия Германии вела свою пропаганду, имелось в Эстонии множество, только в 1934 году их насчитывалось 157, т.е. примерно одна организация на 104 немца /21/. Так называемое немецкое движение за обновление, под флагом которого в немецкое меньшинство проникали идеи и политика нацизма, выдавало себя за выражение "идеологически-остзейского мышления" /22/. Оно собирало гитлеровских сторонников в Латвии и Эстонии. На съезде немецко-прибалтийских организаций в ноябре 1933 года во главу "движения обновления" был избран барон фон цур Мюлен. В правлении большинство оказались сторонниками национал-социализма.

Сложившаяся обстановка вызвала тревогу среди эстонской буржуазии. В Государственном собрании с экстренным сообщением по этому поводу выступил А. Ойнас. Сообщение было очень тревожным и заканчивалось призывом не допустить влияния Германии на политику Эстонии через национал-социалистов. Обсуждение этого чрезвычайного сообщения шло очень бурно /23/. Было решено, что национал-социалистическое движение следует рассматривать как враждебное и опасное для республики. "Пяэвалехт" с одобрением сообщила о решении правительства о раскрытии "Немецкого клуба", об аресте фон цур Мюлена и роспуске совета культурного самоуправления. Тотчас была напечатана статья о деятельности фон цур Мюлена в 1905 году во главе карательного отряда. Газета сообщила и о раскрытии тайной организации "Балтийское братство", созданной весной 1929 года и руководимой из Берлина.

Немецкие газеты печатали сообщения о событиях в Эстонии под заголовками "Притеснения немцев в Эстонии", "Эстонское правительство против балтийских немцев", "Эстонский террор против немецчества", "Немецчество в беде" и т.п. /24/.

В октябре 1934 года была создана новая организация "Немецкое национально-народное объединение". Его основали Э. Клау и К. Кюглер. Впоследствии эта поначалу лояльная организация превратилась в легальную национал-социалистическую организацию и была переименована в "Объединение фольксдейче". Новая активизация нацистского движения была связана с новым местным "фюрером" - таллинским адвокатом О. Лутсом. Все более влиятельным становилось благотворительное общество "Самопомощь", во главе которого стоял О. Лутс. В январе 1935 года он побывал в Берлине. Некоторые подробности полученных им там указаний известны через секретный доклад министра иностранных дел Ю. Сельямаа главе правительства К. Пятсу. О. Лутсу разъяснили, что для подготовки акта аннексии Эстонии местные немецкие нацисты должны подготовить на местах преданные кадры, в первую очередь из числа молодежи, привлечь на свою сторону основную массу немецкого национального меньшинства. Переход Эстонии в состав Германии должен был осуществиться путем принятия населением республики национал-социалистического мировоззрения, при сохранении некоторых местных особенностей.

Гитлеровская Германия оказывала немецкому нацистскому движению в Эстонии значительную и всестороннюю помощь. Материальные средства переправлялись, как правило, через подставных лиц, а в ряде случаев и через немецкое посольство. Вообще все руководство немецкими организациями в Эстонии имело постоянную связь с посольством и использовалось в шпионской деятельности.

В идеологической работе внутри национальной группы ведущие организации и деятели прибалтийских немцев обращали особое внимание на воспитание молодежи в духе движения за обновление. Единой молодежной организации нацистов в Эстонии не имелось, но в 1934 году при культурном самоуправлении был создан отдел молодежи, возглавляемый А. фон Таубе. Местная немецкая молодежь подвергалась реакционной идеологической обработке в школе, в "Христианском союзе молодых мужчин", в "Христианском союзе молодых женщин", а также в корпусе скаутов. Весьма эффективной формой национал-социалистического воспитания молодежи **явились** регулярные визиты в Эстонию отрядов "гитлеровской молодежи". Разъезжая по республике, эти отряды проводили лагеря, организовывали встречи с местной немецкой молодежью. "Например, в 1935 году Эстонию посетил отряд "Гитлеровской молодежи" из Вестфалии. Отряд посетил город Выру, где его руководитель Г. Брейполь выступил с докладом об истории немецкого национал-социализма и организации "гитлеровской молодежи" /25/.

В среде коренного местного населения гитлеровцы делали ставку на вапсов. "Союз бывших фронтовиков" или иначе "Эстонский союз участников освободительной войны" в 20-ые годы занимался главным образом защитой экономических интересов членов организации. В 1930 году вапсы выступили на арену политической борьбы с фа-

шистской программой, выставляя себя поборниками "подлинного народовластия". Добиваясь своих политических целей, вапсы сблизились с реакционной частью прибалтийских немцев. Депутат Государственного собрания К. Аст сокрушался: "Самое страшное..., что в самой Эстонии среди эстонцев нашлись темные силы, которые помогают этому движению" /26/. Враждебность вапсов констатировал в своих выступлениях и К. Пятс.

С приходом Гитлера к власти вапсы стали получать денежную помощь непосредственно из Германии, от министерства пропаганды. Газета вапсов, для издания которой была получена ротационная машина из Германии, писала: "Победа Гитлера в Германии является подтверждением того, что в ближайшее время во всей Европе народы один за одним быстро освободятся от устаревших систем правления ..." /27/. Вапсы повели борьбу за власть, за изменение "устаревшей системы правления" через конституцию. Однако конкурирующая с ними за власть группировка Пятса-Лайдонера (последнего высоко ценили руководители прибалтийских немцев) провела 12 марта 1934 года государственный переворот и лишила вапсов возможности бороться за власть.

Активно действовала на территории Эстонии немецкая разведка, деятельность которой изучена и описана Леонидом Барковым /28/.

Несколько подробнее следует рассмотреть осуществление дипломатического давления Германии на Эстонию.

Германия использовала дипломатические переговоры любого ранга для подготовки к осуществлению своих агрессивных намерений в отношении Прибалтийских государств. С конца 1920-х годов Германия начала налаживать тесные дипломатические контакты с Эстонией и Латвией. При этом использовались не только официальные контакты, но и частные беседы и встречи. В апреле 1933 года руководитель внешнеполитического бюро нацистов А. Розенберг встретился со своим бывшим учителем реального училища Вольдемаром Пятсом и Лео Сеппом. Разговор коснулся и проблем, связанных с немецким национальным меньшинством в Эстонии. Розенберг отметил, что "проблема малых наций решена в Эстонии либерально" /29/. Эту якобы случайную встречу оценили в Государственном собрании как переговоры. Через месяц в Лондоне Розенберг высказал совершенно противоположные взгляды. Лейтмотивом всех выступлений Розенберга было утверждение, что "нацисты спасли от угрозы большевизма Германию и, если западные страны не будут чинить препятствий, спасут всю Европу" /30/, в том числе и Эстонию. Однако заручиться поддержкой Англии в прибалтийской политике Розенбергу не удалось.

Неудачей закончился и еще один внешнеполитический акт Германии, ей не удалось сорвать подписание конвенции об определении агрессии между СССР и прибалтийскими соседями. 3 июля 1933 года подписали конвенцию с СССР Эстония и Латвия, 5 июля - Литва. Дипломатический корпус Берлина оценил эти соглашения как сильный удар по интересам Германии. В Эстонии и при-

тельство, и общественность приветствовали участие республики в акте, подчеркивающим волю его участников к миру.

28 марта 1934 года народный комиссар иностранных дел СССР Литвинов в ходе беседы с послом Германии в СССР Надольным вручил ему проект протокола о совместном гарантировании границ Прибалтийских стран, который ослабил бы до некоторой степени те подозрения и недоверие, которые вызвала национал-социалистическая литература и выступления некоторых вождей движения. 11 апреля министр иностранных дел Германии дал официальный ответ: "Немцы не имеют никаких притязаний на Прибалтику. Считаться же с высказываниями "какого-то" Розенберга он (Нойрат) не намерен" /31/. Комментируя отказ Германии, посол США Додд писал: "Пакт обязал бы Германию гарантировать безопасность Балтийских стран и Чехословакии против любой агрессии. Ясно, что Гитлер не согласился оставить этим странам, с живущим в них немецким меньшинством, независимость" /32/. Отказ этот всколыхнул общественное мнение всего мира и в первую очередь Прибалтики как доказательство агрессивных намерений Германии. Оправдание отказа Германии было возложено на прессу, однако порой "оправдание" звучало как подтверждение агрессивности. Например, "Дейтче аллгемайне цейтунг" писала: "... Германия имеет на Эстонию и Латвию больше всех прав. Историческое развитие Прибалтики было определено тем, что немецкий рыцарский орден подчинил себе землю и повернул её в христианство. В результате этого Прибалтика была отвоевана Европе" /33/.

Именно в 1933 - 1935 годах ожили идеи балтийско-скандинавского союза. Причины повышения интереса к сотрудничеству и союзу малых стран Балтийского моря и Скандинавии были противоречивыми. С одной стороны, это было вызвано усилением агрессивности Германии и в нем проявлялось стихийное стремление народов к системе коллективной безопасности. С другой стороны, прибалтийские и скандинавские страны не стремились к сотрудничеству с СССР. Планы балтийско-скандинавского сотрудничества и союза были выдвинуты некоторыми кругами социал-демократов и буржуазии малых и средних стран, испытывающими страх, чувство бессилия перед ростом мощи и агрессивности фашистской Германии, но не желающими участвовать в системе коллективной безопасности при участии Советского Союза. Субъективно они искали третий путь между фашистской агрессией и коллективной безопасностью. Объективно это стало разрушением планов создания коллективной безопасности, служило интересам Германии.

В предшествующий период, начиная с 1918 г., планы создания балтийско-скандинавского союза всегда тесно связывались с планами и интересами Великобритании и как таковые были направлены против Советского Союза. Анти-советское острое планируемого союза сохранилось и в рассматриваемый период, что определило внимательное и настороженное отношение СССР к планам подобного союза, а также начинаниям этого сотрудничества как в январе-марте 1934 года, так и в дальнейшем. Это же обстоятельство

ство послужило причиной интереса фашистской Германии к ним. Демонстрацией данного интереса Германия добивалась двух целей: во-первых, заигрывание с Великобританией, во-вторых, срыв планов создания системы коллективной безопасности. Вопросами сотрудничества и союза балтийских и скандинавских стран занимался А. Розенберг. С 1933 года под его покровительством находилось Северное общество в Любеке. Задача общества заключалась в развитии "культурных, личных и иных связей со скандинавскими народами и государствами Балтийского моря" /34/. 15 мая 1934 года Розенберг передал Петлеру памятную записку "Великобритания и Германия", в которой утверждал, что ему удалось создать предпосылки для блока государств Балтийского моря /35/.

Правительство Эстонии было благосклонно настроено к идее подобного союза и министр иностранных дел Ю. Сельямаа выразил в "Пяэвалехт" сожаление по поводу трудностей ее осуществления, однако не было сделано конкретных шагов на пути к преодолению этих трудностей.

Успешнее шло формирование т.н. "Балтийской Антанты". С 1925 года существовал военный союз Эстонии и Латвии. 17 февраля 1933 года он был дополнен договором о сотрудничестве в области внешней политики, оговорено было расширение экономических связей двух стран /36/. 12 сентября 1934 года был заключен договор о сотрудничестве между Эстонией, Латвией и Литвой /37/. На основании этого договора участники обязались координировать свои действия в области внешней политики. Общественно это соглашение служило интересам Германии, так как не было статьи о гарантии границ.

1933-35 годы являлись периодом завершения формирования договоренности Англии и Германии в отношении Прибалтики. До Эстонии сведения о готовности Англии признать рост влияния Германии в этом регионе при условии достижения взаимной договоренности в некоторых вопросах международной жизни доходили с 1934 года. В начале 1935 года посланник Эстонии в Читве Лепник писал: "... Англия ... в настоящее время, пожалуй, судовольствием видела бы некоторое усиление германской дипломатии в прибалтийских странах и вытекающее из этого частичное укрепление антисоветского фронта" /38/. В это же время активизировалось проявление "заботы" Англии и США о самостоятельности и независимости Прибалтики, которая особенно оживилась в первые месяцы 1935 года.

Новой чертой в политике Англии в начале 1935 года было и оказание давления на Литву с целью склонить ее к уступкам Германии в вопросе Клайпеды.

Одновременно с открытыми актами нарушения Германией Версальской системы в Берлин для переговоров с Гитлером вылетел министр иностранных дел Саймон. Переговоры, проходившие 24 - 26 марта 1935 года, подготовили будущее соглашение двух империалистических держав. В донесении эстонской миссии из Лондона сообщалось: "Наши ценные бумаги после встречи в Берлине (т.е. переговоров Саймона и Гитлера - А.Р.) стали в Лондоне

падать" /39/. Додд писал, что Гитлер заявил Саймону также о своем намерении "продвинуться в Литву, Латвию и Эстонию", установить свою власть над проживающими там "варварскими народами" /40/.

Осенью 1934 года на переговорах о морском вооружении в Лондоне гитлеровцы потребовали разрешения на увеличение своих морских сил в Балтийском море. Додд в своем дневнике пишет о беседе Гитлера с английским послом Фиппсом, в которой Гитлер обосновал свои требования в отношении морского флота тем, что "мы должны иметь свои военные корабли на всем Балтийском море" /41/. Эту же мысль высказал Додду и Нойрат: "Германия должна управлять Европой и в первую очередь Балтийским морем" /42/.

Англия предложила Германии участвовать в конференции о морских вооружениях пяти великих держав. Гитлер был согласен при условии, что ему будет обеспечена гегемония против Советского Союза в Балтийском море. В принципе Англия не возражала против подобного условия.

В самой Англии все чаще стали говорить о незаинтересованности страны во влиянии на балтийские страны. "Дели Телеграф" от 5 мая 1935 года провозгласила: "Регионально Великобритания не заинтересована в северо-востоке Европы" /43/.

Решающее значение в формировании договоренности Англии и Германии по вопросам Балтийского моря и его восточного берега имело морское соглашение, подписанное 18 июня 1935 года. Тоннаж немецкого военного флота в 1935 году равнялся 78 600 тоннам, договором было решено его увеличение до 420 600 тонн, т.е. Германия могла упытерить свой флот. Английский журнал "Нью стейтсмен энд нейшн" констатировал, что предоставленная Германии норма увеличения военно-морских сил "более чем достаточно для превращения Балтийского моря в германское озеро" и "что соглашение достигнуто за счет молчаливого согласия Англии на осуществление германских экспансионистских устремлений, направленных против СССР и прибалтийских государств" /44/. Эстонская пресса тревожно реагировала на подписание англо-германского морского соглашения. Тыниссон в "Постимеэс" писал: "... дым маневрирующих на Балтийском море немецких военных кораблей может стать для восточного берега удушливым" /45/. "Пяэвалехт" посвятила соглашению несколько статей, в которых подчеркивалось, что гегемония Германии в Балтийском море чрезвычайно опасна для Эстонии. Додд резюмировал: "главным содержанием морского соглашения было предоставление Германии абсолютного контроля над Балтийским морем" /46/.

Для подобного шага у Англии были достаточные основания. К середине 30-х годов значительно укрепился немецкий монополистический капитал. В значительной мере это является результатом "золотого дождя американских долларов" /47/, который и способствовал росту тяжелой промышленности и особенно военной индустрии. Владельцы крупных военных концернов Германии успешно кон-

курировали с англичанами на многих рынках сбыта и все четче выражали своё желание и стремление к их переделу. Англия была вынуждена где-то посторониться и решено было это сделать там, где это в наименьшей степени заденет интересы Англии. Кроме того, поначалу Англия отнюдь не претендовала на полное вытеснение английского капитала из Прибалтики.

Свое поощрение в адрес соглашения продемонстрировали США и Япония, страны, всегда бдительно следившие, чтобы не возрастала морская мощь какой-нибудь еще страны, ничуть не были обеспокоены ростом флота Германии, что как нельзя лучше подчеркивает антисоветскую направленность соглашения. Договор этот стал важным актом в подготовке второй мировой войны. Берлин праздновал первую внешнеполитическую победу Гитлера, в доме Розенберга по этому поводу состоялся банкет /46/.

На словах провозглашая стремление к миру, Германия не приняла ни одного предложения СССР, направленного на упрочение мира, а только использовала все возможности для подготовки к реализации своих агрессивных планов.

Импорт Германии из Эстонии (1929 - 1938) (в т.)

Таблица 1

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
I Живой скот	1,0	0,3	0,2	9,4	-	-	49,2	61,5	46,2	70,0
II Пищевые продукты, пряности	50,1	59,1	40,9	41,3	37,9	40,8	33,3	29,9	33,4	33,4
Зерно и мука	3,7	1,7	-	5,5	0,0	97,4	1,8	1,4	0,0	-
Овощи и фрукты	2,3	0,4	0,4	0,4	7,5	3,4	4,3	-	8,0	14,6
Продукты животноводства	52,9	62,5	46,2	46,6	40,5	38,5	41,9	37,1	36,2	34,9
Рыба, рыбные продукты и раки	33,9	43,2	34,2	47,0	29,4	20,4	12,3	12,0	43,8	55,7
Остальные продукты	10,5	0,8	0,6	0,2	1,1	0,9	1,1	0,2	20,8	32,5
Корм для скота	-	11,7	12,4	13,9	13,9	13,4	63,8	-	50,7	-
III Сырьё и полуфабрикаты	5,2	4,8	6,5	7,0	7,4	10,3	14,1	11,8	32,5	28,7
Продукты животноводства	25,5	22,5	44,9	42,2	20,5	43,6	26,3	34,1	56,2	46,2
Семена и растения	11,6	2,2	14,9	7,6	41,7	68,9	56,1	26,3	34,5	54,7
Лесные материалы	1,3	0,5	2,2	5,4	5,8	5,4	16,7	11,2	35,8	38,8
Бумажная продукция	0,1	3,1	2,9	0,4	0,7	1,0	0,2	0,0	-	-

Таблица 1 (прод.)

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Сырьё для текстильной пром.	6,4	6,5	4,5	6,0	5,8	18,4	23,7	18,2	37,3	19,9
Руда и необработанные мет.	42,0	14,7	9,4	26,8	13,6	20,9	23,3	14,9	16,8	14,1
Минералы кроме руды	12,1	46,4	13,1	7,7	13,6	5,8	2,0	0,9	2,8	2,9
Сырьё для химической пром.	14,0	39,2	25,2	36,9	34,6	30,5	19,1	11,3	51,1	62,0
а) масла и жиры, смолы	5,9	26,3	3,3	3,6	18,9	26,0	25,8	17,0	64,9	71,1
б) удобрения	-	30,2	-	-	-	-	-	-	4,8	-
IV Готовая продукция	18,8	15,0	11,8	13,1	12,1	20,1	21,2	16,6	19,5	16,2
Обработанная кожа и кож. изд.	6,4	3,5	21,0	0,1	3,0	0,0	0,2	0,0	0,4	0,3
Изделия деревообрабатыв. пром.	14,4	15,1	14,8	12,7	12,3	14,3	19,1	17,5	13,3	19,9
Изделия бумаж. пром.	1,1	1,2	0,9	2,7	1,4	0,9	0,4	0,7	0,3	0,6
Изделия текстильной пром.	27,3	20,5	17,0	16,4	18,9	30,6	29,7	23,3	32,3	25,8
Обработанные мет.	6,5	10,1	14,3	75,7	0,0	2,7	-	18,7	10,7	22,4
С/х машины и орудия труда	21,6	0,9	5,4	39,0	0,0	4,4	20,0	3,9	12,3	11,9

Таблица 1 (прод.)

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Силовые и рабочие машин	11,4	9,0	7,2	15,4	12,8	7,5	6,8	15,7	16,6	13,6
Металлические т.	11,4	20,3	19,6	10,6	2,1	9,6	30,8	14,1	8,0	3,4
Электрические маши- ны, аппаратура	9,0	16,5	18,9	17,9	2,5	7,1	2,0	3,4	2,5	2,6
Инструменты, ап.	44,9	29,3	44,2	33,6	43,4	34,4	36,3	68,6	64,1	65,0
Трансп. средства	33,9	12,5	3,3	8,0	9,1	28,6	11,0	44,5	14,5	12,0
Керамика	0,8	0,1	0,2	0,6	0,3	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1
Продукты хим. пром.	12,6	21,7	4,7	12,2	2,5	15,9	46,3	15,0	12,6	2,3
Другие товары	21,3	13,3	5,4	6,4	1,2	2,3	2,2	2,4	2,2	0,7
Драгоценные мет., камни	-	4,4	3,9	31,0	33,4	-	11,7	50,0	18,8	100,0
В с е г о	26,6	30,0	24,3	26,2	21,2	22,5	24,4	22,5	30,5	31,4

Таблица 2

Экспорт Германии в Эстонию (1929 - 1938) (в %)

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
I Живой скот	19,4	8,3	20,0	38,1	20,2	26,7	7,7	0,7	2,6	2,8
II Пищевые продукты	32,5	14,1	6,2	8,0	5,1	5,1	5,7	2,6	2,4	3,3
Зерно и мука	48,3	19,8	1,4	0,9	9,1	5,9	0,5	0,4	0,0	0,0
Овощи и фрукты	5,6	2,5	2,0	3,4	2,1	1,6	0,6	0,9	0,2	0,2
Продукты живот.	1,5	2,5	2,3	24,2	0,2	2,3	83,2	4,0	2,1	0,8
Рыба, рыб. прод.	0,1	0,8	0,0	-	0,0	-	0,0	0,0	0,0	0,3
Остальные прод.	7,4	7,1	9,0	10,0	5,6	6,3	7,1	4,9	5,9	6,0
Корм для скота	68,3	85,3	43,0	12,5	7,3	3,5	14,9	0,2	6,6	7,3
III Сырьё и полуфабрикаты	9,7	10,3	11,9	11,1	6,5	5,7	7,1	7,4	7,0	10,0
Продукты живот.	32,6	29,2	41,2	39,7	13,1	8,8	10,7	9,2	7,7	5,6
Семена, растен.	12,4	8,2	7,7	6,6	10,1	6,7	4,0	3,7	4,0	2,8
Лесные материал.	3,2	2,7	2,4	1,5	17,5	1,0	-	4,9	1,5	2,8
Бумажн. продукция	3,6	2,1	7,4	9,3	-	0,0	-	0,3	0,1	0,4
Сырьё для текстиль-ной пром.	2,2	3,7	4,2	1,7	1,0	0,9	0,6	0,4	0,4	0,9
Руда и необработанные мет.	64,8	40,4	45,1	43,6	30,9	19,5	25,6	30,9	12,8	14,5

Таблица 2 (прод.)

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Минералы кроме руды	7,0	7,4	7,2	9,4	11,2	14,8	13,8	20,1	21,3	14,6
Сырьё для химической пром.	12,2	15,0	13,9	16,3	8,4	10,1	14,5	13,6	12,7	20,2
а) масла, жиры, смола	10,2	10,1	8,9	8,8	10,5	7,3	2,9	2,8	2,4	2,8
б) удобрений	17,1	29,9	32,6	39,1	6,2	14,6	36,3	38,0	36,2	43,1
IV Готовая продукция	41,7	46,1	46,5	46,9	35,7	33,8	40,2	45,4	40,5	44,8
Обработанная кожа и кож. изд.	71,2	74,3	70,3	55,8	46,1	45,6	54,4	68,4	41,2	26,2
Изделия дерево-обработ.	21,9	29,0	20,6	30,1	14,9	13,5	33,6	53,2	41,8	33,2
Изделия бумаж. пром.	42,8	46,7	44,7	46,3	48,7	38,7	46,0	48,8	40,8	39,4
Изделия текст. пром.	35,1	47,8	44,6	47,6	18,9	26,3	30,3	30,3	26,1	25,3
Обработ. мет.	35,9	28,0	28,2	28,1	23,1	33,4	40,9	40,9	24,1	45,5
С/х машины и орудия труда	16,0	17,9	27,5	48,7	24,0	25,8	19,1	17,8	16,7	18,1
Силовые и рабочие машины	55,7	59,1	51,1	53,4	40,0	41,3	54,0	56,5	49,6	54,4
Металлич. товары	64,7	61,6	64,1	63,7	51,4	46,0	60,4	63,9	57,2	59,8
Эл. машины, аппараты	58,5	60,1	53,8	60,1	53,9	67,8	52,6	51,8	48,0	52,0

Таблица 2 (прод.)

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Инструменты, аппараты	63,7	52,3	58,8	70,7	65,3	71,1	69,6	70,7	68,1	65,0
Транспортные средства	56,5	47,4	38,3	18,5	17,7	14,7	26,4	39,1	43,0	48,6
Верамика	59,9	47,7	49,5	31,8	31,5	53,0	42,4	44,3	45,7	43,6
Прод. хим. пром.	26,3	37,0	37,1	45,5	39,6	41,6	41,2	44,3	45,7	43,6
Другие товары	44,4	61,5	63,5	65,7	65,7	54,9	55,9	62,6	62,2	50,1
V Драгоценные металлы, камни	52,8	74,0	83,1	72,2	50,8	62,6	48,4	31,8	32,4	26,9
Всего	50,1	58,4	50,0	52,0	21,2	27,5	36,3	29,8	26,1	31,1

	Импорт			Экспорт		
	1933	1934	1935	1933	1934	1935
I Живой скот	-	13,3	34,6	-	-	-
II Пищевые продукты, пряности	48,5	45,8	50,6	41,1	45,0	37,8
Зерно и мука	0,8	1,7	-	0,0	0,0	-
Овощи и фрукты	0,0	0,0	0,0	1,9	1,3	6,2
Продукты животн.	4,0	5,8	2,7	44,4	56,3	47,8
Рыба, рыбн. продукты и раки	80,6	86,8	83,7	0,2	0,4	0,1
Остальные прод.	52,2	49,1	63,9	13,4	13,5	15,8
Корм для скота	-	3,1	-	-	-	-
III Сырьё и полуфабрикаты	11,8	10,0	11,3	46,0	54,7	54,0
Продукты животноводства	0,1	0,3	1,0	2,3	6,3	2,1
Семена и растений	1,0	1,1	1,4	41,6	25,9	21,6
Лесные материалы	-	0,9	1,6	77,7	80,1	73,8
Бумажн. продукция	-	-	-	32,1	32,1	53,4
Сырьё для текстильной пром.	11,6	9,5	11,4	58,8	67,6	63,3

Таблица 3 (прод.)

	Импорт			Экспорт		
	1933	1934	1935	1933	1934	1935
Руда и необработ. мет.	36,7	38,5	40,1	-	0,0	-
Минералы кроме руды	57,4	46,2	71,4	0,6	15,8	28,4
Сырьё для хим. пром.	8,1	9,2	4,6	5,8	5,7	9,6
а) масла, жиры, смолы	15,7	17,4	7,7	0,0	0,1	0,1
б) удобрения	-	-	-	-	-	-
IV Готовая продукция	15,7	15,2	18,4	16,9	15,9	17,8
Обработан. кожа и кож. изд.	14,5	27,1	16,1	3,2	0,2	0,0
Изделия дерево-обработ. пром.	3,1	5,8	3,4	53,9	53,8	53,6
Изделия бумаж. пром.	4,0	10,3	10,1	12,0	9,6	9,1
Изделия текст. пром.	19,9	24,5	36,8	2,3	2,3	0,9
Обработанные мет.	20,6	18,0	18,7	-	-	11,5
С/х машины и орудия труда	0,0	1,0	10,4	-	-	-
Силовые и рабочие машины	35,5	26,0	23,3	1,5	2,6	3,9

Таблица 3 (прод.)

	Импорт			Экспорт		
	1933	1934	1935	1933	1934	1935
Метал. товары	25,2	14,2	11,5	0,0	-	0,3
Эл. товары, аппар.	6,3	5,5	8,7	0,0	-	0,9
Инструменты, аппар.	7,2	7,9	5,3	1,6	2,8	2,9
Трансп. средства	23,2	12,7	19,5	0,0	4,0	4,4
Керамика	7,9	7,8	7,7	17,1	26,9	70,2
Продукты хим. пром.	6,1	8,6	13,1	87,0	57,8	40,0
Другие товары	10,7	9,9	9,8	37,9	48,6	51,2
V Драгоцен. мет., камни	0,6	40,9	33,9	-	-	73,5
Всего	18,0	16,4	19,0	37,1	40,5	97,5

Литература и примечания

1. Weltherrschaft im Visier: Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftspläne des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertswende bis Mai 1945 / Hrsg. und eingel. von W. Schumann und L. Nestler unter Mitarb. von W. Gutsche und W. Ruge. - Berlin, 1975.
2. Riigivolikogu V koosseis: Täielikud protokollid ja stenograafilised aruanded. III ja IV istungjärk 65. koosolekust 27/28. juunil 1933. a. 122. koosolekuni 16. märtsil 1934. a. - Tallinn, 1934.
3. Eesti lepingud välisriikidega. 1933 - 1934. - Tallinn, 1934. - XII.
4. Grimm G. Das Baltikum. - Berlin, 1935.
5. Haller J. Reden und Aufsätze zur Geschichte und Politik. - Berlin, 1934.
6. Tannenberg O.R. Gross-Deutschland, die Arbeit des XX Jahrhunderts. - Leipzig, 1911.
7. Wirsing G. Deutschland und der Weltpolitik. - Jena, 1933; Zwischeneuropa und die deutsche Zukunft. - Jena, 1932.
8. Vriis A. Das Deutschtum in Estland. - Berlin, 1935.
9. Menschenkampf E. Menschen und Schicksale aus dem alten Livland. - Tilsit, Leipzig, Riga, 1944.
10. Eesti majandus: Väliskaubandus 1929 - 1938. - Tallinn, 1930 - 1939. - Vihk XII-XXI.
11. Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, Osteuropäische Forschungen, Ostwirtschaft.
12. Weltherrschaft im Visier. - S. 88 - 89.
13. Dasselbe. - S. 101.
14. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов, 1917 - 1918 гг. - М., 1968. - Т. 1.
15. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. - М., 1973. - Т. 1.: Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933 - 1941. - С. 190.
16. Райд Я.Г. Прибалтийские немцы в буржуазной Эстонии (1920 - 1940). - Tallinn, 1978.
17. Päevaleht. - 1933. - 23. aug. (PL).
18. Eesti lepingud välisriikidega XII. - Lk. 136.
19. Райд Я.Г. Прибалтийские немцы... - С. 47 - 48.
20. Riigikogu V koosseis: III ja IV istungjärk. - Lk. 1080.
21. Pesti M. Inglise-Saksa imperialistlikust kokkulepepest Balti mere ja Baltimaade küsimuses (1935. a.) // ENSV TA toimetised. - Tallinn, 1955. - 4 kd, nr. 1. - Lk. 39.
22. Чоллек Р. Провал политики "форпоста": К истории немецкого меньшинства в Латвии и Эстонии в 20-х и 30-х годах // Германия и Прибалтика. - Рига, 1976. - Ч. IV. - С. 14. - (Уч. зап. / Латв. ун-т им. Петра Стучки; Т. 260).

23. Riigikogu V koosseis: III ja IV istungjärg. - Lk. 1075 - 1106.
24. Päevaleht. - 1933. - 16. dets.
25. Райд Я.Г. Прибалтийские немцы... - С. 71.
26. Riigikogu V koosseis: III ja IV istungjärg. - Lk. 1081.
27. Sama. - Lk. 1098.
28. Барков Л. В дебрях Абвера. - Таллин, 1971.
29. Päevaleht. - 1933. - 27. apr.
30. Розанов Г.Л. Германия под властью фашизма (1933 - 1939 гг.). - М., 1964. - С. 236 - 237.
31. Документы внешней политики СССР. - М., 1970. - Т. XVII. - С. 255. (ДВП).
32. Dodd E. Diplomat auf heißem Boden: Tagebuch des USA-Botschafters William E. Dodd in Berlin 1933 - 1938. - Berlin, 1977.
33. ДВП. - Т. XVIII. - С. 292.
34. Rosenberg A. Gestaltung der Idee: Blut und Ehre. II Band. - S. 93.
35. Seraphine H.G. Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. - Göttingen, 1956. - S. 140.
36. Eesti lepingud välisriikidega. XII. 1933 - 1934. - Tallinn, 1935. - Lk. 144 - 146.
37. Там же. - С. 277 - 280.
38. Сепре О. Зависимость буржуазной Эстонии от империалистических стран // Известия АН ЭССР. - Таллин, 1960. - С. 16.
39. Eesti M. - Lk. 66.
40. Dodd E. - S. 254.
41. Там же. - С. 261.
42. Там же. - С. 266.
43. Eesti M. - Lk. 67.
44. История дипломатии. - М., 1965. - Т. III: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / Под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земского, В.А. Зорина. - С. 616.
45. Eesti M. - Lk. 11.
46. Dodd E. - S. 264.
47. Geschichtsfälscher: Eine historische Feststellung. - М., 1948. - S. 12.
48. Иванов А.Н. Морское соперничество империалистических держав. - М.-Л., 1936. - С. 118.

DEUTSCHLANDS POLITIK IN BETREFF ESTLANDS IN DEN JAHREN 1933 - 1935

A. Reinus

Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Artikel behandelt man einen Zeitabschnitt, während dessen England von seinen Positionen in Baltikum zurücktrat und Deutschland hier seinen Einfluss festigte.

Für die wirtschaftliche Expansion hatte Deutschland gute Voraussetzungen - starker Einfluss des deutschen Kapitals in der estnischen Industrie und die Interessiertheit der baltisch-deutschen Gutsbesitzer für enge Verbindungen mit dem deutschen Markt. In den drei grösseren Banken Estlands (Tartuer Bank, Kreditbank und AG G. Schel) herrschte das deutsche Kapital. Zum Beispiel Klaus Schel war gleichzeitig Mitglied des Vorstandes mehrerer Unternehmen ("Franz Krull", "Estnisches Steinöl", "Port Kunda", "Krähenholmer Manufaktur", "Pernauer Schiff").

Im Sommer 1933 besuchten Estland der Wirtschaftswissenschaftler G. Scheller und der Direktor des Militärkonzerns "M.G. Farbenindustrie" M. Ilgner. Das Ziel des Besuches bestand in der Klarstellung der Möglichkeiten für die Erweiterung wirtschaftlicher Beziehungen.

Im März 1934 wurde das deutsch-estnische Handelsabkommen erneuert. In demselben Jahr wurde ein separates Abkommen über den Butterexport aus Estland unterzeichnet. Im Jahre 1935 wurde ein neues Handelsabkommen geschlossen, womit Deutschland den Kauf der landwirtschaftlichen Produkte vergrösserte und Estland die Zölle für Industriewaren ermässigte. Seit 1933 wurde der Saldo der Handelsbilanz zweier Staaten aktiv. 1934 befestigte Deutschland im Aussenhandel das Kliringsche System, das sein Diktat beim Festlegen der Bedingungen des Warenaustausches vergrösserte.

Eine grosse Hoffnung bei der Verwirklichung seiner annexionischen Pläne hegte Deutschland auf die Hilfe der örtlichen Deutschen.

An der Spitze der legalen Naziorganisationen stand "Deutscher Klub". 1934 gab es in Estland 157 Organisationen, die sich mit dem Propagieren der Ideen der faschistischen Partei beschäftigten. Die Situation beunruhigte die bürgerlichen Kreise Estlands. A. Oinas hielt in der Staatsversammlung eine erregte Rede. Auch die Reden anderer Mitglieder der Staatsversammlung bestätigten, dass die national-sozialistische Bewegung feindselig und gefährlich für Estland ist. "Das Tageblatt" benachrichtigte bald mit Befriedigung vom Beschluss der Regierung den "Deutschen Klub" zu schliessen und den

Führer der örtlichen Nazis von Zur Mühlen zu verhaften. Aber schon Ende 1934 entstand eine neue Organisation "Deutscher Nationaler Verein".

In England war aktiv tätig der deutsche Nachrichtendienst, darüber ist ein Buch von L. Barkov erschienen.

Seit Ende 1920. Jahren begann Deutschland mit dem Schaffen enger diplomatischen Beziehungen mit Est- und Lettland, wobei ausser offiziellen Kontakten auch Privattreffen und -gespräche ausgenutzt wurden.

Deutschland strengte sich sehr im Namen des Durchfalls der Unterzeichnung einer Konvention für Bestimmung eines Angriffs an, aber diese Bemühungen blieben unfruchtbar. Am 3. Juli unterzeichneten die Konvention mit der UdSSR Est- und Lettland, am 5. Juli Litauen.

Im März 1934 wies Deutschland den Vorschlag der UdSSR zurück, die Sicherheit der baltischen Länder zu garantieren.

Im obererwähnten Zeitabschnitt belebten sich die Ideen über einen baltisch-skandinavischen Bund. Objektiv diente dieser Vereinigungsversuch Deutschlands Interessen, wobei er die Pläne der Schaffung eines Systems der kollektiven Sicherheit zerstörte.

Der estnische Gesandte in England Leppik schrieb Anfang 1935, dass man hier mit dem zunehmenden Einfluss Deutschlands in Baltikum als mit einer Bedingung der Verstärkung der antisowjetischen Front zufrieden sind.

Entscheidend für die Entwicklung der englisch-deutschen Beziehungen war der Marinevertrag vom 18. Juni 1935. Die Tonnage der deutschen Schiffe vergrösserte sich 5mal. Deutschland wurde die Möglichkeit gegeben, die Ostsee zu einem eigenen See zu verwandeln. Die USA und Japan billigten den Marinevertrag schweigend, obwohl sie gewöhnlich aufmerksam und feindselig die Verstärkung der Marine anderer Staaten verfolgten. Der Vertrag war ein wichtiger Akt in der Vorbereitung des zweiten Weltkrieges.

Beim Bewerten der Politik Englands muss man das Zusammentreffen zweier Umstände im Auge behalten. England versuchte Deutschland gegen die UdSSR zu stossen. Berücksichtigt werden müssen auch die Verstärkung des deutschen Kapitals und der Versuch der Bourgeoisie, die Märkte zu verteilen. England beschloss dort nachzugeben, wo es am wenigsten die Interessen des englischen Kapitals verletzen würde. Deutschland seinerseits stellte sich nicht zur Aufgabe, das englische Kapital aus Baltikum gleich hinauszudrängen.

SISUKORD

H. Piirimäe. Laevandus ja laevaehitus Narvas XVII sajandi lõpul.....	3
X. Пйиримяэ. Судовладение и судостроение в Нарве в конце XVII века. Р е з ю м е.....	24
H. Piirimäe. Shipping and Shipbuilding in Narva in the Last Decades of the 17th Century. S u m m a r y.....	25
M. Laidre. Rootsi Liivimaa armee sõjakäik Preisi- maale 1678 - 1679. Plaanid ja tegelikkus.	26
M. Лайдре. Поход лифляндской армии Швеции в Пруссию в 1678 - 1679. Планы и действи- тельность. Р е з ю м е.....	47
M. Laidre. Der Feldzug der livländischen Trup- pen Schwedens nach Preussen 1678 - 1679. Pläne und Wirklichkeit. Z u s a m m e n f a s s u n g..	48
R. Helme. Vene-Saksa Leegioni formeerimisest Ees- tis (1812 - 1813).....	49
P. Хельме. Формирование русско-немецкого леги- она в Эстонии 1812 - 1813 гг. Р е з ю м е.	58
R. Helme. Über die Formierung der Russisch-Deut- schen Legion in Estland (1812 - 1813). Z u s a m m e n f a s s u n g.....	60
E. Luka-Remmelgas. Pärnu Väliskaubandus XIX sa- jandi 20. - 30. aastail.....	62
Э. Лука-Реммельгас. Внешняя торговля г. Пярну в 1820 - 1830 гг. Р е з ю м е.....	80
E. Luka-Remmelgas. Foreign Trade in Pärnu in the Twenties and Thirties of the 19th Cen- tury. S u m m a r y.....	81
T.И. Студеникина. О польско-немецких обществен- ных связях в Познанском княжестве весной 1848 г.....	82
T.И. Studenikina. About Polish-German Social Relations in the Poznan Principality in the Spring of 1848. S u m m a r y.....	103
O. Клаассен. Формирование антисоветского сотруд- ничества между империалистической Японией и буржуазной Эстонией (1918 - 1921 гг.)..	104
O. Klaassen. The Formation of Anti-Soviet Col- laboration Between Imperialist Japan and Bourgeois Estonia. S u m m a r y.....	116
К.Я. Почс. К вопросу о внешнеполитической ориен- тации Польши в период подготовки Локарн- ских соглашений.....	117
A. Рейнус. Политика Германии в отношении Эсто- нии в 1933 - 1935 гг.....	129
A. Reinus. Deutschlands Politik in betreff Est- lands in den Jahren 1933 - 1935. Z u - s a m m e n f a s s u n g.....	150